

Сказка? Бывы

Сергей
Полковников

Сергей Полковников

Сказка? Быль!

Сказание-бывальщина

2019

УДК 82-3
ББК 84-4
П51

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Полковников Сергей

П51 Сказка? Быль! : Сказание-бывальщина / Сергей Полковников. —
[б. м.] : [б. и.], 2019. — 264 с.
[б. н.]

Отправимся вместе с автором и главным участником этих приключений в таинственную лесную чащу. ЛЕС — живое и мистическое существо приоткроеет дверь в свою кладовую тайн. Удивительный тонкий мир, опасный и манящий, населенный сонмами враждебных и благожелательных существ через малую щель наполнит своим присутствием всю окружающую действительность. В пути нас ждут незабываемые встречи с его обитателями. Автор приглашает всех, в чьем сердце горит огонь странствий стать спутником этого повествования.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Сергей Полковников, 2019
© Евгений Мельников, иллюстрации, 2019

Предисловие (от автора)

Все, что написано в этой книге, — правда. То есть все события, изложенные отнюдь не в хронологическом порядке, имели место быть. Все умозаключения философского, скорее даже эзотерического плана пусть останутся на совести автора, который не претендует на выражение истины в последней инстанции, а лишь излагает свою точку зрения, отталкиваясь от тех знаний и духовных опытов, что он получил в определенный период своей жизни. Но в то же время без внутреннего духовного фундамента, на котором он строит здание своей жизни, смогли ли состояться все эти события, что разворачиваются на страницах этого повествования? Навряд ли, все было бы серо и обыденно в рамках трехмерного, но все-таки достаточно плоского мира.

Удивительный, многогранный тонкий мир, манящий, опасный, населенный сонмами враждебных и благожелательных существ через малую щель двери, в которую заглянул любопытствующий человек, наполнил своим присутствием всю окружающую действительность во всех сферах его деятельности.

Вся жизнь ЛЕСа насквозь пронизана мистической составляющей, поэтому необычность событий, происходящих на его просторах с человеком в различные времена и сезоны, была оправдана и закономерна. Тем более что ЛЕС сам охотно шел на контакт с ним, но для того чтобы в полной мере воспользоваться этой уникальной возможностью общения на равнозначном уровне, контактеру, увы, недоставало знаний и возможностей, и на основании этого не все в его лесной эпопее происходило так гладко, безмятежно.

Автор очень долго не мог выбрать название стиля повествования, в котором написана эта книга. Как-то само собой, как это всегда бывает, всплыло слово «сказание». Привлекало в этом слове то, что его корень «сказ» нес в себе два главных смысла — рассказ и сказка. Все, что происходило внутри ниже описанных событий, и их переСКАЗ, расСКАЗ их от лица автора и главного героя его повествования, в котором он наивно и незамысловато пытается замаскировать самого себя, иначе как сказка, воплощенная в жизнь, и не назовешь. Но очень часто этот стиль изложения, рассказ исторического, героического и в меньшей степени фольклорного содержания нес в себе описание монументальных, пафосных событий. «Сказание о киевских богатырях», «Сказание о невидимом граде Китеже» и так далее. Ни в коей мере не претендуя на героизацию себя и изложенных в расСКАЗе событий, автор осознанно уводит пытливого читателя на извилистую дорожку туда, где по описанию нашего классика полно невиданных зверей и много еще чего... То есть в фольклор, сказку. Так как многое, о чем рассказал автор, на первый взгляд кажется нереальным, фантастичным и потому сказочным, поэтому напрашивается желание обозначить этот стиль изложения «сказание» звучным и эмоциональным термином, даже двумя очень схожими — «быль» и «былина». Ведь это же действительно имело место быть.

Ай да автор, ай да... чей-то сын! Скромняга! Но тогда в дальнейшие планы по озвучиванию рукописного материала придется внести коррективы и музыкальным фоном повествования пустить перезвоны гуслей, а само повествование под их мелодичные переливы необходимо будет исполнять заунывным речитативом. Сложно, да и неуместно из-за малой составляющей эпосной величины. А вот если «бывальщина»? То что нужно! Слово из народа и с хорошим теплым юмором внутри. При использовании звуковой фонограммы сопровождения текста

вполне подойдет игра на ложках, а в самые тревожные моменты повествования барабанная дробь, выбиваемая по дну перевернутой кастрюли, усилит эффект напряженности момента. Но лучше всего полностью исключить все музыкальное сопровождение, и это будет верное решение!

Ну вот и определились — сказание-«бывальщина». Ну а жанр? Конечно, специалист литературовед может определить его или смешение жанров, лично для автора с определением жанра не было никаких проблем. Книга для семейного чтения, для чтения в кругу семьи автора, чтения его детьми, будущими детьми его детей и так далее (для своей фамилии, фамилия — по-испански «семья»), книга для своего рода, в которой излагается информация о событиях, произошедших с ее автором.

Очень часто судьба сводит нас с людьми, проживающими богатую, насыщенную событиями жизнь, достойную того, чтобы лечь в основу интереснейшей остросюжетной книги. Но человек, носитель этой бесценной информации, уходит из жизни, и в память продолжателям его рода остаются лишь устные рассказы, бледный искаженный слепок блестящих событий, что прожил их прототип.

Обрастая с каждым разом придуманными подробностями, становясь в конце концов легендами. Для престижа любого рода, может быть, и хорошо иметь в активе легенд устные пересказы о делах давно минувших дней этих незаурядных личностей. Но автор взял на себя смелость изложить все с ним происходившее как непосредственный участник, ибо самая яркая фантазийная выдумка будущих летописцев его жизни не отразит и малую толику всего того, что происходило с ним на самом деле.

События, переживания, трагедии, потрясения не проходят даром для человека, в этом горниле бытия выковывается огненное зерно знания, которое он хочет донести

до близких ему душ, заронив в них искру истины. Близкие души — в идеале это собственные дети, внуки, спутница жизни — жена, что, в свою очередь, дала жизнь новому поколению рода. Все эти близкие по крови и, главное, духу люди могут понять, оценить и, может быть, продолжить, если на то будет их волеизъявление, начатое их единородцем делом поиска Истины.

Автор в определенном смысле первоначально слукавил, жестко обозначив границы данного опуса как продукт сугубо для внутреннего семейного потребления. В данном случае, как он говорил с определенным чувством самоиронии, его труд «обречен» на успех. Но автор также хотел бы поделиться знаниями и переживаниями, что выпали на его долю, с людьми, в чьих душах так же живет неиссякаемая жажда познания, поиска и открытия сокровенных тайн вселенной. Отдавая себе отчет в том, что каждый Искатель идет своим, уникальный и только ему предначертанным свыше путем, где-то, может, пересекаясь со стезей духовного опыта автора, а в некоторых случаях расходясь в направлениях и выводах, автор и герой этого повествования выражает огромную просьбу к единомышленникам — отнестись благосклонно и с пониманием к описанию жизненных и духовных коллизий, изложенных на страницах этой книги. Это его личный опыт, и он излагает его не с точки, скорее, даже трибуны прорицателя или оракула нового «самого истинного», направления духовной практики. С надеждой на то, что легкий и само ироничный стиль изложения понравится читателю. С уважением и пониманием ко всем людям, их судьбам, жизням и способам их проживать, как им заблагорассудится.

Автор

Вступление

Что это было? Да! Это было именно то, о чем ты знал, но не предполагал, что это будет так страшно в своей натуральности и естественности. Одно дело читать об этом на страницах книг по эзотерике, комфортно устроившись в удобном кресле и вглядываясь в черные буквы на белом листе бумаги, и совсем другое — когда ты все это ощущаешь вживую каждой клеточкой и атомом...

...Из темноты стремительно рванулась оскаленная пасть... Лунные блики, скудно просвечивающие через сомкнутые кроны деревьев, ударили отраженным светом от влажно обнаженных клыков. По сетчатке глаз хлестнуло огненным сполохом, как будто бы нерадивый фотограф неожиданно нажал без предупреждения фотовспышку... Сердце сжалось и остановилось в смертельном ужасе на доли секунды и затем со стремительной силой выбросило потоки бурлящей и клокочущей крови, как будто это была неудержимая лавина, хлынувшая в проран обрушившейся плотины. Эти огненные протуберанцы пурпурной мощи в мгновение ока заполнили искрящейся адреналиновой плазмой все удаленные уголки тела. И оно, еще секунду назад расслабленно и блаженно спавшее, убаюканное серенадой ночного леса, было подброшено стальными пружинами мышц для отчаянной борьбы с материализованным воплощением ночного ужаса, воспоминание о котором таится в самых потаенных уголках нашей памяти.

Но было уже слишком поздно. Челюсти сомкнулись на горле, и немилосердное чудовище стало рвать плоть, содрогающуюся от боли и непонимания того, что происходит. Кожа и мышцы поддавались атакам безжалостных

кльков и рвались со звуком разрываемого полотна. Кровь из разорванных сосудов фонтанировала во все стороны, окрашивая морду хищника и окружающую траву траурным крепом. Располощенное горло вместе с последним уходящим дыханием исторгло слабый писк. Жизнь вместе с кровью из разорванных артерий вытекала из обреченного тела. Сердце еще сокращалась, но его стук становился все реже.

Человек лежал на спине, наполовину вывалившись из спального мешка. Пальцы раскинутых рук, как когти хищной птицы, впились в бревна настила, на которых стоял импровизированный шалаш — кусок полиэтилена, что был наброшен на капроновую веревку, растянутую между двумя деревьями. При той теплой и сухой погоде, что стояла последнее время, этого вполне хватало, чтобы создать хотя бы минимум комфорта. Он скорее создавал какую-то иллюзию защищенности и законченности жилья с крышей над головой. Создавал?!

Тело лежало неподвижно. Деревья, из которых был приготовлен настил, были уже старыми, и весь верхний слой древесины превратился в мягкую труху, в которую и были погружены судорожно напряженные пальцы рук, на которых рельефно выделялись натянутые как тетива лука сухожилия и остро согнутые суставы пальцев. Запрокинутая голова была чуть повернута набок, и на лице лежащего застыла маска страдания, которая почти уже разгладилась и обтекла, обострив скулы и нос. Свет луны, что проникал через разверзнутый вход, мягко освещал эту картину, вырисовывая контражуром фигуру обитателя этого уединенного жилища и оставив в тени или полутени уголки и впадины этой картины. Шея человека, как и многие другие части тела и окружающей обстановки, была погружена в полумрак. Ночной ветерок шаловливо теребил кроны деревьев, что склонились над шалашом, и они, игриво встряхивая своими зелеными шевелюрами в ответ

на его приставания, на секунду перекрывали лунный свет, и поэтому эффект освещенности начинал кардинально изменять композицию внутреннего пространства лесного жилища, создавая ощущение движения.

В какой-то из этих моментов игры светотени тело неожиданно изменило положение. Судорожно оцепеневшие пальцы рук несколько раз сжались и разжались. Грудь, которая до сего момента совсем не вздымалась, вдруг толчком рванулась вверх, как будто кто-то сзади резко ударил по спине. Дрожь пробежала по всему телу. Оно попыталось приподняться, но опять бессильно рухнуло. Руки принялись ощупывать себя, подобрались к шее, на какое-то короткое время остановились там, затем вместе со вздохом облегчения спокойно вытянулись вдоль тела.

...Мысли путались... Вернее, это не были мысли как таковые, какой-то набор бессвязных образов и форм, сплетений из обрывков фраз и слов.

...Быстрее... Костер... Тепло... Чай... Судорожными движениями стал хватать разбросанную по шалашу одежду и пытался запихнуть свои ходуном ходящие конечности в рукава и штанины.

Получалось не очень. В перекошенной набекрень одежде вывалился кулем из убежища... Вскочил на ноги и тут же рухнул на колени. Боль от удара о корень дерева вернула потерянное самообладание... И уже остаток пути до остывшего кострища проделал пусть спотыкающейся, пьяной, но более-менее уверенной походкой.

По заведенной привычке, выработанной долгими годами скитания по тайге, всегда на месте возле костра находился запас сухих дров для растопки и достаточное количество древесины для того, чтобы хотя бы первоначально

приготовить чай... Темно, хоть глаз выколи... Но ноги привели именно туда, куда нужно...

Мышечная память тела безукоризненно выполнила свою функцию. В полной чернильной темноте, которую отбрасывала скала, руки безошибочно нашли свиток заготовленной загодя бересты, но дрожь, которая в очередной раз стала сотрясать тело человека, не дала выполнить такую привычную процедуру, как разжигание огня, потому что береста выпала из рук.

Часть 1

Глава 1. Костер

...Остывший пепел костра сизым легким облаком взлетел вверх от упавшего в него свитка бересты...

Спичка зажглась с первой попытки, но робкий маленький огонек не смог разогнать ночной мрак, а лишь слегка своим колеблющимся светом разорвал давящую черноту. Тьма своими черно-бархатными лапами давила на плечи, казалось, что легкий порыв ветра, шевельнувшего волосы на затылке, не был простым порывом, так внезапно сорвавшимся среди почему-то притихшего леса, а это было сдерживаемое дыхание хищника, выбирающего момент для внезапного нападения.

Так бывает, когда ночной ор лягушек на лесном болоте вдруг, как будто по мановению невидимого дирижера, резко прекращается. Все живое, что по велению Вселенской прихоти было обречено на поедание, замирало, вглядываясь и вслушиваясь в пугающую своей тишиной бездну ночи. Она никого не могла ввести в заблуждение, так как все уже знали, что беда близко и она крадется на своих мягких лапах. Сама темнота в этот момент еще больше сгущалась и становилась липкой и вязкой, так как переполнилась вибрациями страха, что источали маленькие беззащитные тельца потенциальных жертв.

Мерцающий и такой беззащитный огонек в этой всепожирающей и плотоядно смотрящей мириадами алчных глаз темноте. Напряженно ссутуленная спина человека как бы защищала от нападения это робкое средоточие ог-

ня, которое, подобно сердцу, расширялось и сжималось, как будто оно жило своей мимолетной жизнью. Лодочки ладоней бережно охраняли эту надежду, что была подарена человеку его древними пращурами, знающими, что это чудо наконец-то избавит их от вынужденной обреченности быть съеденными. Что было первым? Разгорающийся огонек разума, что должен был засиять в их лохматых, с низко надвинутыми надбровными дугами головах, а сейчас лишь слабой искоркой теплился среди мрака несознания, или первично было использование огня как такового, что и послужило импульсом к ментальному развитию, вследствие чего резко увеличились шансы на выживание по сравнению с другими видами существ? Эту тайну скрывает от нас временная пелена мироздания, и звезды — свидетели тех далеких событий — с молчаливой глубиной мудрости наблюдали за всеми перипетиями и событиями что протекали на этой земле. Для ночных светил это был всего лишь малый миг, как взмах крыла бабочки — такой же легкий, яркий, мимолетный. Но вся глубина, мощь, энергия звезд была сконцентрирована в сердце огня, и пламя вздымалось и опадало в такт мерцанию звезд, вливалось во вселенский ритм жизни.

Огонек с поднесенной к бересте спички ловко перепрыгнул на свиток березовой коры, терпеливо ожидающей своей участи огненного заклания. Она затрещала и стало еще туже скручиваться, обжимая и без того тугой нерукописный манускрипт. Капли дегтя под воздействием огненного дешифровщика явили миру своим кратким появлением скрытый до сего момента секрет тайнописи. Знаки секретного кода мироздания, наполненные сокровенным смыслом, вспыхнули ярчайшим сполохом, вздымая черную гриву огненного скакуна, уносящего в потаенное небытие сокрытое в них таинство.

Пламя взыграло. Веселый треск огласил притихший лес. Подброшенная в костер охапка сухого хвороста лишь на малую толику времени охладила его пыл, чтобы уже через несколько минут заняться широко и споро, перелетая огненными драконами с одной стороны костра на другую.

Темнота испуганно отпрыгнула и затаенно притаилась за деревьями, и в густоте кустарников за спинами мощных валунов, что окружали место, где сейчас полыхал костер, нашли себе укрытие самые упорные и настойчивые слуги тьмы. И когда человек уже повеселевшим, но все еще настроженным взором озирал ближайшие окрестности, то от его глаз не ускользнула картина борьбы света и тьмы, что происходила на границе тыльной и лицевой сторон камней. Извиваясь и выбрасывая черные щупальца теней, ночная нежить пыталась отвоевать утерянные позиции, но обожженная и ослепленная светом испуганно отскакивала и пряталась за спиной у каменного богатыря, что бесстрастно взирал на эту баталию. Чем ярче и сильнее разгоралось пламя, тем все слабее и слабее становилось попытки и ничемные потуги восстановить свое превосходство.

Пламя костра гудело, извивалось в огненной пляске. Влага, что еще сохранилась в, казалось бы, уже высохших до звона ветвях деревьев, вскипала от соприкосновения со вселенским жаром и с треском разрывала волокна деревьев, взметая ввысь мириады искр, что наперегонки устремлялись в темноту неба.

Уже никуда не торопясь, медленно и степенно, подчинившись ритму леса, что неслышным, но повелительным камертоном настраивает душу и тело человека на единственно верную вибрацию спокойствия, в этом умиротворенном состоянии приступил к привычной процедуре. Руки отработанным движением, проделав множество раз пройденный маршрут, без мыслительной поддержки ментала безошибочно нащупали дужку котелка, что стоял в укромной нише недалеко от кострища. Верный помощник и сотоварищ отшельника, участник всех его скитаний

и путешествий уже хранил внутри своих закопченных боков запасы живительной влаги, что еще днем была зачерпнута в лесном говорливом ручейке, что брал свое начало из просевших и посеревших снежных сугробов. Да, участник незапланированного ночного бдения в данный момент в этом уединенном месте по ряду множества обстоятельств жил отшельнической, уединенной жизнью, отказавшись от общения с внешним миром. Далее в повествовании этот один и тот же человек в зависимости от причуд и настроения автора будет называться, а иногда кажется, что и шуточно обзывается различными новыми именами. Итак, отшельник, вот вам котелок в руку, действуйте!

Подхваченный крепкой рукой котелок какое-то недолгое время покачивал в раздумье своими закопченными боками, как бы устраиваясь поудобнее на палке, что была перекинута через горящий костер, а затем, преисполнившись чувством собственной значимости, приступил к священнодействию преобразования холодной и такой кажущейся мертвой воды в бурлящую и обжигающую своей силой и энергией живую воду, что может опять наполнить жаром жизни уставшее и озябшее тело. Пузырьки воздуха, доселе невидимые в толще воды, что плескалась внутри котелка, появлялись как бы неоткуда, какое-то время в раздумье задерживаясь на неуклонно раскаляющемся днище этого волшебного горнила, рядом с такими же как они серебристыми шариками, покачивающими своими округлыми головенками. И вот уже по неслышной команде один за другим стали устремляться из глубин вверх, пробуравливая своими упрямыми лобиками нестерпимо обжигающую массу, и вот уже неуправляемый поток пузырьков, прорвав толщу воды, вздыбил верхний слой, и буруны кипятка свились в жгуты и закрутились в веселом водовороте.

Языки костра перестали так жадно лизать закопченное днище, потому что котелок был плавно перемещен на самый край палки, переброшенной над огненной бездной. Чубастые буруны кипятка тотчас упали, и над поверхностью раскаленной лагуны появилась рука, и из нее как из рога изобилия посыпался дождь из крупиц ароматной чайной заварки, каждая частица которой перед тем, как попасть в жаркие объятия кипятка, в своем непродолжительном полете, как мотылек-однодневка, вбирала энергию солнца, что косматым протуберанцем вздыбливалось из разверстого жерла костра, и падала в огненную преисподнюю в момент своей смерти — возрождения в мгновение обжигающего страдания, отдавали все свои целебные и чудотворные силы, что были накоплены и сохранены растением в краткий миг своего существования, для того чтобы принять участие в этой чудесной мистерии.

Исполнив предначертанное им предназначение, чайники через небольшой промежуток времени медленно и торжественно, кружась, покачиваясь в прощальном вальсе, стали опускаться на дно.

Коричнево-золотистая чайная влага источала терпко-пряный аромат, который волной будоражащих запахов достиг рецепторов обостренного обоняния, что все еще напряженно вынюхивали среди множества запахов вокруг те, что несут опасность. Все то, что было связано с восприятием этого запаха, несло в себе сигнал к умиротворению, спокойствию и отдыху, заслуженному после тяжелых переходов по тайге, и поэтому, еще не отведав чая, его почитатель уже ощутил в себе всю гамму этих превосходных чувств. Наконец-то наступил этот долгожданный момент священнодействия. Каким и было на самом деле вроде бы обыкновенное питье одного из множеств напитков, что нам приходится потреблять в нашей жизни. Культуры Китая и Японии знают толк во вкушении чая, эта традиция имеет под собой глубокие

многовековые корни, являясь неотъемлемой частью восточной философии.

Сполохи ослепительно сверкающего огня от весело распластанного костра заливали мерцающим и каким-то живым светом ближайший круг отвоеванной у мрака территории. Человек даже ощущал его дружеское прикосновение. Иногда это были крепкие объятия, когда эта ненасытная топка была полна пищи для красного зверя, и он ворча и ворочаясь с треском перемалывал кости поверженных трупов деревьев, или легкое дружеское похлопывание, когда зверь уже насытился и его вздыбленная искристо волнующаяся шерсть опадала, и он, как любой насытившийся хищник, начинал игриво зацеплять когтистой лапой находящиеся рядом с ним предметы.

Раскаленная дужка котелка была нестерпимо обжигающей, поэтому перед тем, как снять с костровой палки котелок, на руку была надета рукавица, что для такого случая хранилась в рюкзаке среди прочего имущества, необходимого для проживания и сосуществования в лесу. Валун с относительно ровной горизонтальной поверхностью безропотно сыграл роль кухонного стола, и теперь спина валуна, она же импровизированная столешница, кротко приняла на свой загорбок вспорхнувшую из тех же рюкзачных закровов кружку, что игриво скособочилась на самом верху камня, так как ровной поверхность в этом зыбком лесном мире можно было назвать с очень большой натяжкой. Кружка стоически ожидала дальнейших развитий событий, и они наступили. В ярком свете ночного костра, который не отбрасывал тени, как в лучах театральных софитов, чинно проплыл котелок, волоча за собой шлейф из горячего пара. Вальяжно покачивая боками, на которых антрацитово переливались пласты свежей сажки, замедляя свой полет, остановился, а затем в галантном приветственном поклоне преклонил свою голову, так как они были старые закадычные прия-

тели. И все чувства, переполнявшие его содержимое, неудержимым потоком хлынули наружу. А может быть, все было значительно сложнее и романтичнее, чем казалось на первый взгляд, может быть, это было не просто выражение приятельских чувств и кружка была прекрасной дуэньей, а котелок — пылким кабальеро? Остановимся на последнем предположении, уж очень потрескивание углей в костре напоминало перестук кастаньет, придавая испанский колорит данной картине. И наконец-то!

...Медвяно-золотистый водопад, обвитый лентами серебристого пара, огненной страстью обрушился на кружку, и она благодарно приняла ухаживание пылкого кавалера...

Глава 2. Пламя стремления

Маленький человечек — «Людик», названный так с легкой руки друга, почти одногодки, родился и рос по-чемучкой, в этом не было бы ничего необычного, ведь все дети таковы, если бы не необычные для такого малыша вопросы, на которые он хотел получить ответы. Как только детское сознание научилось внятно и связано формулировать мысли, маленький человечек начал задавать себе и окружающим вопросы, необычные по своей глубине и философичности для такого нежного возраста. «Кто я и зачем пришел в этот мир?..» «Какова моя цель и задачи бытия?» Все это формулировалось, конечно, не столь заумными фразами и в меру детской образности, но смысл оставался тем же самым. По мере взросления бытие и положение дел вокруг вызывали неприятие и жесткое несогласие с тем, как был устроен этот мир. Пытливый ум пытался найти ответы на интересующие его вопросы, и он как губка впитывал знания, почерпнутые из книг, которые этот искатель истины мироздания

поглощал в невероятном количестве. Беллетристика, глубокие философские эссе, фантастика, учебники по разнообразным сферам знаний и ворох всего того, что могло бы дать ответы на мучащие его вопросы...

И то, что наконец в руки к нему попались книги, объясняющие смысл жизни с точки зрения разнообразных религий, религиозных течений и философий, йоги всевозможных направлений, эзотерических дисциплин и т. д., то это закономерно когда-то должно было произойти. Это был великий поток знания, в котором, как в настоящей водной стремнине, разнообразные ручьи и ручейки как бы создают единое целое, в то же время каждый пытается быть сам по себе, упорно не торопясь смешиваться с главной струей, контрастно выделяясь своим особым специфическим цветом воды, упорно удерживая границу своей струи, в конце концов эта граница истончается, пропадает, и вот уже один мощный поток устремляет свой бег к далекому морю, неся в своих глубинах воспоминания о путешествиях всех капелек воды, до того момента как они попали в этот Великий круговорот.

Знания, полученные из книг столь специфической направленности, вызывали у жаждущего их искателя всевозможные реакции после их прочтения, иногда очень противоречивые. Порой это был разброс от полного неприятия до блаженного феерического экстаза в тот неожиданный момент полного слияния Великого знания и силы, заключенной в священном и мудром писании и теплом трепещущем ответном огне, что это знание высекало, поднимая его из глубин сердца.

И вот момент озарения наступил. Предыстория этого события была буднична и рутинна. Газеты, наводнившие нашу многострадальную страну во времена новейшего, но, увы, очередного смутного времени, стремились завое-

вать потенциального читателя острыми сенсационными репортажами, хотя некоторые из них подвизались на стезе такого мини-энциклопедического издания, претендуя на своих 12—18 печатных листах осветить все и вся, естественно, урезая и популяризируя сами темы статей. В одной из этих публикаций газет-всезнаек пытливые глаза выхватили из общего скопища информации одну статью, после прочтения которой жизнь нашего искателя разделась на два периода — до и после. Автором ее был человек, который досконально и скрупулезно знал то, что он излагает на страницах в общем-то неакадемического издания. В этой статье излагались постулаты и принципы одной из множества йог, что практикуют на Востоке.

Но так как писал об этом человек, который сам жил этим, жил в этом, то каждая строка авторского текста была заряжена энергией пережитого откровения, и сердце искателя раскрылось навстречу этой светлой правде, он очень давно ждал этого момента и жаждал встречи, и она свершилась. Много в мире людей, и у каждого свой путь, наш искатель нашел свою тропу, и началось восхождение к Истине длиною в жизнь.

Часть 2

Пустынь

Много раз снега покрывали поляну на вершине горного отрога белокипенным одеялом, лес как бы засыпал до весны, грезя во сне предчувствием возрождения и восторга жизни. Много зим и лет протекло своей чередой с того момента, как свет надежды загорелся в сердце человека, и наконец пути судьбы привели его стопы в это благословенное место. В поисках уединенного и труднодоступного уголка скиталец прошел много километров лесных дорог, многие из мест, где ему приходилось устраивать временные стоянки для отдыха или ночевки, оставили в его воспоминаниях теплый след, но ни одно из них не влекло его назад, чтобы вернуться туда и сделать его постоянным местом обитания, там где бы он мог спокойно и без помех вести уединенную жизнь отшельника.

Он хорошо помнит этот весенний день, когда под грузом рюкзака упорно штурмовал крутой склон горного кряжа, покрытого плотным слоем слежавшегося снега. Приходилось врубаться в него носами горных ботинок, выбивая ступеньки. Липкий горячий пот темными пятнами камуфлировал одежду на груди и спине путешественника, соль разъедала глаза, кровь частыми ударами была изнутри по черепной коробке, как по наковальне. Дыхание со свистом и хрипом рвалось из груди — давал знать резкий набор высоты. Поэтому, чтобы как-то дать отдых зашедшему в бешеном ритме сердцу, приходилось устраивать недолговременные привалы, предварительно вытоптав небольшую полку в снежном фирне. Череда выбитых

в снегу следов-ступенек начиналась у карниза импровизированного привала и двойной цепочкой исчезала где-то внизу, создавая памятник упорству и настойчивости.

Долгожданный перевал был наконец-то взят, и на обратной, южной стороне хребта глазам явилась картина, которую впору можно сравнить с поворотом сюжета книги «Земля Санникова», естественно, со многими оговорками. Лесные поляны манили своей неестественной яркой зеленью, отмытые снеговой водой, по яркости и насыщенности цвета стали похожими на искусственный газон. О чудо, поляну порхая пересекла яркая бабочка. Под сводами деревьев дождался своей участи снег, серый, покрытый слоем лесного мусора и даже на взгляд не суливший ничего хорошего уставшему путнику и без того уже во влажной обуви.

Солнце уже клонилось к закату, и тени от лесных исполинов, что богатырской заставой стояли на пороге горной страны, все удлинились, пересекая изумрудную поляну, как бы предупреждая и подталкивая путешественника к дальнейшему продолжению пути. Под сводами леса уже царил полумрак, и приходилось прорываться на самый отрог хребта, где крупные деревья не решались пустить свои корни в твердые скальники. Идти по острию хребта было немного комфортнее, кроны хвойников не заслоняли небо и, как зеленый прибой, разбивались о скальные отроги далеко внизу под ногами спутника. Зато здесь было царачье царство колючих кустарников, которые сплошной непролазной стеной встали на его пути. Время, отпущенное лесом для поиска и обустройства ночлега, стремительно таяло, и приходилось напролом проламывать кустарники, шипя от боли, когда множество маленьких острых шипов пронзали одежду и впивались в тело, частенько еще и обламываясь там.

Светило уже ушло за западный горизонт, в его слабых отблесках приходилось уже не выбирая останавливаться на ночлег в любом месте, где бы было достаточное количество дров для костра. Возле одного поверженного лесного исполина, что лежал широко раскинув свои сухие ветви-руки, путник остановился с желанием сделать это место своим прибежищем на ночь, но что-то необъяснимое, будто какой-то звук издали сорвал его с места, и уже почти в полной темноте, почти бегом устремился в каком-то неизведанном направлении, не отдавая себе отчет, зачем и куда он мчится. Это было похоже на стрелку компаса, что безошибочно находит свой полюс.

Оскальзываясь на осклизлых валежинах и отводя от глаз ветви деревьев, человек, безропотно подчинившись зову, приближал себя к неведомой цели. Впереди неожиданно, хотя, нет, конечно, ожидаемо блеснул про-свет в сплошной стене леса.

От красоты увиденной картины перехватило дыхание. В лесу уже царили плотные сумерки, но так как глаза уже привыкли и адаптировались к этому освещению, то, что Очарованный странник увидел, предстало перед ним картиной с пусть заретушированными, но достаточно четкими деталями. Несколько скал острыми пиками, подобно языкам пламени, взметались в небо, к их основаниям пролегла небольшая поляна, амфитеатром спускаясь к границе леса, чьи деревья, как нетерпеливые зрители, толпились перед входом в этот лесной театр, с волнением ожидая выхода актеров на сцену, с желанием увидеть начало необыкновенного спектакля. Но по воздуху, почти по диагонали, символом оберега этих мест и запрета проникновения на эту территорию прочеркивалась черная, почти прямолинейная линия. Наметанный глаз сразу же увидел в этом предупреждающем знаке опасность, которая в прямом и переносном смысле висела в воздухе. Гигантское сухое дерево, которое падая не смогло до-

стичь земли и упокоиться на лесной подстилке, в своем последнем мимолетном полете застряло в близкостоящих кронах деревьев.

На размышление и любование пейзажами уже не оставалось времени. Освободившись от чугунной тяжести рюкзака, стал быстрыми курсирующими движениями метаться по поляне, собирая хворост, что был обильно разбросан вокруг, вероятнее всего, это были ветки от зависшего сухого дерева, что маячило над головой. Мокрая от рюкзака ткань куртки неприятно холодила спину, заставляя ночного скитальца совершать поистине броуновское движение по округе с целью согреться в поиске дров. Погода днем была сухая и солнечная, судя по отсутствию снега на поляне, это был южный склон хребта, поэтому хворост, что попадался под руку собирателю, отвечал тем требованиям, что необходимы для идеального таежного костра, и недаром местными жителями прозывался «сушняком».

Освещенная ярким светом костра поляна выглядела диковато, разбросанные повсюду обломки мощных веток тянули к небу как бы застывшие в предсмертных конвульсиях руки-ветки. Лианы плотной вуалью покрывали вертикальную стенку близлежащего к костру каменного останца. Завершала картину этого природного хаоса гигантская тень мертвого исполинского дерева, жирной горизонтальной наклонной линией перечеркивающая ночное небо. Как опытный взгляд скульптора может увидеть в бесформенной глыбе мрамора будущий шедевр, также и ночной гость этих мест безошибочно определил для себя, что необходимо отсечь (пользуясь терминологией скульптора), убрать лишнего в этой первозданной неухоженности, чтобы это место засияло скрытой красотой.

То, что он наконец-то обрел приют, уже можно было считать свершившимся фактом. Истинные русские от-

шельники называли такое обетованное место «ПУСТЫНЬ». Этот Зов, что был ниспослан в момент исканий и труженный (все в этом описании настраивало на определенный лад, выстраивая мысли и слова в каноническом древнерусском стиле), достойных алчущего его, и поворотил стопа его в истинном направлении (и на Истинный путь?!).

Ответ на последний вопрос, что самопроизвольно стек с пера ручки на бумагу, будет дан самой жизнью, так как дорога Искателя еще не окончена, но то, что «Пустынь» ждала своего отшельника и она выбрала именно его — это было уже на уровне непреложного знания. Знания, что знает.

Да, не в рубище и не с посохом и котомкой, да, не убеленный сединами и не покрывший себя доблестью духовборческих побед. Но единственно мудрое и непогрешимое Око Всевышнего может увидеть внутреннее естество каждого, как бы ты ни рядился в белоснежные одежды святости. И повсеместно его избранники вопиют в недоумении: за что, Господи, ты выбрал меня, слаб я телом, немощен духом и грешен. И ответ приходит, по крайней мере, наш Искатель его получил: «Ищите да обрящете». То есть когда ты встал на путь поиска Истины, то обязательно твои дерзания будут замечены и оценены и придет ответ.

Избрав для себя путь йоги, или вернее, этот путь выбрал его, наш искатель никак не противопоставлял себя официальной религии, но так получилось, что по канонам вероисповедания он являлся грешником, вероотступником и еретиком. Зная об этой точке зрения, он научился скрывать свои взгляды и не вступать в полемику со служителями церкви. Находясь внутри намоленных стен церквей и монастырей, он ощущал на себе присутствие незримой и светоносной силы, что была разлита повсюду, ему было хорошо там и благостно. Эти стены и потолок не об-

рушивались на него из-за того, что он посмел увидеть и разглядеть Всевышнего под другим углом зрения. Более того, представители пантеона Святых вызывали в нем великое уважение и почитание. Этот Святой огонь, что горел в их сердцах, был знаком ему, и пусть малая искра, пусть слабый отблеск Великого пламени Святой Веры уже тлел в глубинах его сознания.

Так как в жизни ничего не происходит просто так, без воли Всевышнего, то по «стечению обстоятельств» так получилось, что один из этих святых подвижников стал играть немалую роль в судьбе человека. По воле провидения Искатель посетил места, где жил и творил Святой,

поклонился его мощам, изучил его житие. Да, и наверное, самое главное — он носил имя, которым был наречен Искатель при рождении. Назвавшие его так родители были молодыми людьми, жившими во времена воинствующего атеизма, и были очень далеки от того, чтобы наречь своего сына по принципам тезоименитства.

Этот принцип заключался в том, что ранее, до вступления Великой многострадальной части Земли в морок принудительного атеизма, новорожденного младенца нарекали именем, усмотренным в специальной книге «Святцы» в честь какого-либо Святого, совершившего в этот день духовный подвиг и который будет охранять и давать покровительство ребенку в течение всей его жизни. Такое вот «стечение обстоятельств».

Первая ночь на новом месте была ничем не примечательна. Весь вечер прошел в рутинных заботах по благоустройству лагеря, приготовлению пищи, установке палатки. После сытного ужина, приготовленного из незамысловатой снеди, путник побаловал себя чаепитием с двойной порцией всевозможных сладостей, запасы которых таились в укромных уголках его рюкзака, дожидаясь особенного случая, который и наступил.

Когда пиршество плоти подошло к концу, усталое тело попросило отдыха. Соорудив над горящим костром пирамиду из уложенных друг на друга бревен, в свете набирающего новую силу и мощь пламени костра предусмотрительный путник приступил к проведению необходимых еженощных манипуляций, так знакомых тем, чья жизнь каким-то образом связана с лесом и таежным бытом.

Помыл котелок от остатков вечернего пиршества, используя в качестве чистящего средства золу из костра. Посмотрел в ночное небо, для того чтобы, естественно, приблизительно определить, будет ли ночью дождь или снег — весенняя погода могла порадовать любой неожиданностью. Яркие звезды со своих высот успокоительно подмаргивали, вселяя успокоение и располагая на блаженный лад в преддверии заслуженного отдыха.

Последним завершающим аккордом той традиционной ночной суеты было развешивание на сучках близлежащих деревьев плотно завязанного рюкзака со съестными припасами и котелков. Все эти предосторожности принимались в защиту от мелких лесных воришек: мышей, бурундуков и прочей лесной братии, что не прочь полакомиться дармовщинкой, так неожиданно оказавшейся в этом месте, да еще так обворожительно пахнувшей. Во время сегодняшних ночных посиделок путник уже слышал за своей спиной возню и попискивание и, обернувшись назад, наблюдал в расщелинах скалы, что почти вплотную пролегла к костру, любопытные мордашки лесных мышей, с черными искорками глаз и безостановочно движущейся и вращающейся по кругу кожаной точечкой носа в обрамлении усиков-антенн, вдыхающих манящие ароматы.

Человек всегда чуть вдалеке от костра оставлял малую толику угощения для лесной братии. Это чаще всего была крупа, и он с интересом наблюдал, как мыши безошибоч-

но по запаху находили вожделенный корм и, набив зернышками защечные мешки, с ощущением несказанной удачи улепетывали восвояси. Весна еще не полностью вступила в свои права, и прошлогодние запасы были подъедены, гладкие и округлые бочки, с которых зверюшки входили в зиму, подопали, и непредвиденный подарок судьбы, что так неожиданно обнаружился на давно и тщательно обследованных тропах, оказывался как нельзя кстати.

Но беда была в том, что слюна некоторых особей мышиного племени несет в себе возбудитель очень опасной для человека болезни почек, и поэтому, если так уж получилось, что мыши попробовали на зуб что-нибудь из продуктов, необходимо в тот же миг их выбрасывать, то есть вернуть дегустаторам в их полное пользование. В том и состоял смысл всех этих предосторожностей: если люди проживают в лесу по необходимости своей работы или другим обстоятельствам, то они для защиты от грызунов все продукты, конечно, за исключением тех, что имеют свою собственную жестяную упаковку, помещают в емкости с плотно закрывающейся крышкой.

У охотников-промысловиков присутствует проблема защиты продуктов еще и от медведей. Молодые бурые медведи и белогрудки (так называют местные жители в местах, где они водятся, дальневосточную разновидность гималайского медведя) с ловкостью завязанного вора-форточника ловко взлетают на любое дерево, способное выдержать их вес. Естественно, ни о каких крыльях не может быть и речи, взлет с помощью своих царапкогтей вполне обеспечивал быстроту подъема на искомую высоту. Никто уже не помнит, кто из охотников придумал это гениальное сооружение, но оно встречалось нашему лесному бродяге и в лесах Сибири и Дальнего Востока, и в северной тайге. И конструкция везде была идентичной.

Называлось это сооружение «лабаз» (с ударением на первый слог). Небольшая избушка без окон с одним входом размещалась на площадке, укрепленной на столбах или растущих деревьях на высоте приблизительно от 3 метров и выше. Сами столбы, на которых располагался лабаз, для большей уверенности, что мишка косолапый не сможет забраться на такую высоту, в нижней их части еще оборачивались и кровельным железом. Видит мишкино око, да зуб неймет! Просто — до гениальности.

Совершив обязательный для лесного путника ритуал подготовки ко сну, наш строгий ревнитель таежных традиций неспешной походкой направился по направлению к палатке, но на полпути остановился, повернулся назад и обозрел картину своей стоянки. Мужское хозяйское начало взяло верх в тех чувствах, что он испытал от увиденного. Чувство гордости от того, что он смог преодолеть немалое расстояние, что отделяло это потаенное лесное место от ближайшего жилья, и то, как он ловко и сноровисто обустроил стоянку, от которой уже как бы веяло обжитостью жилья, — все это позволило самомнению пропеть хвалебные дифирамбы в свою честь.

Завал из сухих бревен, приготовленных для огненного заклятия, приятно ласкал глаз своей высотой и размерами. Лицеизрение этого накопительства опять теплой волной мальчишеской гордости от проделанной работы приятно защекотало его чувство самолюбия. Такой домостроевский подход вызвал на лице человека смущенную улыбку, как будто он сам себя уличил в чем-то неподобающем для Искателя истины, но чистота и детская непосредственность этой хозяйчиковой эмоции на происходящее быстро подняла опущенные вниз уголки губ и заменила кислую мину на лице на развеселый белозубый оскал крепко уставшего, но, безусловно, снискавшего своим трудом и долготерпением заслуженный отдых человека. И это ощущение заслу-

женности награды за свой труд наполнило его уставшее тело мягкой силой, которая обволакивала и убаюкивающе укачивала на своих светлых волнах, подобным небесным облакам. С блаженной улыбкой на устах человек заснул.

Огонь от костра еще долго освещал пустую поляну и взмахами своих огненных щупалец-рук призывал к себе человека на философскую беседу о смысле бытия, но тот уже крепко спал. Наконец-то и огонь, устав от тщетных попыток привлечь к себе внимание, устал, затих и тоже уснул, закутавшись в пушистое одеяло из пепла.

Человек нашел место, где его дух мог иногда свободно парить над землей, не отягощенный заботами о каждодневном поиске пропитания, устройстве быта, заботой о себе и о людях, за чьи судьбы ты ответственен. Но по истечении некоторого, иногда довольно продолжительного времени ему приходилось возвращаться в мир, полный проблем и обязательств, для того чтобы жить в нем по законам и правилам, чрезвычайно тяготящим его душу, которая опять рвалась в то место, где она была свободна. Истинные монахи, отшельники, схимники отринули весь этот мир, что вязкой трясиной засасывает в свои глубокие омуты, не давая возможности и времени, чтобы предаться созерцанию высот и глубин вселенной и в этих просторах найти ЕГО, наполниться ЕГО духом, став с ним одним целым. Для просветленных людей, чей дух и уже само тело являлись единым целым не только как индивидуум, но часто уже являющимися составляющей частью Всевышнего, не представлялось проблемой ощущать себя в единстве с НИМ в людской суете, в этом нескончаемом круговороте жизни, и они своим примером показывали нам, что можно достичь таких высот просветленности, что ни одна самая ужасающая по своей силе и мощи эмоция не смогла бы поколебать покой и мир, что царит внутри их светлых сердец. Этим людям принадлежат мудрые слова: «Легко быть святым на вершине скалы».

К величайшему сожалению для Искателя, смысл этого изречения очень точно и наглядно иллюстрировал то положение вещей, с которым было невозможно не согласиться. Именно в этом уединенном месте, на вершинах этих горных пиков, человек начинал ощущать прилив энергий и мог ощутить состояние полета и раскованности, раскрепощения, когда через какое-то непродолжительное время все мысли о проблемах, заботах и сами вибрации мира сует и страстей, с которыми он вступал на эту землю, начинали сглаживаться из колючих и хаотичных, становясь плавными и тягучими, как масло, подчиняясь чудесному ритму леса, что принял его в свое лоно, и он уже становился частью его. В письменных источниках, излагающих истины всех времен и народов, прямо указывалось предположительность Места Силы.

Это были вершины гор, где с остриев скал и лезвий хребтов энергия Земли, как с излучателей антенн, устремлялась ввысь в бездну космоса, вызывая своим устремлением встречный поток из глубин Вселенной, что ниспадал как водопад, сливаясь и скручиваясь во взаимном проникновении энергий в водовороты и энергетические воронки.

МЕСТО являлось яркой иллюстрацией к этим утверждениям и подходило по всем канонам этих описаний. Но стоило ему покинуть его и вернуться в мир, как все яркие картины, ощущения и переживания, что он здесь получал, как бы оттягивались внутрь его самости, скрываясь за пеленой обыденности, но эта искра, что тлела в его душе, окруженная со всех сторон антрацитово-черной стеной неведения и несознания, которые стремились поглотить и растоптать ее, ждала и требовала новой порции топлива в виде знаний и ярких переживаний, чтобы воспылать и осветить все самые отдаленные и затемненные уголки своей души.

С хозяйственной рачительностью человек взялся за облагораживание места своего временного проживания

ния, и поляна чудесным образом ожила и преобразилась. Висящее в воздухе гигантское сухое дерево, источник волнения за собственную безопасность, было со всевозможными предосторожностями и ухищрениями подпилено и низвергнуто. Тяжко ударившись о землю, оно рассыпалось на множество больших и малых частей, так как все внутренние части его были трухлявыми и лишь небольшая внешняя часть древесины еще сохраняла свою прочность и создавала внешний монолитный контур ствола. Из гигантских, метра по 4, остатков ствола был сооружен настил под палатку, которую впоследствии заменило легкое подобие шалаша. Кусок полиэтиленового тента в виде двускатной крыши, брошенной на капроновую же веревку, растянутую между двух деревьев, оберегал обитателя этого жилья от дождевых капель и порывов ветра. Ночи уже настали теплые, спальный мешок хорошо согревал и обеспечивал достаточно комфортные условия для ночного отдыха. Лесной пейзаж, обрамленный в треугольную рамку входа, успокаивающе ласкал взор отшельника своей статичностью и изменчивостью в зависимости от времени суток, погоды и множества других факторов и деталей.

Дух человека уже не боялся смерти, но это знание о бессмертии души и полная самоотдача на волю Всевышнего еще очень слабо распространялись на тело, которое порой несогласованно действовало в отличие от своего внутреннего центра истины. Оно вздрагивало от испуга и напрягалось, если видело или слышало что-то, что, как ему казалось, могло бы угрожать его жизни или здоровью. И внутренней повелительной воле приходилось брать бразды правления в свои руки, успокаивая и обнимая своими крепкими и надежными отеческими объятиями, придавая уверенности и успокаивая в моменты такого физического дисбаланса.

Дух не мог еще автоматически контролировать и руководить жизнью человека, но знание того, что этот лучезарный миг настанет, придавало человеку надежду в моменты слабости его физического тела. Поэтому во всех его одиночных скитаниях он не был обременен оружием — всем тем, что называют огнестрельным.

Топор и нож, что входили в обязательный набор снаряжения путешественника, в умелых и сильных руках мужчины могли представлять собой достаточно грозное и опасное для нападающего оружие, но не единожды сталкиваясь и пересекаясь на лесных тропах с хищниками всевозможных мастей, путешественник понял одну важную для себя вещь: если зверь избрал тебя потенциальной жертвой, то никакая твоя супервооруженность не спасет от убийственных когтей и клыков. Не единожды случилось так, что проходя каким-нибудь лесным урочищем, человек останавливался и вдруг резко разворачивался и возвращался назад по своему следу. И то, что его так резко заставило изменить свой путь, находило подтверждение — поверх следа его рифленой подошвы был четко впечатан контур когтистой лапы, и мусть, поднятая со дна лесной лужицы, еще не успела осесть. А ведь человек не слышал ни легкого потрескивания сухой ветки под тяжким весом охотника, не видел скрытного передвижения бурой тени. Только какой-то внутренний следящий защитник, не подчиняясь осязанию и обонянию, отреагировал на невидимое, но явственно ощутимое давление взгляда хищника. Полностью препоручая свою жизнь в руки Всевышнего, человек находил в нем свою защиту, и все его таежные приключения оканчивались без последствий для него. Кажущейся защищенности стен палатки отшельник сделал предпочтение выбора полному воздуху и свету шалашу, что на время летнего периода жизни стал его домом.

В момент удара о землю ствол сухого исполинского дерева не только раскололся на большие и малые части, но некоторые из самых больших обломков еще и треснули по всей длине, образовав длинные плахи, что возрадовало отшельника истинно упавшим с неба строительным материалом. Его с лихвой хватило на настил для шалаша, пришел черед обустройства кухни, столовой, медитационной залы, то есть всего того, что совмещало в себе место возле очага. Разбросанные повсеместно камни и сам монолит скалы дали возможность устанавливать и закреплять импровизированные доски-плахи, которым в дальнейшем будет уготована судьба стать стенкой импровизированного сиденья. Строитель явно страдал гигантоманией, так как даже в начальном этапе строительства высота и мощь задействованного стройматериала рисовала картину окончательного произведения ни больше ни меньше как трон. Само сиденье не отличалось по размерам от среднестатистического, единственной, но достаточно комфортной особенностью было то, что верхняя часть его представляла из себя слой трухлявой, но еще достаточно прочной древесины, такой мягкой и пружинистой, что позавидовал бы любой мастер-мебельщик. Подлокотники еще играли роль двух столешниц, что последовательно превращались то в кухонный разделочный стол, то тут же трансформировались в место для трапезы, заполненное яствами и питьями, представленными в этой лесной столовой. Шедевр мебельного искусства в окончательном варианте выглядел несколько неказисто и претенциозно и где-то отдаленно напоминал мебель, которую собственноручно изготовил Робинзон Крузо во времена оные. По крайней мере, гравюры из книг передавали сходные очертания. Ну что ж, пусть будет трон, на роль повелителя и властелина человек никоим образом не претендовал, он здесь себя считал гостем и учеником, которому предстояло постичь Великую тайну Леса.

Часть 3

Глава 1. Великий секрет

Ночной лес жил своей неспешной и заведенной испокон веку жизнью. Темнота космических глубин мягко опустилась на его плечи, окутав колышущейся пеленой горный кряж с каменными останцами, гордо возвышающимися над поросшими лесом склонами. Как истуканы острова Пасхи, они с философской мудростью вглядывались невидимыми глазницами в открывающуюся перед ними картину, их взгляд проникал в самые потаенные глубины весенней ночи, и от него ничего не могло ускользнуть. Для всех людей, которые очень редко могли проникнуть в этот уединенный уголок горного леса, все так и казалось, что эти каменные стражи что-то хотят увидеть такое, что обогатит их новым знанием. Но это было неверным умозаключением, они уже несли в себе Великий секрет, который хранился под потрескавшейся каменной броней этих горных исполинов.

Им и не нужно было во что-то вглядываться, они были всем и вся, частицей в огромном конгломерате зверей, птиц, насекомых, деревьев, цветов и так далее, всего того, что называлось Лесом. Люди тоже когда-то были частицей этого гигантского организма, жили по тем же непреложным законам, что и все его обитатели, владели мудростью и силой, которую давал этот великий и могучий прародитель всего живого — слуга, защитник и палач в одном лице. Жизнь и смерть были и есть целым и неделимым. Все живое рождалась, жило, отчаянно боролось за это великое благо, и когда наступал момент смертельной опасности и искра жизни вдруг потухала в чьем-то разорванном острым клыками теле, она тут же разгоралась и присоединя-

лась к сонму такие же искр-звезд вечной жизни, что пульсируют в такт ритму крови нового временного хозяина, наполняют горячей волной тугие мышцы хищника и отражаются в его глазах, которыми он зорко высматривает очередную жертву, чтобы продолжить этот вечный круговорот жизни.

В стародавние времена человеческие существа покинули лес и ушли в то далекое путешествие, которое они сами себе придумали, или это сам Лес их исторг из своих пределов, об этом знают и молчаливо оберегают тайну Хранители законов леса. Их кряжистые твердокаменные тела держат на своих плечах небо и вся Сила и мощь Вселенной изливается на них, пропитывая каждую их малую песчинку пульсирующим светом звезд. Животворный ритм жизни, что вибрирует в каждом дыхании его существ, в каждом взмахе крыла, в каждом порыве ветра, что клонит кроны деревьев, устремляясь стремительным и нескончаемым потоком к стопам этих великанов, и рвется ввысь к небу, чтобы встретиться и слиться во вселенском экстазе с энергией космических высот и глубин.

Лес был свободен от того «преимущества», которым, как казалось, обладали люди. Он не мог мыслить и самой мыслью, образами подменять истинное, чистое и светозарное знание, что напрямую изливалось на него, направляло, двигало его, Лес был полностью отдан во владение Всевышнему, это и был сам Всевышний, во всем своем сиянии и восторге. Все его обитатели, все, что летало, ползало, двигалось, — все было пронизано присутствием его.

Теоретически искатель знал правила и законы, по которым живет Лес. Эти знания человек почерпнул из книг, в которых другие его единомышленники описывали практический опыт осознания этой реальности. Название авторов этих книг единомышленниками дало понимание

того, что он считал их таковыми, так как это были близкие по духу люди, которых он непосредственно не знал в лицо, как, впрочем, и они его, так как они жили в разных странах и эпохах. Вооруженный знаниями и страстным желанием воплотить на практике идею слияния и проникновения в глубинную суть ЛЕСА, в один из весенних дней он приступил к реализации этой задачи.

Я — лес, я — море, я — небо — это то, что утверждал и воплощал в жизнь человек с Востока, живущий в одной из стран, чья культура, религия и сам уклад жизни — все это теснейшим образом было переплетено с жизнью окружающей природы и имело глубочайшие исторические корни. Сам принцип, систематизированный для практического применения, изложенный в его учении, для искателя не являлся чем-то новым и необычным. В основе всей его теперешней жизни лежало то же условие, что и требовалось для воплощения идей слияния с окружающим миром в тех его проявлениях, кем он бы хотел стать: лесом, морем и так далее. Эти условия казались абсурдными с точки зрения человеческой логики, и поэтому невыполнимыми. Необходимой обязательностью его была полная остановка мыслительного процесса, если выразиться очень приблизительно к истине — механическое отключение головы как таковой. Вначале мозг, испуганный такими нерадужными перспективами, подбрасывал через буйно разбушевавшееся воображение одну картину апокалиптически другой. Человеку рисовали картины идиотии и других психических отклонений, что якобы могли постичь его в результате воплощения его идеи. Но принципы и указания к действию, что воплотил в жизнь человек с Востока, не являлись неожиданностью для последователя его эксперимента. Идея исключения ментальной деятельности из повседневной жизни для достижения более широких задач являлась краеугольным камнем йогического учения, которым и жил в этот момент искатель. Он уже

достиг некоторых результатов, двигаясь в этом направлении, и повторение опыта слияния в единое целое с Лесом, претворенного его восточным единомышленником, представлялось для него вполне выполнимой и реализуемой.

Гигантская ментальная составляющая, пронизывающая тонкие и плотные миры сплошной сетью, укутала все человечество, не давая вырваться никому из ее цепких объятий. Обладая колоссальными знаниями, накопленными за период существования рода человеческого, созидаящая и разрушающая, судящая и выносящая свой собственный вердикт по любым вопросам и проблемам, находящая миллион ответов на один-единственный вопрос, соединяющая и доказывающая всевозможные теории и законы, и тут же с таким же усердием находя доказательство их антиподам. Как казалось, в своей самости знающая все и вся и могущая ответить на любой вопрос и решить любую проблему. В библейском сюжете фигурирует такая сущность, как Падший ангел. Созданный Всевышним и наделенный им неопишуемым и невообразимым по силе и мощи знанием, он, обладая всем этим, впал в гордыню, вообразив и уверовав в то, что все, чем он владеет и обладает, является его собственностью и прародитель, который наделил его этой силой, не может в данный момент сравниться с ним по силе и могуществу с ангелом, так как ангел сейчас выше его по уровню всесилья. Естественно, его Отец наказал зазнавшегося шалуна, но урок, преподанный родителем, не пошел впрок, так как игры и проказы ментала не дают за их круговертью и хаосом, обряженных в одежду упорядочивания и систематизации, разглядеть и расслышать чистое и незамутненное слово истинной правды, дело и силу, что так лучи солнца и таятся за пеленой и тучами ментала. Да, ментал — это Ангел, и несть числа светоносных проявлений его могущества, но это Падший Ангел.

Прорыв через ментальную паутину был осуществлен не единожды, эти светлые люди, что воплотили в жизнь свою мечту увидеть, ощутить, почувствовать присутствие истинного Творца и Прародителя всего, оставили для всех шествующих по их стопам указатели истинного направления, что расставлены по обеим сторонам извилистой дороги на пути к Истине, изобилующей трудностями и опасностями. Используя на себе метод выключения ментальной деятельности, они нисколько не проиграли, а наоборот — приобрели. Ясность и безошибочность в принятии решений, обусловленные приходящим свыше незамутненным, чистым и истинным знанием. Автоматичность и верность всех действий, что необходимо предпринять и выполнить в своей бытовой деятельности. Защиту, отсутствие страха и непоколебимую уверенность в своей будущей судьбе, яркое, светлое и теплое ощущение присутствия родного, близкого и лучезарного покровителя и многое другое.

Поэтому наш Искатель был готов к нападкам и запугиванию со стороны ментальных сил и принял их напор с внутренней улыбкой. Опыт остановки ментала был уже им опробован не единожды, все, о чем было поведано в своих книгах впереди идущими искателями, нашло подтверждение и обогатило светлыми переживаниями, испытанными в результате опыта. К сожалению, постоянно находиться и жить в этом состоянии не представлялось возможным. Периоды прорыва и светлого озарения сменялись откатами на прежние позиции человека ментала со всеми вытекающими из этого состояния последствиями. Попытки решать навалившиеся на него проблемы прежним способом, задействовав свой ментал, ввергали всю его сущность в состояние нервически дребезжащих вибраций и потере того внутреннего спокойствия и покоя, что, как уже казалось, навеки закрепился и укоренился в его душе. Лишь слабые воспоминания

о достигнутых ранее светлых высотах грели озябшую душу надеждой на то, что этот период дезорганизации канет в небытие. Еще зов ПУСТЫНИ, что звучал в его сердце, радуя его восторгом будущей встречи с тем местом, где у искателя всегда и беспрепятственно происходило свидание с непознанным.

Человек мысленно вступил на тропу, которая расстелилась под его ногами и которая привела его к границе Леса. Деревья плотной стеной, без единого малейшего просвета преградили ему путь. Справа и слева, насколько хватало глаз, кряжистые стволы и мощные кроны деревьев непроходимой крепостной стеной защищали от непрошеного вторжения в тот мир, что был скрыт за неприступным оплотом. Корни деревьев, как когти гигантской птицы Рух, цепкой хваткой вцепились в каменистую землю. Лианы, как скопища змей, расползлись по стволам и сучьям мощных собратьев, перекрывая последние лазейки, через которые можно было бы проникнуть внутрь, и тем еще более усиливая неприступность стен зеленого бастиона. Кроны деревьев своей кучерявой шевелюрой подпирали низкое небо с нахмурившимися гневливо серыми тучами, готовыми в любой момент излить свое недовольство проливным ливнем или яростной молнией.

Стой, человек! Повелительное предупреждение трубным голосом невидимой стражи остановило пришельца на границе Леса. Ты был когда-то одним из нас, ты был всем, ты был Лесом. Однажды ты ушел в далекое путешествие, привлеченный ярким переливающимся блеском иллюзорных картин, что манили тебя своей доступностью и сулили неизбывные радость и веселье. Ты ушел в погоне за этими миражами, что манили своей доступностью, но при приближении к ним растворялись, чтобы возникнуть вновь во все новой и яркой привлекательности.

Погоня за ними все дальше уводила тебя от стен родного дома, который звал тебя, но ты был глух к этим призывам, очарован сладостными звуками и ритмами, что сейчас звучали в твоих ушах. Ты очень долго гонялся за миражами, пытаешься схватить и обладать всем тем, что переливалось, искрилось перед твоим взором. И вдруг в один момент все миражи исчезли, как гонимый лесным предутренним ветром ночной туман, и ты увидел себя, стоящим на краю бездны, что разверзлась под твоими ногами. На дне бездны клочкотала лава, подбрасывая к небу свои раскаленные протуберанцы, пытаешься достать и низвергнуть вниз одинокую фигуру, застывшую в недоумении на краю бездны.

Желтый сернистый туман, поднимаясь из глубины бездны, обволакивал погребальным саваном тело, и втекая в ноздри своим ядовитым и зловонным запахом, лишая возможности адекватно оценивать ситуацию, нашептывая красивыми голосами успокоительные слова, побуждая свою очарованную жертву сделать последний роковой шаг вперед. И когда жертва уже готова была совершить эту последнюю непоправимую ошибку, замутненный разум последней искрой потухшего сознания ощутил материнский призыв, что исходил из глубин леса. И человек сделал шаг. Но это не был шаг вперед, в бездну. Это был шаг назад, на путь возвращения домой.

Путь возвращения был очень долог и тернист, и когда после долгих лет скитаний он наконец-то оказался на пороге родного дома, то не смог опять войти как прежде в ворота, что раньше с такой предупредительностью распахивались перед ним, стоило ему лишь приблизиться. За годы скитаний он стал чужим для Леса, Лес так же, как и раньше, любил его родительской любовью, когда самое неразумное дитя что приносит боль и страдания своим бессердечным поведением, все равно остается для него любимым и родным. Но стражи леса безошибочно опреде-

лили в блудном сыне чужака, затворив перед ним все двери. Узнавая в его лице знакомые черты, они с упорством верных служак требовали подтверждения и доказательств того, что ты имеешь право войти через эти крепостные ворота. Нужен был какой-то ключ с потайным секретом, который наш скиталец потерял во время своих безуспешных исканий иллюзорного счастья. Поиском этого секретного ключа и был занят в данный момент наш человек, в чьем сердце звучал Зов леса. В жестоких битвах и изнуряющих трудах, что сопровождали его в пути во время возвращения домой, он получил сокровенное знание, как вернуть назад тот Волшебный ключ, что был утерян.

Каменная гряда, как гигантский мастодонт, вспучила земную твердь, выставив острые пики-шипы, грозы небу и в то же время защищаясь от его громовержного гнева. Исчерпав все силы в безуспешных попытках вырваться наружу, гигантский ящер понял тщетность своих попыток и заснул навеки. Ветра и годы притупили и сгладили острые грани смертоносного оружия, что служило ящеру подспорьем для победы в жарких схватках с враждебными существами подземных миров. Сила и мощь, повергающие его врагов навзничь и разрывающие земную твердь, все так же жили в глубинах этого каменного монстра. Гигантский спящий богатырь подпитывался материнской любовью его Матери Природы. Как легкое дыхание спящего ребенка, невидимо и неслышно эта сила проникала через каменные поры дремлющего и видящего волшебные сны каменного Голиафа.

Материнская сила Матушки-Природы не была направлена исключительно для поддержки особо любимых и приближенных к ней чад. Все живое и кажущееся неживым, то есть статичное и недвижимое: камни, деревья, скалы — все ощущало ток и бег животворной энергии. Человек, избравший для себя местом для теперешнего обитания поляну на склоне горного хребта так же, как и все

дети Леса, не был обделен Материнской любовью. Для нее не существовало преград и даже кажущаяся такой прочной и неприступной каменная броня спящего подземного дракона с легкостью пронизывалась мягкой и нежной волной любви Матери.

Ментальная броня, невидимая и покрывающая все человеческое существо непробиваемой сферой устоявшихся понятий, надуманных псевдозаконов жизни и многого того, что создал Разум за все время своего существования, была крепче всех самых прочных сверхзащитных материалов. Каменный монстр со своей кажущейся неприступностью чешуйчатых покровов не мог идти ни в какое сравнение с ментальной сферой. Материнская сила отчаянно пыталась достучаться до истосковавшегося по ее любви сердцу, и ее попытки все-таки иногда достигали своей цели, когда ментальная преграда давала трещины. Человек не видел в данный момент необходимости носить на себе этот тяжкий груз, и предпринимал немалые усилия, для того чтобы избавиться от него и опять почувствовать себя дитем Леса и вновь быть окруженным морем Материнской любви и купаться в его благословенных и сладостных волнах.

Материнская сила охотно выступала помощником в стремлении человека избавиться от ментальных оков. Заручившись ее поддержкой, он приступил к решению самой трудной задачи, что ему предстояло решить — остановки карусели мысли, что с раздражающим скрипом и мельтешением вращалась в его голове. Все окружение: лес, горы, сама весна — помогали своим присутствием и участием в его трудах. Напоенный ароматами весенней пробуждающейся природы, успокоенный и обласканный легким и нежным прикосновением ветерка, который живительным компрессом охлаждал его разгоряченную голову, он уверенно продвигался к победе своих дерзаний.

Вращение и мельтешение мыслей утратило свой монотонно-стремительный ритм, темные вращающиеся колеса карусели образов переместились на периферию мыслительного горизонта. Изгнанные со вседержавного трона и лишённые полномочий повелевать и распоряжаться мысли не потеряли надежду вернуть себе утерянные привилегии и, разорвав свой бесконечный хоровод, выстроившись цепочкой или клином, как стая птиц, пересекали светлый небосвод ментального сознания, желая звуком трепетания своих воображаемых крыл и гортанными криками привлечь внимание стороннего наблюдателя, в роли которого сейчас выступало чистое измененное сознание.

Но попытки мысли вернуть прежние позиции были тщетными. Возврат и псевдомиграция птичьих мыслестай становились все реже и реже. Но упорство, с которым они все-таки возвращались, не давали человеку уверовать в то, что процесс очистки ментальных сфер закончен. Несколько дней и ночей продолжалась эта изнурительная борьба, но упорство и настойчивость, которых нашему воину было не занимать, все-таки взяли верх.

Глава 2. Весна

Буйство ярчайшего весеннего солнца было рассыпано в мелких лужицах, наполненных снеговой водой, искрясь, дробясь, и отражалось мириадами маленьких солнц. Как ошалевший олененок в фейерверке солнечного света, весна развилась и скакала по прогретым горным склонам.

Одуряюще и будоражаще пахло оттаявшей землей, прошлогодней пылью и сухой терпкой травой, и этот волшебный коктейль запахов подхватывал ввысь и разносил по всем потаенным уголкам порывистый озорной ветерок, который то ласковой теплой волной насакивал на кусты, играя прошлогодним сухим листиком, то вдруг,

нечаянно ударившись с разбега о посеревшую и просевшую лепешку прошлогоднего снега, пробежал по ней, смеясь и дурашливо подкидывая застуженные пяточки, стремясь побыстрее выскочить на освещенную ярким солнышком полянку, чтобы согреться ее материнским теплом. Птицы ошалев перелетали с ветки на ветку, и невозможно было углядеть какую-то логику и осмысленность в их поступках. Если совсем недавно их перемещения были обусловлены чем-то сугубо утилитарным, как например, поиском пищи или беседы с товарищами на тему, вероятнее всего, вращающуюся около этой же самой проблемы, то сейчас пичуги всех мастей стремительно пересекали поляну лишь только для того, чтобы на какие-то мгновения коснуться лапками ветки дерева, чтобы уже в следующую секунду умчаться в неизвестном направлении, как будто ветка, на которую они присаживались, была так невыносимо горяча для птичьих лап. Наступил сезон любви. Инстинкт продолжения рода и материнства заставлял зверюшек-мамочек объявлять конкурс на выборы претендента, который должен дать импульс для новой волны жизни. Одурманенные запахом феромонов, которыми был пропитан след, оставленный пробежавшей самочкой, бурундуки, презрев всяческую предосторожность, летали по извилистым траекториям, пересекая поляну, почти не касаясь земли.

Утомленный тяжелым и сложным переходом до вожделенного Места, наш путешественник не мог отказать себе в удовольствии полежать полураздевшись на солнечной стороне поляны, принимая солнечные ванны, жадно впитывая ультрафиолет изголодавшимся по нему за зимнее время телом. Разомлевшее от живительного тепла тело обмякло и начало, покачиваясь на волнах блаженства и покоя, погружаться в сладостную негу сна... Резкая режущая боль полоснула по коже обнаженного живота. Человек вскинулся в резком испуге и увидел двух бурундуков кото-

рые улепетывать вдаль, очарованные перспективами близкого знакомства с вожденными незнакомками. Два новоявленных Дон Жуана помахивали победно вздыбленными хвостами, как плюмажами на шляпах знатных сеньоров, их полосатые плащи-спины овевал ветер любви и надежды! Салют, амигос! Удачи вам и любви! Глубокие царапины, оставленные копытами скакунов этих знатных сеньоров, саднили, и кое-где выступила сукровица. Вот что значит встать, то есть лечь на пути влюбленных кабальерос. Тело, жаждущее отдыха, расположилась прямо на феромоновой дорожке, которая своим любовным посылом зажгла огонь страсти в сердцах лесных идальго.

Случившийся инцидент ни в коей мере не испортил настроение человеку. Атмосфера счастья и надежды на все самое лучшее, что только может случиться, подхватила его вместе с другими обитателями леса в бурном танце, имя которому — любовь. Осторожно потирая саднящие ранки на животе, человек переместился в более безопасное для остальных членов его тела место, а именно уселся, если на троне восседают, то воссел на искомый предмет лесного интерьера, что находился немного на возвышенности, и как бы парил над всей панорамой лесной поляны.

Жадно впитывал глазами картину весеннего праздника жизни, что открывалась перед ним под более широким ракурсом. Ничего не отвлекало и не мешало ему претворить в жизнь и исполнить желание или ту задачу, что он поставил себе на этот момент.

Весна все более вступала в свои права. Территории, отвоеванные у поверженной, но еще не хотящей уступать зимы, становились все больше и обширнее. Яркие бабочки бархатистыми разноцветными опухалками пытались освежить разгоряченные своим любовными треволнениями головешки лесных обитателей, но безрезультатно, и лес-

ные красавицы — эти дети весны, сами тоже хлебнувшие любовного эликсира, — начинали восторженно взметаться в сияющие небеса, чтобы, преломив своим крылом сияющие лучи солнца, затем в очаровательном кульбите низвергнуться вниз к самой земле, подчиняясь лишь только им одним слышному ритму весеннего гимна, что звучал нескончаемо в каждом из обитателей леса.

Один из горных пиков, что занимал центральное положение в группе останцев, вероятнее всего, мог бы считать себя главным или старшим в семье своих каменных братьев, что стояли плотной группой чуть поодаль, и на их фоне кажущейся неказистости и сглаженной коренастости он выделялся своей горделивой статью, с величаво взметнувшейся к небу остроконечной вершиной, с отвесно-обрывистыми боковыми стенками, с полками и расщелинами, на которых и в которых нашли приют, защиту и дом небольшие деревья, чьи отчаянные головы сделали выбор и не побоялись поселиться так далеко от своих собратьев, что сплошным зеленым ковром стелились у подножия горы. Лишенные поддержки и защиты, что получает каждое дерево, живущее в семье подобных себе, наши герои не отчаялись и смотрели с чувством превосходства с высоты своего положения и расположения на своих приземленных соплеменников.

По одному из наиболее пологих склонов на вершину скалы резво взбегала тропинка. Люди не могли оставить здесь свой след по причине удаленности этого потаенного уголка природы.

Наметанный глаз следопыта прочитал письма, оставленные неизвестным скалолазом на горной тропинке. Олени, или один олень, продавили отпечатками своих копыт травянистый дерн основания скалы, там где начинается тропа, эти же острые копытца срывали уже менее плотное изумрудное моховое покрывало, когда их обладатель оскальзывался при подъеме, оставляя при этом

след раздвоенных копыт. На вершину скалы дикого зверя привело не любопытство или жажда лицезрения великолепных видов, что б предстали его взору по достижении искомой цели. Местные охотники называли такое место «отстой», это чаще всего мог быть одинокий утес, преобладающий по высоте над всеми остальными скалами и над лесной растительностью. С вершины этого естественного наблюдательного пункта обозревалось все окрест, и приближение любой опасности фиксировал настороженный взгляд, отдавая команду ретироваться и раствориться в зеленой чаще до той поры, пока опасность не минует.

Летом в тайге наступает нелегкая пора для зверья. В то время, когда уже канула в лету холодная и голодная зимняя пора и можно было найти себе пропитание всюду и везде, в атмосферу этой лесной пасторали вторгались полчища разномастного гнуса, что месили своими крыльями влажный теплый воздух, наполняя его заунывным гудением. Забиваясь в глаза и уши, вгрызаясь в места сочленения и складки тел, они лишали их спокойствия и не давали в должной мере насладиться всеми прелестями сытной поры года.

Место же, выбранное зверьями для отстоя, всегда хорошо проветривалось, и постоянно дующая струя воздуха уносила прочь безжалостных кровопийц. Это и было одной из двух важных причин, что заставляла лесных парнокопытных взбираться на горные кручи. Пожиться здесь было нечем — только голые камни, кое-где покрытые лепешками мха, зато покой и безопасность на период нахождения здесь оленя были обеспечены.

Своим приходом незваный гость потревожил покой и нарушил давно заведенный устой жизни лесных обитателей, что считали этот участок леса своим домом и включали его в свой ареал обитания. Так как он не принес в это

место огнестрельного оружия, то запахи его присутствия не несли в своей обонятельной гамме ноток опасности, что издают единственно своим присутствием эти инструменты убийства. Человек тешил себя надеждами, что когда-нибудь лесные обитатели увидят и поймут, что он не хочет кого-нибудь убить, что он очень уважительно и трепетно относится ко всему живому, что ползает, плавает, летает. Это было как призыв к действию, который сформулировал в своей гениальной книге Автор: «Ты и я, мы с тобой одной крови!».

Человеку также очень понравилось посещать площадку на вершине горделивого пика. Тем более что идти куда-то далеко не было необходимости, так как фронтальная стена скалы нависала прямо над лагерем, в полутора-двух метрах от спинки трона. Подъем также не отнимал много времени.

Открывающиеся перед восхищенным взором шири и дали завораживали и притягивали. Бездна голубого неба гипнотизировала и влекла наблюдателя, презрев земное притяжение, ринуться в полет наравне с птицами. Волнующееся море тайги своими зелеными волнами разбивалось об линию горизонта, где в голубоватом мареве сливалось с небесным сводом.

Человек обратил внимание на то, что всегда в моменты созерцания этой красоты его дыхание задерживалось на вдохе и как бы приостанавливалось и становилось неглубоким и поверхностным. Но он не испытывал удушья, скорее наоборот, горный воздух, наполненный фитонцидами, наполнял его легкие, как два воздушных шара, как будто воочию помогал человеку сбросить земные узы и устремиться ввысь.

Скала не представляла из себя холодный и мертвый кусок камня, как казалось издали. Суетливое трудолюбие лесных пичуг выказывало места строительства будущего семейного гнезда, готового принять новое поколение жел-

торотиков. Практичные мыши, углядев какую-нибудь только им известную выгоду, переселились из сумрачных лесных чертогов в горный небоскреб, обживали каменные апартаменты, которые приветливо открыли свои двери, приглашая домовитых новоселов поселиться в расщелинах скалы и в нишах под камнями. И змеи. Неразлучный и роковой спутник мышиною племени, что сопровождает их всегда с незапамятных времен. Хладнокровные охотники серыми лентами неслышно перетекали по расселинам, без видимого труда взбираясь по кажущимся почти отвесным стенкам. Смертоносная голова, широкая в основании, сужалась к передней части, образуя как бы неправильную форму острия копья. Черные гипнотически немигающие глаза и мелькающий с периодичностью раздвоенный язык — это то последнее, что видели в своей жизни некоторые серые торопыжки. В этих горах жил особый вид змей — горные щитомордники. Не очень крупная — до полутора метров в длину, но достаточно ядовитая, особенно весной, когда концентрация яда после зимней спячки достигала уровня яда кобры.

Щитомордники жили в самом теле скалы, и даже на вершине ее наш очарованный созерцатель в самое первое посещение испугнул греющуюся в теплых весенних лучах солнца змею. Спираль мышц подбросила только что блаженно расслабленное тело щитомордника, и в мгновение ока оно как ртуть затекло в расщелину на краю площадки. При ближайшем рассмотрении края расщелины выглядели как бы немного зашлифованными и вытертыми, что давало повод думать, что этот вход рептилия использовала не единожды и что, вероятнее всего, это ее нора.

Наш путешественник не боялся змей, чувство осторожности держало его на безопасном расстоянии и от их ядовитых клыков, ни в коем мере не провоцируя их на напа-

дение. Змеи, в свою очередь, тоже соблюдали негласное джентльменское соглашение и приблизительно где-то на расстоянии 7 м определяли своими тепловизорами мощное тепловое пятно и пытались ретироваться. Во время дальнейших посещений столь любимейшей площадки визитер больше не встречал прежнего хозяина этих мест: либо он из соображений безопасности покинул свой дом, либо в это время находился под защитой его каменных стен.

Часть 4

Я – лес?!!

Утреннее весеннее солнце только начинало свой светосный поход к сияющим высотам.

Небесный свод, как опрокинутая голубая чаша, был светел и прозрачен. Ни единая тучка не замутняла своим присутствием бирюзу небес. Внутреннее состояние, что царило на ментальном горизонте, по чистоте и спокойствию было прямым отражением этой картины мира и спокойствия, что разливалось окрест. Фигура человека на вершине скалы, чей силуэт контрастно выделялся на фоне неба, была неподвижна. Но это было неправдой, или правдой всего лишь отчасти. Да, его плотная оболочка как бы парила над лесом, но на самом деле его дух, его тонкое тело рассыпалось на мириады атомов и слилось в неопишуемом восторге со всем тем, имя чему — ЛЕС. Солнце продолжало свой бег по небу. Человеческое я стало всем. Я — цветок, что так жадно впитывает каждой порой своего естества материнское тепло и неотрывно следящий за ходом светила, благодарственно и с восторгом возблагодаря за этот свет, ласку и саму возможность жить. Я — птицы, что, оказывается, не просто так чирикают, а исполняют хвалебный гимн в честь прародителя всего живого. Я — звери, большие и малые, что исполнены любовью и благодарностью к отцу всего живого. ... «Всякая травинка да хвалит имя Господа...», «...Всякое дыхание да хвалит имя Господа»... Пришло понимание того, что тот урок, что был преподан Всевышним, то переживание, растворившее человеческое Я во множественности вселенских Я и ставшее всем, — все это было пройдено, испытано, осознанно и описано в священных писаниях, но слова как бы несли

зашифрованный смысл, были не совсем понятны для рафинированного сознания человека мыслящего. Искатель отринул этот барьер мысли, это и был ключ к пониманию истинного смысла, стоящего за словесными формациями, также этим ключом была открыта дверь вселенского знания силы, которая отворила запертые двери Леса, и человек вновь и опять ощутил себя единым с ним организмом, дыша в унисон с ним одним дыханием и смотря окрест единым взором.

Состояние, неопишное и непередаваемое ни одним из языков на земле и ни одной формой словосочетания. Мягкое, нежное, пронизанное светом, исходящим из глубин всего окружающего. Тело не испытывало необходимости двигаться, даже дыхание истончилось и стало поверхностным и редким. Подхваченный и унесенным потоком жизни человек не сопротивлялся и отдался в полное распоряжение стихии Леса, живя и подчиняясь всем его законам. Одним из самых ярких воспоминаний этого незабываемого дня было ощущение равнозначности своего естества с собирательным образом растения, цветка с распустившимся бутонем. Лицо человека было обращено к Солнцу и неотрывно с любовью и обожанием лицезрело его лик, ликуя и восторгаясь от самой возможности участвовать в этой мистерии света. Улыбка благодарности и восторга печатью лежала на лице цветка, или на соцветии, ставшим в этом момент лицом. Теплый ветер приносил на своих крыльях капельки влаги, что напитала и увлажнила поверхность цветка, распахнутого в желании обняться в порыве единения со всем сущим, а может, это были слезы счастья, текущие по щекам человека?!

Яркий огненный шар, несущий тепло и любовь всему живому, завершил свое светоносное путешествие, скрывшись за западными отрогами горных цепей. Лес проводил его уход финальными аккордами благодарственной сим-

фонии и накрыл темной пеленой ночи, продолжая свое бесконечное действие, выводя на сцену жизни ночных обитателей, чье существование проходит в привычной и таковой обыденной для них темноте. Наполненные любовью и обласканные родительским теплом обитатели леса, чья жизнь и существование протекали под бдительным оком светила с надеждой и уверенностью неотвратимости завтрашней встречи с ним, укрылись под сумрачным пологом леса в поисках временного укрытия для отдыха и защиты от опасностей, что несет своим приходом ночной мрак.

Человек был полон Леса. Он находился в своем шалаше, дававшему отдых переполненному светоносными переживаниями свидетелю и участнику этих необычных событий. Лежа на импровизированной постели и закрыв глаза, он вновь и вновь наслаждался картинами Пережитого, которые с новой силой проносились перед его внутренним взором. Но жизнь леса не остановилась с приходом темноты. Мягкие трепетания крыл обращали внимание мышинного племени на необходимость соблюдать предосторожность — сова вышла на охоту. Перед закрытыми глазами человека, как на затемненном экране, проявилась картина ночного пейзажа. Он то стремительно начинал налегать на невольного наблюдателя, грозя столкновением с деревьями, то вдруг эти деревья в мгновение ока перемещались в нижний край экрана и исчезали, сменяясь картиной ночного неба. Все это дополнялось легким гулом рассеяемого воздуха, в чьих сферах купала свое сильное тело птица, высматривая себе жертву. Дух свидетеля и участника всей этой лесной мистерии метался вместе с ночным хищником, то почти ударяясь об землю, то взмываясь ввысь. Завораживающее чувство полета и азарт охоты смешивались в нем с чувством тревоги и настороженности.

Мгновенно пришло осознание того, что является источником этого сигнала. Вибрации страха излучала земля, где в складках и укрытиях за камнями мышиное племя на-

стороженно наблюдало за крылатой смертью, чей полет, как маятник часов судьбы, отмерял чьи-то последние мгновения жизни.

Деревья, травы своими корнями, как пуповиной, неразрывно были соединены с родительским лоном своей праматери Земли. Мощные стволы деревьев, подобно колоннам храма леса, подпирали зеленый арочный свод из переплетенных в дружественных объятиях веток и листьев. Сплоченная и скрепленная как нейросетью в единое целое эта гибкая, но прочная живая крыша давала кров и пищу и оберегала обитателей леса, всех тех, кто нашел приют под его кронами. Трепетанием кончиков листьев на колеблющихся под порывами ночного ветерка ветках деревьев, невидимой, но проникающей везде и всюду вибрацией сам ЛЕС повелительно, но в то же время с любовью и благожелательностью давал отеческий наказ. Его безгласное указание было полно спокойствия и мудрости знания Закона леса, который гласил, что жизнь вечна и бесконечна, что смерти нет, есть только краткий переход из состояния одной жизни в другую. Укутавшись в нерукотворное одеяло, сотканное из вибраций любви и спокойствия, и убаюканный шелестом листьев, наш искатель погружался в сладостный сон, полный картин чуда, виденного и пережитого сегодняшним днем. Улыбка счастья не покинула его лицо и по сей момент, ожидание скорой встречи с волшебством и уверенность в том, что это произойдет скоро, следующим утром, давали повод ощущать себя счастливым, тем более что та задача и цель, к которой он так долго шел, наконец была воплощена в жизнь. Я — Лес, я — Лес, я — Лес...

...ИЗ ТЕМНОТЫ СТРЕМИТЕЛЬНО РВАНУЛАСЬ ОСКАЛЕННАЯ ПАСТЬ...

Человек не отрывая взгляд смотрел на пламя. Облитая светом костра фигура была наклонена вперед, и на рас-

ставленные ноги были уперты локти рук. В правой руке близи от лица он держал кружку, из которой косматенькой гривкой выбивался легкий парок. Неподвижность и статичность камня, казалось, передалась сидящему на нем, и лишь сторонний наблюдатель мог бы заметить легкое движение кисти руки, периодически подносящей кружку с губам, и легкие глотательные движения, когда отшельник прихлебывал чай. Спокойствие и состояние равновесия наконец-то опять наполнили все его существо, тело налилось расслабленное тяжестью и отдыhalo, и лишь волны воспоминаний накатывались с разных сторон, пытаясь раздергать сознание и опять ввергнуть его в пучину хаоса и сумятицы. Силой воли мыслитель загонял их в русло логики, огораживая берегами хронологии. Порыв ветра хлестнул по лесной чаще. Огонь дрогнул, распластался по земле, выстрелил горячим тугим воздухом в сторону неподвижной фигуры.

Синевато-горький дым как бы сорвал пелену с потока воспоминаний, и опять перед его глазами засияла картина дня сегодняшнего, что так потряс его и оставил столь неизгладимые впечатления.

Так что это было? Почему финал одного из самых прекрасных дней в жизни человека оказался столь трагичным?

Это была смерть. Смерть одной маленькой лесной мышки. Писк, вот тот последний звук, который издала жертва, когда жизнь с последним вздохом покидала ее разорванное тельце. Хищник не мог быть крупным, судя по силуэту головы — горностай, норка или хорек. Ну в крайнем случае — лиса, хотя не похоже... Мысли были яркими, четкими и очень рациональными. Состояние блаженства, умиротворенности и покоя, полностью владеющее всем его естеством совсем недавно, буквально несколько минут назад, унеслось в неведомую даль, подхваченное вибрациями смерти, возвращенными воспомин-

ниями из недалекого прошлого. Поляну обступал враждебный, как никогда раньше, Лес, сулящий разорвать, уничтожить непрошеного гостя. Как инородное тело, как занозу, что должна быть исторгнута «здоровым организмом из своего тела...». «Что-то пошло не так. Нет, неправда! Надо быть честным перед самим собой, ты знал, что такое может случиться».

Обрывки знаний из разнообразных источников указывали на побочные явления опыта, связанного с полным растворением личности. Просто очень хотелось верить в то, что с тобой это не случится, что, может быть, он неправильно интерпретировал знания, полученные из источников, что реакция организма будет несколько иной, не такой радикальной. Какое-то самоубаюкивание и самоуспокоение. Вот и получил то, что получил. Надо из каждого опыта делать правильные выводы, сейчас это задача номер один, что стоит перед тобой...» Этот монолог отповеди прочитал человек сам перед собой, конечно, эту речь не услышал никто из лесного окружения. Это был разговор с самим собой, и то, что внутренний оппонент не мог предоставить каких-либо аргументов в ответ на столь веские доводы, указывало на весомость изложенных фактов.

Лес во всей этой ситуации не рассматривался в роли обвиняемого. Весь этот Великолепный организм существовал по своим законам, и попытки человека безоглядно следовать своим путем, игнорируя эти законы, пункты и главы его, могла привести к печальным последствиям.

Необходимо было выработать какой-то механизм защиты от столь убийственных проявлений Леса, либо все-таки смириться с тем, что современный человек уже не сможет жить в гармонии и единстве с Лесом, как его далекий доисторический предок. «Ну что ж, задачи поставлены, цели обозначены, будем думать и делать выводы. Жизнь продолжается...»

Да, жизнь продолжалась. Чуткий слух выхватывал из гаммы звуков ночного леса порсканье и топотание мышиных лапок. На границе освещенности костра мелькали маленькие серые тени. То, что количество их товарок в течение этой ночи стало на несколько особей меньше, ничуть не испугало серую братию и не ввергло в ступор скорби по закончившим свой земной путь собратьям. Отнюдь, серое племя пребывало в преотличнейшем расположении духа и деловито перетирало маленькими трудолюбивыми лапками лесную подстилку в поисках лакомого угощения.

Совы неутомимым патрулем пересекали ночное небо. Одна из представительниц этого крылатого племени — сова сплюшка — зачем-то убеждала всех вокруг, что она не причастна к ночному террору, и из глубины леса периодически было слышно заунывное бормотание: «Сплю-ю-у-у,.. сплю-ю-у-у...».

Замолкающее на какой-то короткий промежуток времени, вероятнее всего, для того, чтобы чем-то подкрепиться перед сном, чтобы сновидения были слаще и приятнее.

Внутренний неусыпный наблюдатель и защитник, чье наличие и присутствие повсеместно наблюдается у всех лесных обитателей, взял под свое покровительство и пришельца, что вторгся в их Лесной мир. Вернее всего то, что каждый представитель людского племени имеет в своем арсенале инструментов для выживания этого верного слугу и помощника, молчащего до того момента, когда придет его время действовать. В стародавние времена, когда наши пращуры боролись за выживание с немилосердной окружающей средой, полной опасностей и угроз, сама природа одарила их бесценным подарком — внутренним защитником. Днем и ночью, во сне и бодрствовании он всегда начеку. Принцип его действия достаточно прост и универсален в то же время. Во внутреннем сознании защитника впечатана картина-матрица, отражающая поло-

жение вещей, деталей лесного или любого другого пейзажа, звуков, запахов, что идеальны по своей безопасности и не несут угрозы. Все то, что не вписывается в картину идеального Мира, в этом понятии — безопасного существования, сразу и мгновенно причисляется к угрозе, и посылается сигнал к реагированию на ситуацию. Даже взгляд, что неотрывно наблюдает за своей жертвой, чтобы выбрать удачный момент для нападения на нее, может своим давлением вызвать ответную защитную реакцию, инициированную бдительным стражем.

Стадо оленей, до сих пор мирно пасущееся на лесной поляне, вдруг срывается с места и стремительно исчезает в чаще леса. Ничего не предвещало опасности, но вожак увидел в зарослях кустарника, что окаймляют поляну по периметру, какое-то движение, что диссонировало с общей картиной безмятежности. Что-то двигалось вразрез общему колебанию листвы под порывом ветра, все листья клонили свое зеленое тело влево, а какая-то темная тень в глубине упругого барьера продвигалась вопреки всему в правую сторону. И действительно, тревога не оказалась ложной. Стена кустарника поддалась, проломанная грузной тушей хищника, и на поляну вступил бурый медведь. Гроза леса раздраженно встряхивал головой и фыркал через плотно стиснутые зубы. Вытянув шею, он втянул в себя лесной воздух, что еще хранил в себе мускусные ароматы оленей, развернулся и неслышно ступая шагнул в пролом и растворился в полумраке леса. Охота сегодня не задалась.

Свой «путь к горизонту» герой нашего повествования начал очень давно. Поиски чего-то необычного и невиданного, что находится за иллюзорной линией, где небо сходится с землей, подвигали молодого еще тогда человека все к новым и новым путешествиям. Они всегда были сопряжены с трудностями и опасностями, так как почти всегда это были дерзновенные походы одиночки. Судьба и Всевышний хранили его, хотя те испытания, в которые

он ввергал себя, нередко колебались на грани смертельного риска, по оценке самого путешественника, вступившего в пору зрелости и мудрости, совсем неоправданного.

Эти же ситуации смертельной опасности разбудили в нем спрятанного в глубинах подсознания помощника, надежного друга, спасителя и охранника в одном лице. В древних манускриптах прямо и косвенно указывалось наличие этого чудесного дара эволюции сознания. У него было несколько названий, наш путешественник выбрал для себя два определения, которые, как ему казалось, более точно отражают суть явления. Это были: ВНУТРЕННИЙ СЛЕДЯЩИЙ и ВНУТРЕННИЙ ЗАЩИТНИК. Не единожды он выручал своего друга и хозяина в, казалось, безвыходных и патовых ситуациях, но один случай, что произошел при непосредственном участии этого подарка небес, показал еще одну грань применения его способностей, и довольно неожиданную.

Часть 5

Ангел

Холодным зимним утром на перроне небольшого железнодорожного вокзала произошла встреча двух друзей. Много лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Судьба разбросала их в разные стороны в очень тяжелые и сложные времена. Жизнь их тогда ломала через колено и проверяла на прочность. Герой нашего рассказа нашел силы и поддержку в этот тяжелый период, обратившись за помощью к Богу в том восприятии, что было близко именно ему. Как мы уже знаем, это был путь йоги. Его друг был человек очень материалистичный, не сказать чтобы он совсем отрицал само существование Бога, но решать все проблемы, которые как снежный ком навалились тогда на него, он предпочитал опираясь только на свои силы. Все эти годы, а их было немало, не было ни малейшей весточки о его судьбе, и у нашего путешественника возникали нехорошие предчувствия, что его друг, не имеющий такого надежного помощника в душе, мог быть раздавлен этими проблемами и даже сама его жизнь могла закончиться трагически. И он был несказанно обрадован и удивлен, когда его товарищ неожиданно нашелся и подал о себе весточку. Удивление было обусловлено тем, что это был совсем другой человек. Даже звали его совсем иначе. Его старый друг, отринув мирскую жизнь, принял сан иеромонаха, то есть монаха в Миру, и нарекая иным именем, он сейчас имел свой приход и был настоятелем в одном из храмов небольшого городка. В тяжелые для себя времена он сделал правильный выбор и ступил на путь поиска Истины — для него это был путь христианства.

Старым друзьям очень хотелось увидеться. Получивший приглашение посетить и поучаствовать в церковных таинствах, что будут происходить в ближайшие дни, наш паломник дал согласие и после недолгого путешествия на поезде прибыл на место встречи в преддверии великого церковного праздника.

На перроне вокзала его встретил убеленный сединами, с окладистой бородой священник. Назвать его старцем не поворачивался язык, так как он был еще не обременен тяжелым грузом лет, но всепонимающий взгляд и мудрость, сквозившая в его глазах, выдавали в нем человека, много перестрадавшего и переосмыслившего многие ценности. Церковная территория, где находился сам храм и пристройки, очень напоминала стройплощадку, правда, без присущей ей захламленности и неразберихи. Основной Храм, который возводили на народные деньги, был поднят лишь на нижний предел, как бы сказали строители — цокольный этаж. На этом уровне деньги закончились и строительство замерло, или опять пользуясь официальной терминологией — заморозилось. И как бы подтверждая это заявление, холодные зимние ветра закручивали поземку на месте стройплощадки. Сам храм, в котором проходили богослужения, можно было бы назвать крупной часовней. Построенный как временное помещение до того момента, как вступит в строй основной храм. Церква была возведена по всем канонам жилищно-барачного строительства, или сборно-щитового, если так будет угодно. Металлическому каркасу, к которому крепились панели с утеплителем, придали форму храма с одним шпилем, увенчанному луковкой с крестом.

Прихожане в свое личное время и на свои скромные средства привели в божеский вид эту новостройку, церковь освятили, и мудрый священник со своими помощниками начали служить всему тому, во что они верят, от кого черпают силы и кто укрепляет их в их нелегких трудах. Их очаг духовности не был так благоустроен, как другие мо-

нументальные соборы этого города. Но благодаря, а может быть, вопреки всей этой помпезности религиозной архитектуры прихожане, что ранее посещали эти благоустроенные храмы, стали все чаще приходить под кров церкви, такой небольшой и неказистой на фоне благолепия окружающих ее соборов. Конечно, причина, заставившая их изменить привычку, не была вызвана пристрастием к какому-то определенному направлению в архитектуре. Человек, Пастырь, наставник и истинный слуга Бога, тот, кому верили и доверяли. Это был иеромонах — священник и настоятель этого храма. Его помощники — люди истинно верующие, чистые душой и помыслами, составили с ним единую семью, скрепленную духовными узами. Это к ним шли люди со всех окрест.

Наступали дни Великого духовного праздника. Этой ночью прихожанам предстояло совершить подвиг ночного бдения, то есть церковная служба будет длиться почти всю ночь, что, конечно, было дополнительным испытанием для людей в преклонном возрасте. Но надежда, не единожды подкрепленная практическим ощущением присутствия высших сил именно во время столь длительных церковных служб, придавала крепкость их телам, утомленным долгим путешествием по дороге жизни. Праздничное волнение электризовало единоверцев предчувствием чего-то необычного и сверхъестественного, какого-то чуда, что должно свершиться сегодня. Импульс ожидания и Веры, помноженный на призыв людских сердец, взывал к своему небесному Прародителю услышать их мольбу. Огоньки зажженных церковных свечей колебались от дыхания людского множества, заполнившего церковь. Лики святых с икон глядели на происходящее сурово но благожелательно. Ладанный дух синим туманом ложился на плечи людей. Слаженно и красиво пел церковный хор. Человека, который впервые услышал молитвы на старославянском языке, слова праздничного песнопения удивили бы своей

необычностью и в некоторых моментах непониманием смысла произнесенных фраз. Для нашего гостя и участника событий это не являлось раздражающим фактором, скорее наоборот. Слова и смысл, вложенные в строки этих текстов древним автором или авторами, были выстраданными и наполнены глубочайшим смыслом. В те времена, когда они увидели свет, люди, их сотворившие, положили на алтарь Веры самую жизнь, так как быть приверженцем нового по тем временам видения Всевышнего было смертельно опасно. Не одна Светлая душа вознеслась к небесам, претерпев муки, но не усомнившись в правильности выбранного пути. Кажущаяся непонятность представлялась для очарованного слушателя волшебным заклинанием, с несущим в каждом слове зарядом мистических энергий, способных после его прочтения явить чудо.

Голос регента церковного хора птицей взметался под своды церкви, и за ним, как за вожаком птичьей стаи, тянулись, трепеща в усердии крылами, голоса его хористов, дополняя и оттеняя ведущую партию, что исполнял их руководитель. Энергия порыва, зова и мольбы, что звучала в каждом вдохе песнопения, не могла не зажечь огонь сопереживания и соучастия в этом священнодействии. Церковь пела, пели все люди, стены, сам воздух был наполнен вибрациями песенной гармонии. Наш паломник, подхваченный всеобщим порывом, пел, не зная слов, пел сердцем, что восторженно трепетало лесной птахой, исполняющей гимн любви к Всевышнему. По церковным канонам некоторые из песнопений необходимо было исполнять преклонив голову.

Наш восторженный певец, склонив голову, вторил всеобщему хору, что звучал вокруг.

Вдруг что-то произошло, что-то пошло не так. Губы паломника двигались, исполняя древний гимн, но в восторженных глазах картина согбенный спин и склоненных голов стала меняться на другую. Голова человека самопро-

извольно, без всяческого волевого усилия ее хозяина стала приподыматься, изменяя и фокусируя взгляд человека в неизвестном пока направлении.

Все еще находясь в сладостном плену церковного таинства и продолжая в нем участвовать, человек смотрел в одну точку, расположенную на потолке церкви. Наступило время осознания свершившегося. Это была работа внутреннего наблюдателя. В чем опасность? Ее не наблюдалось, иначе бы тело человека было бы отобилизовано в попытке отражения угрозы. Что-то было не так, что-то выходило за рамки картины церковного праздника, что-то диссонировало. Что???

Место, в которое так пристально вглядывался наблюдатель, представляло из себя часть техногенного пейзажа, более присущую ангару или складу. Металлическая балка крепления конструкций крыши, на которой с наружной стороны лежали панели с утеплителем внутри. Больше ничего. Никто и ничто не выделялось на фоне хорошо освещенной конструкции, тем более что располагалась она недалеко от изучающих ее глаз — 4, 4,5 метров, не более. Внутренний наблюдатель и в этот раз пришел на помощь. Вся прелесть этого дружественного альянса «человек — внутренний наблюдатель» заключалась в том, что последний, если у него просили объяснение его действий, это делал, но, естественно, первоначально единовластно распорядившись его судьбой.

Было дано указание внимательно слушать.

Божественный гимн продолжал сотрясать и раскачивать своими неземными вибрациями все окружение. Голос регента доминировал над всеми, голоса других участников этого священнодействия сплетались с ним, образуя единую ткань песнопения. Но все это происходило в одной плоскости над уровнем пола на высоте человеческого роста и совсем немного выше его. О какой-либо акустике,

что имеет место быть в сводчато-арочных храмах, не могло быть и речи.

Сборно-щитовая конструкция потолка, наоборот, глушила все звуки в меру своего предназначения. И тут пришло осознание происходящего. В момент наивысшей слаженности и стройности пения чуткий слух внутреннего следящего уловил посторонний звук, чей источник находился выше всеобщей массы людей. Это было как раз то место, которое с удивлением рассматривал наш герой. Невидимый голос вторил вдохновенным песнопениям, внося свою лепту в светлый гимн Всевышнему.

Он очень хотел остаться незамеченным. В силу своей оптической невидимости хозяин голоса наполовину выполнил свою задачу, но остался сам голос, и чтобы максимально снизить эффект присутствия, была избрана очень правильная тактика. Голос начинал звучать только тогда, когда всеобщий хор набирал свою наивысшую мощь звучания, и присутствие и участие таинственного незнакомца невозможно было определить и вычлениить его голос из всеобщего монолита звуков. Как только накал исполнения спадал, голос замолкал, ожидая взлета новой волны ликующих звуков.

Пытливый исследователь необычного быстрым взглядом окинул пространство церкви, люди с одухотворенными лицами пели, все их внимание было поглощено следованию ритму гармонии, красоты и любви, что цветком неземного великолепия распускался в их сердцах. Только голова нашего наблюдателя, вперившего свой взгляд в неподобающем для данного момента направлении, резко контрастировала с общей благолепной картиной. Похоже была на то, что он был единственным человеком, который заметил что-то необычное. Ангел, Серафим, Херувим — очень много существ обитает в Горних Высях, чей бестелесный дух мог своими светоносными крылами объять, приободрить и укрепить в Вере в их общего Отца и Прародителя.

Безмерно благожелательный и благосклонный к людям, он не хотел смущать их робкие души видом своего великолепия и сияющей мощи. Только его слабый голос, как малый ручеек, исполненный любви и поддержки, влился в общую реку Веры. Всю оставшуюся часть богослужения человек провел неотрывно прислушиваясь к звукам божественных сфер, что нес в себе слабый голос Ангела. Кто это был на самом деле для человека осталось неизвестно до сих пор. Да это и не важно, для простоты восприятия наш искатель назвал его Ангелом.

Результаты наблюдений несколько позабавили их проводившего. Существует в человеческом лексиконе такое понятие, как «ангельское пение». Смысл, заложенный в этом словосочетании, обозначает красивое, безукоризненное сольное исполнение или в составе хора какого-то музыкального произведения. Чаще всего этим понятием характеризуют творчество хоров мальчиков, что не достигли еще возраста мутации голоса. Отобранные музыкальными специалистами из числа множества претендентов, гармонично одаренные, наделенные безукоризненным слухом и голосом маленькие хористы своим творчеством подтверждают заложенный в этой фразе смысл. Опытные хормейстеры используют музыкальный потенциал своих воспитанников в исполнении а капелла (без музыкального сопровождения) религиозных хоралов. В католическом мире это явление повсеместно распространено. До встречи с ангелом человек слушал музыкальные опусы этих юных талантов, отдавая должное их высокопрофессиональному владению голосом, эффектной подаче темы хорала, чистоте и правильности пропевания каждой из нот. Теперь ему предстояло сравнить эталон «ангельского пения» в человеческом понимании с его оригиналом. И он, ай-яй-яй, какая незадача, оказался не в пользу ангела. Голос ангела был голосом ребенком, вне всякого сомнения. Слабый, не способный брать высокие ноты, очень старательно следовавший

за ведущей партией регента, в тех нечастых моментах, когда выпеваемая хоральная фраза взметалась в экстазе верхней ноты, голос ангела проваливался, как, впрочем, и у многих поющих. Высокие ноты — удел профессионалов! Для мальчиков с ангельскими голосами форсирование голоса было обязательным условием подачи музыкального материала. Еще несколько музыкальных помарок, несущественных и присущих именно детям, были замечены дошным наблюдателем. Все это позабавило «знатока» музыки, которым он отнюдь не был, в желании уличить ангела в ненадлежащем исполнении песнопений.

Затухающим сполохом восторга полыхнул прощальный гимн, завершающий ночное бдение. Люди с просветленными лицами, почти не переговариваясь друг с другом, потянулись к выходу из церкви. В их телах, на какое-то короткое время ставших храмом, продолжали звучать божественные ритмы. В церкви под потолком царила тишина. Ни звука, ни шороха, ни шелеста крыл. Ни-че-го. Очевидность пережитого и услышанного не вызывала сомнений.

Очень хотелось поделиться совсем свежими впечатлениями со своим другом-священником, но усталый вид его остановил исполнение этого желания до следующего дня (который, правда, уже наступил), когда все отдохнут. Благоприятный момент для разговора представился очень скоро.

По удачному стечению обстоятельств участником этого разговора был третий человек — регент, верный друг, помощник и соратник иеромонаха. Подробно и пространно, с соблюдением всех мельчайших подробностей были пересказаны все те необычайные события, в которых принял участие наш очевидец. Святой отец и регент на удивление спокойно выслушали рассказ, ни единожды не прервав повествования.

По их понимающим глазам и взглядам, которыми они обменивались во время изложения истории, у рассказчика сложилось такое впечатление, что они знали о присутствии крылатого небесного гостя либо ожидали как данность его прибытия, поэтому все пересказанное выше ничуть не удивило их. Мудро, со спокойной ровностью, не затронутой экзальтацией по поводу необычного, из ряда вон выходящего события, они перевели разговор на другую тему. А у рассказчика достало такта не продолжать далее разговор в этом направлении.

Для человека осталось загадкой, присутствовали ли небесные хористы в других храмах во время этого ночного богослужения или это явление наблюдалось только в одной этой маленькой церкви. Наш искатель еще раз уверовался в убеждении, что восходить на вершину Истины можно по разным тропам, штурмуя эту твердыню с различных направлений, но все равно все эти пути сольются в одной точке в заоблачных высотах.

Часть 6

Моралист и реалист

Глава 1. ...Хохотал, реготал, ржал...

Два берега ручья соединяла упавшая могучая береза. Много лет она росла и зеленела на опушке леса, горделиво отстранившись от шумливого соседства своих сестер-березок. Извечная борьба за выживание закалила ее, неприкрытая зеленой стеной поддержки со стороны своих соплеменников от нередко обжигающих своей чрезмерной любовью солнца и ураганных приставаний бродяги ветра, она на загляденье всем вытянулась, окрепла и похорошела, радуя всех своим очарованием молодости и красоты. Но ручей, что протекал в непосредственной близости от нашей лесной красавицы, в порыве весенние пылкой страсти, исполненный kloкотанием чувств и круговоротом страстей, приблизился на опасное расстояние к березе и тем самым погубил ее.

Корни, оголенные страстным любовником, уже не смогли удержать ее от падения, и она с прощальным стоном рухнула своим прекрасным телом на землю, в последний момент соединив два берега ручья, погубившего ее.

Путешественник вышел на берег ручья. Низкое серое небо сыпало мелким дождем вперемежку с крупными хлопьями мокрого снега. Промокший и замерзший путник стремился поскорее найти какое-нибудь укрытие, чтобы теплом от разложенного костра изгнать противную дрожь, что мелкой дробью колотила его тело. Продрогшему воображению грезилась плотные и упругие нижние

хвойные лапы кедра, что своей непроницаемой крышей хоть как-то прикроют его от непогоды. И он под их сенью растопит небольшой костерок, которого будет вполне достаточно, чтобы согреть усталое тело. Желанная воображаемая картина отдыха и тепла резко контрастировали с увиденным. Открытое пространство поймы ручья с раскисшими от недавних дождей берегами, поросшими мелким кустарником и кочкарником. Береза, что лежала поперек ручья, судя по всему, закончила свой жизненный цикл в прошлом году и вся была пропитана водой, что так обильно низвергалась с небес. Кора дерева все еще покрывала ствол по всей длине, но при попытке наступить на нее предательски шевелилась, выдавая желание оторваться от основы ствола и указывая на то, что между скелетом-стволом и кожей-корой уже отсутствует надежное скрепление. Путь, что преодолел наш продрогший путешественник, до того момента, как он вышел на берег ручья, не изобиловал какими-нибудь достойными местами, где бы можно было сделать привал, обогреться и отдохнуть. Сплошной кустарник и мелкие купы деревьев. За пеленой непогоды на противоположном берегу вдалеке темной массой хвойников манил под свои своды лес, суля отдых и тепло. Был единственный путь — только вперед, на противоположный берег — по березе.

Бурлящие потоки, что мощью своего гидравлического пресса весенних вод пытались разорвать узилище берегов, не сулили ничего хорошего смельчаку, оказавшемуся в их объятиях. В тщетности попыток разорвать оковы пределов и вольно разлиться окрест, поток яростно вспучился горбом, в неистовой злобе скручивая свои струи в жгуты и водовороты. Глубину его невозможно было определить на глаз или с помощью палки, просто не хотелось этого делать. Да и зачем, если даже поток и не скроет переправщика с головой, он его собьет с ног и понесет, как лесной мусор, и рюкзак еще более усугубит ситуацию, якорем утя-

нув смельчака на дно. И все это произойдет очень быстро, так как ледяная вода парализует волю к сопротивлению. Все эти нерадостные перспективы все равно не отвратили человека от попытки в очередной раз испытать судьбу и переправиться на противоположный берег. Рассчитывать приходилось только на свои силы. Но кто сказал, что у него не было помощника и защитника? Его учителя, из книг которых он черпал знания истины, открыли для искателя еще один путь, вернее всего, главное направление, которому он должен следовать всю свою жизнь. Необходимо было найти в себе истинное Я — свою душу, что находится в Тонких планах, в глубине своего сердца. Искра Божия, как ее называли в библейских писаниях. Когда ты в контакте с ней, все опасности отступают, тело автоматически, уверенно и безошибочно исполняет свою функцию инструмента в руках Всевышнего, без страха и сомнений преодолевая любые смертельно опасные ситуации. Наступил именно тот момент — призвать эту божественную помощь в решении проблем, что возникли при переправе.

Какое-то недолгое время ушло на очищение ума и превращение его в прозрачный экран. Затем призыв о помощи с мольбой о вспоможении был обращен к светлomu источнику Веры. И из глубин сердца пришел ответ. Слабое тепло и равновесное спокойствие разлилось по телу. Уверенно, не затронутый ни единой мыслью, наш путешественник приступил к переправе.

Соблюдая меры предосторожности, расстегнул на рюкзаке грудные и поясные крепежи, оставив лишь только плечевые лямки, чтобы, если вдруг случится непоправимое и человек упадет в воду, быстро освободиться от смертельного груза и налегке выбираться на берег. На удачу переправщика, крона дерева целиком лежала на берегу, с которого начиналась переправа. Сам мост представлял из себя ствол без единой ветки, что было удобно для переправляющегося, но в то же время не да-

вало ни единой точки опоры для рук, кроме ненадежного покрова коры.

Ну, с Богом! Обхватив ногами ствол дерева и упершись руками в его кору, человек начал по сантиметрам отвоевывать у дерева расстояние до противоположного берега. Оно было невелико — 4, 4,5метра, но каких метров! Кора дерева под напором плотно прижатых к ней колен расползлась и готова была в любой момент рухнуть вниз всем пластом, увлекая за собой неудачливого седока. Поверхность бревна, обильно смоченного водой, еще более усугубляла сложность и опасность ситуации. Руки при надавливании на кору исторгали из ее монолита водяные фонтанчики, сама кора издавала скрипящие звуки, как кавалерийское седло под седоком.

Медленно и осторожно напряженно согнутое тело рационально выверенными, и поэтому очень неспешными движениями приближалось к середине бревна. Рев потока, сдавленное и тоже какое-то напряженно настороженное дыхание, скрип коры дерева, шуршание ткани брюк по березе и полная тишина и прозрачность в голове и ровная теплота и спокойствие в сердце, которое все равно ударило набатом в грудную клетку.

Именно в тот момент, когда уже половина поставленной задачи была выполнена, случилось НЕЧТО. Внутренний слух человека уловил голос. Источник невербального сообщения проистекал из зоны тонкого мира, которая была локализована на уровне груди человека. В его интонации сквозило желание побольше уязвить и уколоть того, а чей адрес он обращался. Для придания большего эффекта гнусности своего послания фразы растягивались в своем произношении и модуляции голоса то повышались, то понижались: «...А-а-а, что-о же ты-ы-ы, когда-а-а у тебя все хорошо-о, не обраща-а-а-ешься к Богу, а сейчас, когда-а тебя припекло-о-о, сра-а-зу вспомнил его?!». И тут уже,

когда еще звучал угасающий звук последних слов этой фразы, его перекрыл другой голос, который принадлежал уже другому персонажу. Интонация, тембр, модуляций — все было другим и отличным от первого. Фраза прозвучала как выстрел, быстро, неожиданно: «Молчи, купаться же вместе будем!..».

...«Ха-а-а, ха-ха-ха!!!» Приступ неудержимого смеха уронил полусогнутое тело путешественника на бревно. Судороги смеха, подобное эпилептическому припадку, не давали человеку ни подняться, ни оторвать свое сотрясаемое от смеха тело от бревна, чтобы продолжить переправу. В любой момент человек мог рухнуть вниз. Внутренний следящей наотмашь хлестал адреналиновых кнутом по парализованным смехом мышцам. Через какое-то время это возымело свое действие.

Хотя смех не отпускал его из своих цепких объятий и периодически обездвигивал очередным припадком веселья. Последнюю половину пути наш не в меру развеселившийся переправщик преодолел, презрев все меры предосторожности, на грани падения, но в чрезвычайном поднятии духа. Когда ствол дерева наконец-то закончился и он оказался на противоположном берегу, он наконец дал полную волю своим эмоциям. Не в силах скинуть рюкзак, он катался по мокрой земле и хохотал, смеялся, реготал, ржал — вся гамма чувств не могла уместиться в слабых терминах, что могли бы более точно описать это состояние. Власть выплеснув наружу так долго сдерживаемые эмоции, человек, поплотнее закрепив рюкзак на своих плечах, двинулся по направлению к лесу, но видно было, что время от времени его плечи вздрагивали, и это отнюдь был не озноб.

Мини-монолог в исполнении двух доселе неведомых артистов, которых свидетель этого представления обозначил для себя как МОРАЛИСТ и РЕАЛИСТ, чрезвычайно развеселил благодарного слушателя. В течение всей последней половины этого знаменательного дня их голоса

рефреном звучали в голове путешественника, исполняя на «бис» так понравившуюся ему репризу. Трудности и опасности переправы остались позади и были заретушированы теми замечательными эмоциями веселья, чьим присутствием было наполнено все тело человека, в момент забывшего, что оно устало, продрогло и требует отдыха. К тому же оно было возблагодарено за свое стойкое терпение. Как это часто бывает весной, непогода внезапно закончилась, как будто кто-то там на небесах выключил рубильник. Налетевший ветер ураганными порывами раздергал серую дождевую пелену, в просветах туч заблестела умытая голубизна небес — и о чудо! Солнце океаном любви затопило так истосковавшийся по его теплу лес.

Ноги вынесли усталого путника на поразительной красоты поляну с полным набором услуг для проживания: разнокалиберная пища для костра — от хвороста до толстых сухих бревен, небольшой и совсем не бурный (хватит ярости стихий на сегодня) ручеек с напором легкой водопроводной струи деловито огибал по периметру квадраты лесной жилплощади, которые решил использовать для своего временного проживания истосковался по отдыху человек.

Сравнение лесной поляны с жилплощадью как-то само по себе спонтанно всплыло из подсознания, выдавая желание путешественника хоть на какой-то короткий промежуток времени ощутить себя под защитой крепких и основательных стен жилища, под чьим укровом он согреется и даст отдых уставшему телу. Но вид крепкого и надежного частокола, чью функцию выполняли росшие плотной стеной лесные богатыри, стер из памяти даже само напоминание об этой минуте слабости. А крыша?.. Наша крыша — небо голубое!.. Наше счастье — жить такой судьбою! Настроение было распрекрасным. Хотелось шутить и ерничать.

Глава 2. Нечто

Солнце еще была высоко, но на сегодня выпавших испытаний и перенесенных нагрузок было достаточно для того, чтобы начинать выстраивать место для ночлега раньше обычного. Да тем более что поляна так и манила расположиться в своих пределах. Еще до того момента, как в лес пришла ночь, вид поляны разительно изменился. Посредине ее палатка гордила свои бока, скрывая внутри замкнутого пространства взлохмаченный кокон спального мешка, готового принять усталого путника в свои мягкие объятия. Синий дым, стелящийся над землей легкой завесой, запах сгоревшей древесины и треск сучьев в огне — все это выдавало присутствие неподалеку костра, но его самого не было видно. Поляна, так благожелательно встретившая неожиданного гостя, приготовила для него еще один приятный сюрприз. На краю, очень близко к ручью росло одиноко стоящее дерево. Ручей, выглядевший так безобидно и миролюбиво, в период сильных дождей превращался в маленький, но бурный поток, выходил из берегов и подтапливал свою пойму. Размельченная лесная земля, обильно насыщенная влагой, лишала опоры корни деревьев, растущих поблизости от ручья и зависящих от капризов неуравновешенного водяного соседа. Налетавший ветер валил навзничь обреченные деревья, чьи иссушенные временем и солнцем тела образовали завал, который, кстати, сейчас так удачно снабжает своей древесиной прожорливый огонь. Но одно из деревьев устояло. Его хвойные собратья полегли в неравной борьбе со стихией. Может быть, из-за того, что их более удачливый собрат не имел такой колючий неуступчивый характер и не оцетинился на весь свет россыпью иголок, а компромиссно и уступчиво склонил под напором карающей десницы ветра свою зеленолиственную шевелюру. Пришлось поклониться и смириться с волей более сильного против-

ника, признав его волю и власть над своей судьбой. В этом чинопоклонстве зеленое дерево застыло на многие годы и этим сохранило себе жизнь. Наклоненное дерево сохранило связь с материнской Землей, в один момент ставшей такой ненадежный. Его корни, как корабельные швартовые канаты, удержали от падения дерево, но в отчаянной схватке за выживание вырвались на свет, беззащитно обнажив свои змееподобные напряженно изогнутые тела. Годы, проведенные в столь необычном для них состоянии, укрепили их дух и тело и позволили надежно внедриться в земную твердь. Множество корешков паутиной сетью опутали окрест подземный мир, питая крону и ствол дерева. Наружная часть корней по невидимому капризу лесного архитектора приняла вид двух стен, что с двух сторон под прямым углом охватывали и поддерживали ствол. Корни почти непроницаемой стеной огораживали небольшое пространство, почти помещение, где третьей стеной выступал сам ствол дерева. Места вполне хватало, чтобы достаточно комфортно расположиться внутри этого импровизированного каминного зала. То, что этой «комнате» уготована именно эта участь, не вызывало никакого сомнения.

Единственно, места в «каминной» доставало только для одного человека, но наш путник не хотел делить свое одиночество ни с кем, поэтому такое положение вещей его вполне устраивало.

Обрубок ствола сухого дерева великолепно подходил для создания импровизированной скамейки, где упокоится на какое-то время то место, что постоянно ищет себе приключения. Стены корней неполностью перекрывали обзор, создавая на уровне земли подобие арок, чем и воспользовался нечаянный домовладелец, наполнив запасом аккуратно рубленых по размеру каминного зала сухих дров. Волнообразные изгибы корней представляли взору множество полочек и ниш, которые были использованы

в качестве кухонного гарнитура, и тотчас же украсились присутствием изысканных столовых сервизов и столового серебра, чем на самом деле и были для путника его котелок, кружка, ложка и другие такие необходимые в его таежной жизни вещи. Живые стены по высоте были даже немного выше головы сидящего человека, поэтому надежно укрывали его от атак боковых порывов ветра. Сам костерок был расположен на входе, между двух приветливо распахнутых корневых стен. Расстояние, на котором он находился от них, было достаточным для того, чтобы не повредить и не причинить урон дереву. Весенний ветер непредсказуемо менял направление в течение всего дня, но к вечеру, опять же на удачу, что сегодня благоволила нашему путнику, задул стабильно и ровно в одном направлении. Ну что ж, повезло так повезло — именно в том, что и было нужно. Обтекая дерево, он уносил дым от костра в противоположную сторону от человека, сидящего у костра.

Путник с улыбкой вспомнил ту мимолетную эмоцию, что он ощутил, тоскуя своим измученным телом по крепости стен и надежности укрытия. Оказывается, это были не грезы, а предчувствие, скорее даже — интуитивный посыл, что в скором времени это сбудется. Естественно, обустроенный очаг никоим образом не вытягивал на роль неприступной крепости и комфортно обустроенного жилища, но ощущение надежного укрытия переполняло его, и не было более счастливого человека в этот момент, когда его тело опять ликовало в восторге бытия, согретое теплом костра и горячей пищей.

Река времени плавно уносила на своих волнах минуты и часы, отправляя их в небытие. Солнце своими последними лучами пыталось отчаянно цепляться за вершины деревьев, чтобы продлить свое присутствие в этой игре жизни, но его силы иссякли в этой борьбе, и оно рухнуло на свое ложе успокоения и ночных грез, полное светлых надежд на лучезарный рассвет. Все заботы по благоустрой-

ству лагеря остались позади. Плотный ужин напитал тело путника теплом и силой.

Запас дров практически неисчерпаем, в котелке настаивается ароматный чай. Наступило то благословенное время, когда можно расслабиться, предаться философским размышлениям, анализу событий прошедшего дня, выстраиванию планов на день грядущий. Чаепитие в данной ситуации носит скорее характер ритуальный, так как баланс жидкости в организме восстановлен, а кружка с чаем в руке является лишь обязательным атрибутом при проведении всех вышеперечисленных мероприятия. Тепло костра, отраженное от двух стен и ствола дерева, обернуло мягким заботливым коконом тело человека. Даже огонь костра в данный момент напоминал домашнее животное с рыжей пушистой шерстью, что, уютно расположившись у ног хозяина дома, с аппетитным хрустом дробит своими крепкими зубами сахарные косточки, предложенные ему щедрой рукой. Давать огню больше пищи не было необходимости. Даже небольшое количество хвороста, сгорая в воображаемом камине, с лихвой нагревало замкнутое пространство.

Эффект жилища был полным. И даже то, что для полноты картины не хватало потолка, его замена на более привлекательную часть антуража только украсила архитектурный облик. Небо, глубокое, бездонное, аспидно-черное, с мерцающими мягким светом звездами. Луны еще не было видно, ночь только вступала в свои права. Россыпь небесных огоньков вычурными цепочками выстраивала на бархатно-черной небесной сфере созвездия, чье гипнотическое воздействие блеска неземных сфер притягивало к себе неотрывные взгляды людей всех времен и эпох. Очарованный наблюдатель воображаемой рукой потрепал вздыбленный хвост Большой Медведицы. Он мог себе позволить такое панибратство, так как с этим небесным зверем они были давнишние приятели.

Взор человека с небесных высот переместился на земную плоскость, он поднес кружку с чаем ко рту, чтобы отхлебнуть ритуальный глоток. На секунду содержимое кружки попало в перекрестье его взора. Ночное небо с искринкой далекой звезды колыхалось в окружье сосуда. И уже в который раз за этот день волна эмоций пережитого так недавно опять накрыла путешественника с головой. Присущие ему здоровый юмор и самоирония всегда выручали нашего героя в жизни. С улыбкой, не сходящей с его губ, он начал детальный анализ того НЕЧТО, что с ним произошло сегодня во время переправы. Человек часто применял это термин — нечто, который всего-то лишь был синонимом местоимения «что-то», чтобы выразить свое внутреннее состояние в тот момент, когда он наблюдал какое-то необычное явление, которому в будущем необходимо будет найти объяснение. И он был премного удивлен, когда прочитал толкование этого слова в философском словаре... «То, что уже существует в себе и для себя, но еще не получило дальнейших определений...» Иногда было сложно найти объяснение необъяснимому, в некоторых случаях — просто невозможно, но это был не тот случай.

Искатель опять же теоретически знал внутреннюю географию тонких миров, где любой человек пребывал погруженный и живущий в этих мирах на 90%, и лишь 10% человек представлял из себя то, что казалось многим таким незыблемым и непререкаемым — свое пребывание в твердом, физическом теле. Каждый из тонких миров имел своих обитателей — разнообразных существ, со своими собственными характерами и мировоззрениями. Существа некоторых миров были настроены недружелюбно по отношению к физическому миру людей. В других мирах, например, чья зона обитания простиралась в плоскости грудной клетки, существа тонкого мира относились достаточно благосклонно к проявлениям человеческой активности в мире физическом.

Нравоучительные наставления, что звучат в голове человека и которые люди воспринимают как собственные мысли, по сути своей есть способ обитателей иных миров сподвигнуть к исполнению своей воли обитателей мира плотного и осязаемого. Желание подчинить своей воле, сделать физическое тело послушным и беспрекословным механизмом. Человечество во все времена страдало от тирании страстей и желаний, люди святости устремлений пытались усмирить свой дух молитвой, постом, аскезой, это на какое-то короткое время снимало проблемы, но только на какую-то долю стоило снизить накал устремлений, как заунывные увещевания возвращались с прежней силой.

Сила, мощь, Божественный Огонь — все это возгоралось из Божественной Искры — Души, что раскрывала свои тайные двери, подчиняясь зову мольбы о помощи и спасении. Свет истины, что исходил из глубин сердца, изгонял и растворял темные тучи назойливых увещеваний, но лишь очень немногие могли удержать это состояние на долгое время, и совсем малая толика из общей массы этих просветленных людей могла находиться в этом состоянии святости каждый момент своего существования. Эти люди оставили такой неизгладимый след в истории человечества, потому что свет их душ был столь силен и всемогущ, что наполнял своим присутствием каждую частичку их тел, и этот свет можно было наблюдать даже невооруженным взглядом. На иконах, стилизованных по церковным канонам портретах святых, этот светлый ореол был прорисован золотистым светом в районе головы, хотя свечение исходило от всего тела. Светлые дела и духовные подвиги — то, чем эти люди прославили имя свое, дополняли лучезарный облик этих незаурядных личностей.

Ну что ж, слова «моралиста», что немало позабавили сегодня искателя, при всей своей манере негативной подачи были близки к истине. То, что контакт с сердечным

центром, местом средоточия Искры Божьей, был очень периодическим — это была истинная правда. Но это происходило не обязательно из-за того, что он забывал это делать.

Стремление воссоединиться со своим истинным Я — ДУШОЙ, существовало в искателе как вечно неутолимая жажда. Самого посыла, с которым он обращался к сердечному центру в обычной обстановке, его мощи и устремленности порой бывало недостаточно для того, чтобы получить ответную реакцию восхождения божественного огня. Сегодняшняя экстремальная ситуация придала дополнительный импульс обращению к Всевышнему за помощью и поддержкой. И ответ пришел незамедлительно, поддерживая и защитив человека в трудную для него минуту. Тонкие планы, где обитали «моралист» и «реалист» не представляли реальной опасности для человека, да, там обитали не самые просветленные существа, но, кроме брюзжания и недовольства по любому поводу, вреда от них не замечалось. Реакция смеха на их выпады произошла спонтанно и очень естественно, положительные эмоции и бодрое расположение духа в ответ на любые попытки навязать свою волю — универсальная защита от всех посягательств существ тонкого мира.

Недоброежелательные сущности, те, кто явно настроены враждебно и стремятся причинить вред своей атакой, генерируют вибрацию, которая своим воздействием вызывает у людей чувство опасности, тревоги, депрессии и многих других отрицательных эмоций. Страх открывает двери перед вероломными захватчиками, в чем отчасти и кроется первопричина в появлении нервных и психических расстройств.

Искатель владел знанием, и поэтому был защищен. Два важных принципа, которым он следовал, оберегали его от посягательств бестелесных соседей из тонких миров. Беспристрастное спокойствие, бодрое и веселое рас-

положение духа — это был второй принцип. Ну а первый, самый важный принцип — это очищение и успокоение мыслительной активности головы, был уже не единожды опробован на практике. Замечательные результаты, достигнутые при его применении, требовали долгой и кропотливой работы по подготовке головы как инструмента труда. Если в процессе воздействия враждебной атаки возникал какой-то сбой, как, например, и произошло на переправе, то реакция смеха на это была отличным отпором на любое внутреннее посягательство. Но воистину гомерический смех, которым разразился в тот момент наш переправщик, думается, надолго обезоружил и обескуражил этих двух персонажей тонкого мира. «Моралист», вероятнее всего, ожидал какого-то другой реакции на его сентенцию. Обида, ущемленная гордыня должны были сподвигнуть человека к полемическому спору и вследствие чего разрушению тонкого защитного баланса спокойствия.

Все объяснения произошедших событий были угодливо предоставлены умом. Тем самым, чью деятельность, функциональность и само существование в той степени развития, в которой он сейчас пребывал, отрицал человек. Стройная картина, основанная на фактах, подкрепленная аргументами и выстроенная в логическую цепочку. Было ли объяснение всего верным? К сожалению, на данный момент сердечный центр молчал, хотя человек стучался в закрытую дверь. Только душа могла дать ответ на этот вопрос, но ответа не было...

Уставшее тело было благодетельствовано заслуженным отдыхом, согрето теплом костра и сытным ужином. Но существовала какая-то внутренняя напряженность в самых маленьких частичках — клетках, которые от физического перенапряжения стали жесткой конструкцией, закрытой в своем маленьком мирке и не способной воспринимать то отеческое тепло души, что стремится согреть каждую малую частицу нашего тела.

...Легко ли быть святым на вершине горы? Конечно, легко. Но если тело постоянно находится в напряжении и борется за свое выживание, сложно удерживать в нем состояние гармонии и равновесия, так необходимое для душевного контакта со Всевышним. Необходимо найти такое уединенное место, куда можно было приходить на длительный срок, за время которого тело могло бы отдохнуть и расслабиться, для того чтобы опять смогло ощутить внутреннее тепло душевного центра и снова обрести покой, равновесие и Мир. До появления в судьбе человека долгожданной Обители оставалось еще два года.

Часть 7

Серпентарики

Глава 1. Скарапея

Старая каменная осыпь треугольным барханом обтекала основание Змеиной скалы. Рептилии, что своими упругими телами пытались сгладить острые углы каменного монолита, конечно, не были единственными и единственными представителями животного мира, которые проживали на этой горной твердыне, они имели право на эту территорию наравне со всеми другими обитателями леса и ни у кого его не оспаривали. Змеиной назвал ее пришелец, избравший это место для своего временного проживания. На топографической карте эта точка не имела названия — безлика, безымянная часть горного хребта. Мелкие камни, что составляли тело осыпи, в очень давние времена начали свой головокружительный бег с вершины горы, но столкнувшись с упрямым противодействием своих менее удачливых собратьев, что избрали местом своего финиша подошву скалы, замедлили свой бег. Гибкие и всепроникающие корни кустарника, как когти хищной птицы, давящим гнетом подмяли их под себя. Бурно разросшийся чапыжник в защиту своих нежных побегов наградил их множеством колючих иголок, чтобы остудить гастрономический пыл жвачных парнокопытных — больших ценителей такого рода пищи. Как челнок ткацкого станка, лианы своими гибкими нитями пронзили плотную основу колючего полотна кустарника. И почти непроницаемая, по крайней мере для крупных обитателей леса, защитная стена была возведена. Для защиты кого или чего? Прежде всего для созда-

ния своей личной безопасности и всех маленьких существ, для которых этот колючий бастион был укрытием и домом. Сейчас под его надежной защитой также находился полуночный мыслитель, чей удел сегодня был предопределен и обречен на бессонное ночное бдение. Сон бежал от него, отогнанный чередой мыслей, что вернулись в старое и привычное русло ментальной деятельности. Мыслителю очень бы хотелось, чтобы это русло пересохло навсегда и на почве, удобренной донными отложениями, зазеленел прекрасный сад, выросший из семян Истины, брошенных в благодатную почву рукой Вселенского Садовника и согретых животворящим светом любви и заботы Творца. Потрясение, пережитое сегодня, казалось, что отбросило искателя на прежние позиции человека мыслящего, на тот рубеж, с которого он начинал свой путь преобразования себя, который, как ему казалось, уже был преодолен. Неужели все необходимо начинать заново? Эти тревожные мысли опять завели свой бесконечный хоровод, пытаясь параллельно наущать подневольного слушателя тщетностью его попыток что-то изменить в заведенном порядке вещей.

Удивительно, но помощь в оппонировании этим безрадостным мыслям пришла с неожиданной стороны. Лес своим присутствием дружески обнял за поникшие плечи, прошептал слова одобрения и поддержки и подбодрил приунывшего человека. Удивительное, сказочное волшебство, что ЛЕС явил перед восторженным искателем сегодня днем и в котором он разрешил принять участие некоторое время, было прервано его властью, тем самым указав истинное место дерзкому смельчаку, ринувшемуся путешествовать по неизведанной в достаточной мере территории. Милосердие, что было проявлено Лесом по отношению к человеку, выразалось в том, что он сохранил ему жизнь, хотя мог бы легко прервать его земной путь. В то же самое время человеку казалось, что он

ничем не заслужил смертного приговора от Зеленого Властелина, не будь его тело столь тренировано, сильно и выносливо, то реакция на внезапно обрушившуюся на него смерть могла бы стать роковой. Лес не затворил перед человеком двери, он звал и манил. Но Страж леса предупреждал смельчака: «Ты еще не готов, твой путь поиска ключа еще не завершен, ты можешь погибнуть, если опять захочешь вторгнуться в мои пределы»... Опыт, который искатель получил от осмысления всего с ним произошедшего, давал надежду на то, что встреча с Лесом еще впереди. Но это уже будет другая встреча. И это уже будет другой человек. Все произошедшее не было падением назад, в несознание. Удар, что мог бы обрушить наземь или даже уничтожить того, кому он предназначался, был нанесен милосердной рукой. В тот момент, когда одна рука его была, вторая подставляла сзади свою ладонь, чтобы неразумное дитя, вообразившее себя знатоком истин Вселенной, не упало и не ушиблось. Нужно было опять начинать свое восхождение на вершину Истины, но это уже не был путь по первозданной целине. Множество путей, направлений открывалось взору упряма. Все они исчезали в заоблачных высях, и выбор, по какой дороге продолжить свой путь, остался за путником. Углядев на одной из троп следы, что он сам оставил при предыдущем восхождении, он, упрямо наклонив голову, двинулся проторенной дорогой, стараясь ступать в четко видимые следы, что давало возможность ускорить свой подъем. Да, подъем предстоял быть тяжелым и затяжным, несмотря на проторенный путь. За любым поворотом тропы его будет поджидать опасность, и сорвавшаяся лавина или шквальный ветер может отбросит упряма вниз, но он все равно поднимется и опять начнет свое восхождение, с каждым шагом все быстрее и быстрее набирая утерянную высоту, так как все предыдущие попытки не были тщетными и сейчас они обеспечивают поддержку восходящему.

Ковш Большой Медведицы, с того момента как он появился на ночном небосводе, проделал изрядный путь, перемещаясь в заоблачных высях. Схваченный за ручку космического созвездия и влекомый неведомой властной рукой Могущественного Распорядителя Небес, он в своем полете расплескал искристую звездную пыль, что колючей многоцветной переливчатой туманностью клубилась в недрах гигантского ковша. Проколов своими острыми лучами черный бархат небосвода, драгоценными россыпями бриллиантов засияли небесные странницы. Ночь уже перевалила через свой экватор. Хитросплетения созвездий, гонимые космическим ветром, сменили свое местоположение, все ближе и ближе прокладывая путь к причалу рассвета.

Сподохи света, отбрасываемые костром, рваными мазками импрессиониста ложились на колючее полотно кустарника, что широко раскинул свои пределы на подрамнике старой осыпи. По непреступной стене временами пробегала дрожь вторжения, это вероломный ветер пытался проверить на прочность зеленый бастион. Цветовые мазки и собственная дрожь упругой стенки создавали какой-то фантазмагорический эффект вертикально текущего потока, что берет начало в аспидно-черной темноте ночи и уносит свои воды к неведомому истоку, что скрыт от людского взора за пеленой будущего... «Материализованная река времени, хотя, нет, на реку не вытягивает, больше похожа на ручей...» — улыбнулся своим мыслям полуночный философ. Было хорошо и покойно. Смертоносный ураган чувств и цунами эмоций, что совсем недавно обрушивались своей устрашающей мощью на человека, стихли, ушли в небытие, и спокойно расслабленное состояние сменило буйство стихий на гладь морского штиля, лишь иногда потревоживаемое легкой рябью от дуновения предутреннего бриза. Чай, огонь, лес со своей равновесной гармонией как камертоном настраивали струны души,

так небрежно сорванные с колков яростным интерпретатором смертельных ритмов. Внутренний следящий так же расслабленно возлежал на светлых облаках блаженства, что убаюкивали своим состоянием неги бдительного стража. Но он не уснул, он никогда не спит. Плавный поворот головы в направлении каменной осыпи был тому подтверждением. Его взгляд был прикован к чему-то, что перемещалось в кустистой глубине кустарника. Светлая полоса скользила по осыпи, то скрываясь в гуще растений, то на какое-то короткое время вспышкой белого отраженного света показывала наблюдателю свой путь вне укрытия. Рефракция освещения, неустойчивая и неравномерная, не давала возможности точно определить размеры ночного лазутчика. В тот момент, когда маршрут незнакомца пролегал максимально близко от человека, он узнал светлого пришельца... «А-а-а! Скарапея! Привет, подруга, рад тебя видеть живой, удачной тебе охоты!» Это был щитомордник-альбинос, встреча с которым состоялась в этом году на склоне горы, которая в честь и этой рептилии тоже называлась змеиной.

Это было время ранней весны. Она в этом году выдалась теплая и спорая. Яркое солнце топило снег, и под посеревшими и просевшими от его жара сугробами серебристыми колокольчиками вызванивали свою весеннюю мелодию ручьи. Южный склон хребта самый первый очистился от снега, земля подсохла и зазеленела умытой травой. По ковру зелени щедрой рукой Творца были разбросаны яркие узоры из первоцветов. Ожившими порхающими яркими цветами бабочки соперничали с их земными прообразами. Змеиная скала, полной мерой обласканная теплом и вниманием светила, жила полной жизнью, отряхнувшись от морока долгой зимней спячки.

Веселое щебетание птиц с самого раннего утра бодрой побудкой призывало всех обитателей горы воспрять ото

сна и вступить в новый день жизни. Без сожаления покидая свои промерзшие за долгую зимнюю пору квартиры, мышинные поселенцы, все еще находясь в полудремотном ступоре, подсушивали свои подмоченные талой водой шубки. Солнце ласково согревало их изголодавшиеся по материнскому теплу маленький тельца, весенний ветерок шаловливый рукой теребил ворс их всепогодной одежды, ускоряя процесс восстановления сил после столь долгой зимовки. Проведя в порядок свои драгоценные меха, изрядно искупавшись в солнечных ваннах, серое племя с деловитой поспешностью удалилось по своим неотложным каждодневным делам.

Рептилии не могли похвастаться столь быстрой прытью, с которой их соседи и предмет их гастрономического интереса встраивались в общий ритм жизни леса. Тяжело раскручивая замороженные пружины своих тел, змеи очень медленно и затруднено возносили себя на плоскости камней, близлежащих к их зимним опочивальням. С царственной вальяжностью возлегая на прогретой поверхности камня, каждым ромбиком своей специфической окраски впитывая солнечный свет и тепло, преобразовывая энергию жизни в убийственный ураган, аккумулируя эту яростную неистовую мощь каждой клеткой их смертоносных тел, наливаясь этой устрашающей силой, как заряд жидкой взрывчатки, готовый в любой момент взорваться от инициации раздвоенного языка — детонатора. Ядовитая мощь их смертоносных клыков в момент пробуждения от долгого зимнего сна могла сразить насмерть лесного обитателя средних размеров.

Обтекая острые углы камней, это взведенное на боевой взвод оружие смерти растворилось в расщелинах скал в поисках жертвы их сегодняшней охоты. Неся на своей коже покровительственный цвет, соответствующий окружающей среде, то есть землисто-серых и коричневых тонов, ядовитые обитатели Змеиной горы были почти незаметны на фоне голых скал, и лишь наметан-

ный глаз опытного наблюдателя мог выделить из общей статичной картины природного ландшафта присутствие каких-либо живых существ, играющих в этой игре лесной жизни в свои смертельные догонялки.

Человек в очередной счастливый момент своей жизни оказался свидетелем, невольным соучастником и, конечно, зрителем всех тех событий и действий, которыми жил пробуждающийся от зимней спячки лес. Грея жаром своего костра простуженное от зимней непогоды небо, он попутно невольно помогал процессу возрождение природы. Ночи были еще холодные, и обитатели горы в очередной раз погружались в дремотно-анабиозное состояние, и каждый рассвет солнца и благодатное тепло пробуждало их к жизни, неся надежду на то, что скоро этот период ежедневного перехода от состояния небытия к жизни закончится. Любопытный наблюдатель ежедневно по утрам любовался картиной возрождение жизни, стараясь своим присутствием никак не потревожить устоявшийся уклад жизни лесных обитателей.

И в один из этих чудесных весенних дней произошло это удивительное событие, встреча с одним из необычных обитателей Змеиной горы. Нагретая теплом солнца гора завела механизм жизни своих обитателей, и серо-коричневые тени, мелькающие на откосах горы, выглядели как нерасшифрованные послания неведомого телеграфиста (точки мышей и тире рептилий, что преследовали их), отправленные неведомому корреспонденту посредством азбуки Морзе. Но одно из тире как-то резко контрастировало с общим темным фоном скалы, еще не покрытой зеленым плюшем свежей травы. Светлая линия зигзагами текла по отвесному склону, перемещаясь с одной скальной полки на другую. Не заметить ее было нельзя, и наш наблюдатель неотрывно отслеживал перемещение этого странного существа. Солнце своими луча-

ми нагрело утес, и каменные полочки, что прилепились к материнскому боку скалы, идеально исполняли функцию солнечных ванн, в которых любили искупаться и набраться новой энергии щитомордники. То, что этот незнакомец тоже принадлежал к этому классу пресмыкающихся, было уже видно невооруженным взглядом, но цвет?! Почему он светлой окраски? Наконец-то разборчивый почитатель ультрафиолета выбрал полагающееся по его статусу необычности место для возлежания. Уже не свернувшись в пружину как утром, а растянувшись в длину, он застыл на одной из полок, метров в 7 над головой наблюдающего за ним человека. Каменная стенка была неприступной для лис и енотов, которые с удовольствием бы познакомилась с обитателями горы, имея к ним потребительский интерес, но для человека подняться по отвесу не составляло проблемы. Каменные полочки и выступы представляли надежную опору для рук и ног скалолаза.

Обуреваемый любопытством, человек начал восхождение. Выбирая опору для рук, он первоначально внимательно осматривал то место, за которое необходимо было закрепиться при подъеме. Точка опоры, например каменная полка, могла быть занята любительницами солнечных ванн, и им могло бы не понравиться неожиданное вторжение, нарушившее их безмятежность. Подъем по скальной стенке не занял много времени. Поднявшись чуть выше полки, где отдыхала рептилия, и немного сбоку, чтобы обезопасить себя от предполагаемой атаки со стороны змеи, любопытствующий скалолаз наконец разглядел то, ради чего и было предпринято это восхождение. Змея-альбинос, очень красивая в своей необычности и неординарности. Совсем небольшая, наверное, сантиметров 60 в длину. Вероятнее всего, она увидела свет в прошлом году, поэтому не смогла набрать вес и вырасти до размеров взрослой особи, которые мо-

гут в два раза превышать по всем параметрам нашу малышку.

Цвета царственного наряда поражали вариациями бежевых тонов. От светло-бежевого на животе, почти белого, сочно-бежевого по бокам, до сияющей блеском слоновьих бивней дорожки из ромбических узоров, что орденской лентой царственной власти была возложена на спину и голову величественной особы.

Так как наша особа была очень юна, то голова ее еще не приобрела вид устрашающего неправильного ромба, как у ее соплеменниц. Она у белянки не выглядела угрожающе агрессивной и была очень даже симпатичной. Не хватало только драгоценной диадемы на гордо поднятой голове, глазами которой змея настороженно смотрела на неизвестно откуда появившегося незваного гостя. Но какими глазами! Нет, это нереально! Они были **ВАСИЛЬКОВЫМИ!!!** Ошибиться было невозможно, царственный взором, так пленившим нашего наблюдателя, рептилия завораживающе смотрела в глаза человеку с расстояния не более полутора метров. Драгоценный сапфир вряд ли мог сравниться по чистоте и яркости окраски с его рептилоидным прототипом в бежевой оправе. Человек и змея глядели друг другу в глаза.

Ярчайшая синева не давала возможности отвести взгляд от той глубины, бездны, что затягивала и обезоруживала. Нет, здесь не было никакой мистики или чар, приписываемых змеиному племени, просто вид этого удивительного существа был прекрасен, и как все прекрасное, его хотелось лицезреть долго и неотрывно. Но змея была очень испугана. Ее учащенное дыхание, что вздымало ребра на ее бежевых боках, указало на это волнение. Мощное тепловое пятно, которое она восприняла своими тепловым рецепторами, указывало на то, что внезапно появившийся перед ее взором предмет был живым существом, и поэтому мог нести в себе опасность.

Раздвоенный язык хлестал воздух с удвоенной скоростью, что тоже указывало на то, что присутствию человека здесь не рады. Как бы ни хотелось человеку оттянуть момент расставания с прекрасным видением, он наступил. Из чувства сострадания к испуганному существу человек отступил. Да и висеть приклеенным к каменной стенке, ухватившись за неустойчивые опоры, оказалось тоже делом утомительным, и затекшие руки и ноги были верным тому доказательством.

Спуск к подошве горы не занял много времени. В то время, когда все внимание спускающегося было сконцентрировано на безопасности выполнения этой операции, он упустил из виду скальную полку, где он оставил в покое альбиноса. Когда уже внизу человек попытался опять отыскать взглядом светлого знакомца, то полка уже была пуста. Рептилия не стала больше испытывать судьбу и ретировалась в неизвестном направлении.

Человек был очень впечатлен этой встречей. В далекие детские годы маленький мальчик познавал мир из разных источников. Одним из них были сказки, добрые, волшебные и обязательно с хорошим концом. Творческие люди того времени создавали замечательные кинематографические прототипы сказок и былин, в меру своего видения, с добрым юмором и озорством. Одним из очень популярных мультипликационных фильмов того времени был фильм о золотом волшебном кольце, которым владела персонаж этого произведения — сказочная змея Скарапея. Автор не делал акцент на то, какого цвета была ее героиня, но дети верили в то, что сказочный герой должен быть другим, отличным от всех, и если уж это змея, то точно особенная и необычная. Основы ощущения, заложенные в детстве, давали возможность видеть происходящее через призму волшебного детства и наделять реальные жизненные персонажи именами сказочных героев. С первых

секунд своего знакомства со светлокожим обитателем горы человек назвал его Скарапея, не в силу каких-то сверхъестественных сил, которые могла бы нести в своем естестве данная рептилия, а в меру необычности окраса.

Эта необычность не сулит ничего хорошего ее хозяину. Лишенная покровительственной защитной окраски змея была обречена. Царственная диадема, обладающая волшебной силой, и волшебное же кольцо помогали выжить сказочной Скарапее, но как ни вглядывался наш любопытствующий наблюдатель в его одноименного живого персонажа, так и не смог обнаружить присутствия этих столь необходимых для выживания в лесу аксессуаров.

Круговорот жизни и смерти быстро устранял нежизнеспособных конкурентов. Поэтому была понятна радость человека при новой встрече со Скарапеей по истечению довольно продолжительного срока. И что тоже удивительно, встреча произошла именно в тот не самый легкий момент его жизни. Случайность? Вопрос остался без ответа. Змея за период времени, произошедший между двумя встречами, заматерела, выросла и почти сравнялась размерами со своими сородичами. Было достаточно темно, чтобы разглядеть ее очаровательные глаза, да и она сама, видно было, что не была расположена сейчас играть в перепляски. Проводив прощальным взглядом ночного охотника, человек еще какое-то время ощущал внутри себя теплоту воспоминаний о той первой встрече и о волшебном бирюзовом цвете ее глаз.

Глава 2. Маленький дракон и псевдогремучка

Ночная встреча со змеей придала направление ходу мыслей и невольно навеяла воспоминания о встречах с очень приземленными (ну куда уж более!) представителями змеиною племени. Жизнь рептилий, в данном случае змей, всегда интересовала нашего наблюдателя и натуралиста, впрочем, как и всего окружающего его живого мира. Скрытный образ жизни змей, мистический ореол вокруг их репутации подогревали любопытство искателя. Зная заранее и еще один раз выяснив для себя, что те змеи, что живут по соседству, не питаются большими дядечками и не ведут с ними войну на уничтожение, человек установил для себя некоторые правила поведения, которые бы могли позволить мирно сосуществовать на территории лесного дома гостю и его постоянным обитателям, и неукоснительно следовал им. Впрочем, ему особо и не нужно было ничего делать, пресмыкающиеся сами избегали встречи с ним, и выявить присутствие человека для них не составляло особого труда. Змеи посредством своих естественных тепловизоров могли безошибочно определить наличие любого живого организма. Тем более, человека с его мощным тепловым излучением змеи вычисляли на расстоянии около 7 метров.

Густой лес со всех сторон обтекал морем зелени все подходы к горному островку. Плотно сомкнутые кроны слабо пропускали солнечный свет, и в полумраке, что царил возле поверхности земли из-за отсутствия достаточной освещенности, почти не прорастал кустарник. Мох и небольшие чахлые клочки травы, покрытые прошлогодней листвой и сухими ветками, создавали плотный пружинистый ковер. Отсутствие таких естественных укрытий, как кустарник, вынуждало местных змей применять

особую тактику охоты, выработанную многолетним опытом. Укрывшись в толще лесной подстилки, слившись с ней в единую буро-серую массу, выжидательно замерев в готовности к убийственному броску, щитомордники изо дня в день, из года в год вершили свою смертельную жатву. Но эта смертельная нива не являлась полновластным владением наших ядовитых жнецов, стадо кабанов своими пяточками, как плугами, разрыхляли лесную пашню, извлекая из глубин перепревшей подстилки обворожительно вкусные желуди и сладкие корешки, которые в тот же час поглощались с радостным похрюкиванием и повизгиванием. Но не правы были те, кто причислил визгливо-пяточковое свинское племя к вегетарианцам. Жуки, червяки, улитки, трупы павших животных — все это дополняло рацион чумазых землекопов. Но и змею, окажись она вблизи от порослячьего пяточка, ждала та же участь — быть съеденной. Острые зубы рептилии не ставят даже царапины на щетинистой броне лесных хрюшек. Для того чтобы не стать неожиданным бонусом в вегетарианском рационе таежных хавроний, щитомордники избрали особую тактику.

Наш путешественник не знал, каково было минимально безопасное расстояние, которое для себя определили змеи при приближении к ним кабанов, но первое применение этой тактики против себя осталось в его памяти надолго. Как всегда, в первый раз все произошло неожиданно. Был чудесный летний день, такое же блаженно расслабленное настроение. Человек шел по лесной поляне под плотным арочным сводом зеленой лесной крыши. Ничего не мешало беспрепятственному передвижению, мягкая лесная подстилка пружинила под ногами, поэтому созерцатель блуждающими взором обозревал кроны деревьев, сквозь которые причудливыми колоннами пробивался солнечный свет. Легкий ветер шевелил листья деревьев, тем самым изменяя фокусировку лесных проекторов, причуд-

ливо корректируя сияние и направление столбов света. Все дышало миром и спокойствием. Да и внутренний Страж молчал. И вдруг!!! Взрыв!!!

Совсем недалеко, в этих злополучных 7 метрах, с достаточно сильным грохотом и шумом взмыл ввысь кусок лесной подстилки. Мертвые ветки вкупе с другим лесным мусором, что до сих пор безмятежно таились в глубине лесного ковра, покинули свое место упокоения и взмыли вверх, подброшенные какой-то неведомой силой. Прошлогодние сухие листья стаей испуганных птиц закружились над поляной. А в глубине и в центре всей этой футуристической композиции замерла на секунду живая пружина щитомордника, которая, как мифический дракон, стояла вертикально, опираясь на свой хвост, а затем с не менее громким шумом ударилась оземь и, нет, не стала прекрасной девицей, а на этот раз уже неслышно взломанной синусоидой утекла в разлохмаченное таким небрежным обращением лесное одеяло и исчезла с глаз. Семь метров — это и много, и мало, но вполне достаточное расстояние, чтобы получить контузию испуга. Не исключено, что после такой звуковой феерии у кабанов резко пропадает желание что-то искать вкусненькое на этой поляне, если она так бурно реагирует на их появление. Все обитатели леса предпочитают не испытывать судьбу, когда сталкиваются с чем-то необъяснимым и необычным, тем более пугающим. Поэтому так ловко удалив конкурентов с поляны, местные миниатюрные копии драконов могли спокойно продолжать свою прерванную охоту. И внутренний следящий вполне оправданно не усмотрел в развивающейся ситуации признаков опасности, так как отсутствовала вибрация угрозы нападения, и все происходящее было всего лишь превентивной защитой. Но после этого случая человека уже не вводили в заблуждение кажущиеся такими безмятежными лесные поляны, и впоследствии он еще не единожды был

свидетелем такого рода шумовых демонстраций. Хотя он и предвидел это, но всегда был немного ошарашен.

С другим способом предупреждения о своем присутствии, менее шокирующим, наш естествоиспытатель познакомился здесь же, на склонах Змеиной горы. В жаркий летний день змеиное племя уже не отваживалось выставлять свои нежные тела напоказ, так как все выступающие части скалы раскалялись как сковородка, и уже приходилось искать укрытие от палящих лучей солнца. Глубокие расщелины, где еще было сыро и прохладно, плотная тень кустарников манили разгоряченных пресмыкающихся охладить свой пыл. Старая каменная осыпь с плотной растительностью была идеальным местом для такого рода отдохновения. Какая-то бытовая необходимость вынудила человека проложить свой путь невдалеке от места полуденной сиесты ползучих обитателей леса. Зная о том, что может таиться под покровом кустарников, человек не пересекал невидимую линию, которую он сам себе нарисовал, чтобы не потревожить покой тех, кто там сейчас находился. Занятый рутинными хозяйственными делами, что приходилось выполнять ежедневно, наш труженик слушал эфирный звуковой фон, что незатихающей мелодией обтекал его со всех сторон. Зеленый шум леса, как морская волна, гонимая ладонью ветра, то накатывался и разбивался о каменную твердь скалы, то отступал и затихал вдали, с тем чтобы опять повторить свою атаку. Птицы в такую жару тоже искали себе укрытия, их слабые голоса были почти не слышны.

Звук, не очень громкий, но очень отчетливый, ритмичный и повторяющийся с почти равными промежутками. Скорее, похож на треск или детскую погремушку.

Что это? Трещание исходило из того места, где каменная осыпь примыкала к Змеиной скале, образуя угол, загроможденный обломками скал. Гремучая змея? Быть того не может! Хотя по звучанию очень похоже. Звук, который

издает гремучая змея, сотрясая свой ороговевший хвост с кольцами-трещотками, был знаком человеку только из видеофильмов о природе мира, которые он всегда с интересом смотрел. Но ведь здесь не Невада, не Техас, не Мексика, где ареал обитания этих змей является естественным. Лучше один раз увидеть, что это за источник звука, чем пребывать в неведении. В ожидании какого-нибудь неприятного сюрприза, что может ожидать исследователя за каждым камнем, он продвигался в искомом направлении с величайшей осторожностью. За короткий промежуток времени, что прошел с тех пор, как он начал постигать истину и суть Леса, уже множество необычных и необычных событий произошло с ним, если бы за очередным из камней его встретила готовая к защите и нападению настоящая гремучая змея, наш серпентолог-любитель несколько бы не был удивлен.

Но это был щитомордник. Если взять вторую часть его названия, где что-то говорится о его голове, то морда у него была о-го-го. Очень крупное и мощное тело, наверное, самый большой представитель племени пресмыкающихся на этой горе. Да, его поза была агрессивно-защитной. Свернутое в кольцо туловище, как взведенная и готовая к бою пружина катапульты, копьеобразная голова, повернутая в сторону приближающейся опасности, была готова в любой момент устремиться в нападение. Но пока это была всего лишь демонстрация агрессии. В эзотерической литературе Востока часто змея отождествляется с символом мудрости. Наш представитель змеиного рода не использовал приписываемый его сородичам талант мудрствования, вероятнее всего, он считал, что та сила и величина, чем наградила его мать-природа, спасет его обладателя от любой опасности. Дело было в том, что змей сам себя загнал в ловушку. Огражденное с 3 сторон высокими мощными камнями пространство, где он находился, не давало возможности для отступле-

ния. Единственный вход был в то же самое время и выходом, и сейчас на его пороге стоял человек. И тут опять раздался этот звук. Нет, человек был не прав. Змей оказался достойным представителем и носителем мудрости древнейшего рода.

Осознавая безвыходность своей ситуации, он, наоборот, обозначил свое присутствие. Обломки мелких сухих веток в избытке покрывали всю окружающую территорию. Избрав один из них в качестве барабана-резонатора, наша псевдогремучка начала усердно отбивать ритм своим изрядно ороговевшим хвостом. Ритм был незатейливый, никакой мелодии не прослеживалось, лишь бы было громко. Понаблюдав какое-то время и послушав незамысловатое пассажи этого барабанщика поневоле, человек отступил, предоставив змее возможность свободного выхода. И почему-то опять в голове прозвучало: «...Удачной тебе охоты. Мы с тобой — одной крови». Больше никогда человек не слышал эту псевдогремучку. Но то, что в моменты опасности проявляются необычные скрытые способности не зависимо от того, сапиенс ты или зверь, в этом человек еще раз удостоверился на наглядном примере.

Живя в лесу в МИРЕ с природой, не пресекая ни одной жизни, оберегая покой и уважая заведенный в этих местах порядок вещей, человек очень надеялся на то, что ЛЕС углядит в нем сущность, неспособную причинить какой-либо вред окружающему. Отдав всю заботу о своей безопасности в руки Всевышнего, отшельник имел величайшую внутреннюю уверенность в том, что с ним ничего не может случиться.

И как бы это ни выглядело безрассудным, человек осмысленно не предпринимал даже минимальных мер по предотвращению предполагаемого вторжения хладнокровных гостей.

Помост из бревен и шалаш на нем, который не имел даже минимальной защиты, тем более от проникновения

в него змей, для которых необходима лишь малейшая щель. Никогда не было даже попытки поползновения внутрь, хотя все входы были максимально открыты. Под помостом кто-то из пресмыкающихся временами по ночам делал ревизию своих охотничьих угодий. Чуткий слух мог вычленил из общей гаммы ночных звуков продолжительный, тянущийся шелест передвигающегося под бревнами длинного тела змеи.

Но это происходило не каждую ночь и не очень продолжительное время. Хотя услужливая память воскрешала картины совсем другого порядка, когда весенним утром после прохладной ночи в горах люди, и наш герой в том числе, спавшие внутри плотно закрытой старой брезентовой палатки, удивленно рассматривали изнутри гирлянды змей, что вольготно расположились снаружи на брезентовой крыше и блаженствовали, подогреваемые снизу теплом, исходящим от человеческих тел, и ловя первые лучи восходящего солнца. Пришлось вспомнить детскую забаву и запустить змея, в данном случае — змеев. Резкими хлопками ладоней по сукну палатки, отправляя в кратковременный полет неожиданных посетителей. Но на Змеиной горе ничего подобного не происходило. И ночи были не менее холодными, и тепловизоры пресмыкающихся исправно извещали их хозяев сигналом об источнике вожденного тепла, что так недостает им в это промозглое время суток. Но никто не потревожил своим холодным прикосновением чуткий сон отшельника. Почему? Наверное, потому что...

К своим хладнокровным соседям человек относился с должным уважением и предупредительностью, выявив места их отдыха и охоты, и пытался без излишних причин не беспокоить их покой. Но все-таки не набрасывал какой-либо флер мистицизма на поведение пресмыкающихся, а смотрел на их жизнь через призму животных инстинктов, наработанных эволюцией. Но очередное событие,

произошедшее на этих горных склонах, опять заставило человека изменить свою точку зрения.

Глава 3. ...Не убий...

Это произошло в самый первый год, когда искатель только ступил на эту землю обетованную. Полный радужных надежд и мечтаний, он обустроивал свое жизненное пространство, где ему в будущем так много пришлось пережить и понять. Через какое-то время все атрибуты, присущие жилью, пусть в очень аскетичном проявлении, заняли свое место. Помост с шалашом на нем, импровизированный трон, очаг и даже летний душ — все это облегчало быт отшельника и давало возможность больше времени отдавать тому делу, ради которого он и выбрал это место.

Лето, жара. Каменная крошка, что устилала все пространство вокруг трона, под палящими лучами солнца раскалилась так, что прожигала подошву летних резиновых тапочек, надетых на ноги человека, сидящего на стилизованном атрибуте царственной власти. Столь неподобающая для этого лесного захолустья обувь вполне устраивала его владельца. Небольшая среда обитания человека на этой поляне была абсолютно безлесной и нисколько не затрудняла передвижения обладателя пляжной обуви. Сухие ветки и острые камни, что могли препятствовать легкому фланированию по поляне, были собраны и переложены в другое место вне пешеходной зоны.

После появления на этой поляне человека щитомордники изменили свой маршрут передвижения и уже больше никогда не пересекали поляну отшельника, как он для себя стал называть это благословенное место. Да и какая

уважающая себя змея во время полуденной сиесты променяет бархатистый полумрак и прохладу в гуще кустарника на горячую сковороду каменной крошки.

Переизбыток солнца и тепла не очень нравился человеку тоже. Он пытался переждать эти жаркие часы солнцепека где-нибудь в тени деревьев, чаще всего это был шалаш, который находился под надежной защитой разлапистых кедров, что своими кронами надежно перекрывали потоки огненного ультрафиолета. Легкий ветер, который выбрал себе постоянное место проживания рядом с горными вершинами, с завидным постоянством делал свои освежающие пробежки, на бегу не забывая почтить своим присутствием каждую травинку и лепесток. Любопытный шалун с детской непосредственностью раздувал полиэтиленовые бока шалаша и пытался перелистнуть страницу книги, за чтением которой он часто заставлял обитателя лесного жилища.

Проделать путь от прохлады укрытия до самого эпицентра солнцепека человека заставляла жажда. Во время такой жары он не готовил себе горячей пищи, ждал, когда вечерние сумерки снизят накал светила. Да и чувства голода не ощущалось, хотелось только пить. Утром отшельник плотно завтракал, зная, что в следующий раз ему это предстоит сделать только вечером. Понимая, что в течение дня придется довольствоваться только чаем, он пытался сделать побольше запасов этой чудесной жидкости. Заполнив ею все имеющиеся в наличии котелки, человек с присущей ему изобретательностью помещал их в холодильник, так он для себя обозначил место, вернее, нишу под мощными каменными глыбами, где всегда, несмотря ни на какую жару, присутствовала, как в хорошем погребе, стойкая прохлада. Как бы ни хотелось иметь такой холодильник рядом с шалашом, увы, такое чудо природы нашлось только в камнях возле самого монолита скалы.

Прохладный чай чудесным образом утолял жажду и позволял безбедно просуществовать весь день до того момента, когда вечером можно будет потребить горячий вариант этого напитка.

Время близилось к полудню. Огненный шар почти застыл в зените. Выпитый совсем недавно прохладный чай остудил разгоряченное тело, и даже на взгляд раскаленный пейзаж уже не казался таким невыносимо обжигающим. Человек сидел на троне и уже в который раз упивался открывающимися перед его восхищенным взором обворожительными видами природы. Он потерял счет времени, и даже изнуряющий зной перестал досаждать его слегка прикрытому легкой одеждой телу.

Но в дело вмешалось опять это «вдруг». Человек всецело был поглощен созерцанием, естественно, все то, что могло резко вырвать его из этого состояния, явилось для него полной неожиданностью. Нижняя часть трона покоилась на основании из камней, которые были уложены умелой рукой в квадратный каменный помост, на котором и находилось сиденье трона.

Естественно, камни не представляли из себя сплошной монолит, да и сам строитель этого «мегалитического» сооружения не ставил себе такую задачу. И теперь эта всепроницаемость, естественно, для визитеров с определенными пропорциями тела, преподнесла очередной сюрприз.

Расстояние между коленями сидящего на троне человека составляло не более 15 см. А еще ниже колен, оказывается, есть ноги (какая неожиданность!), незащищенные даже тонкой тканью брюк.

Две голени и две голых ступни в пляжных тапочках, и волосы на ногах, которые явно принадлежали мужчине, почему-то распрямили свои легкие завитки и горизонтальными антеннами покрыли всю поверхность незащи-

щенной кожи. С чего бы это? Причина была всякая. Из расщелины камней, на которой покоилось сиденье трона, СОЧИЛАСЬ СМЕРТЬ. Облеченная в чешуйчатую плоть и холодную кровь щитомордника.

Говорят, что у страха глаза велики, но это реально был крупный экземпляр. Если чуть-чуть наклониться, можно было дотронуться до него рукой, естественно, человек и не предпринимал таких безрассудных попыток. Очень медленно и даже, можно сказать, вальяжно он выкатился в единственное предоставленное для его движения пространство, а именно аккуратно между нешироко расставленных ног. Высота синусоиды его движения была невысокой, как если бы он хотел быстро покинуть любое открытое место, отнюдь, его амплитуда движения была почти прямолинейна. Видно было, как мышцы вздымали чешуйки на брюхе рептилии, проталкивая ее вперед. Зачем? Что она здесь делает? Неправильный ромб головы щитомордника замер ровно в пространстве между двух ступней. Замер и человек, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Расстояние до непрошеного гостя было минимальным, и в мозгу человека с фотографической точностью запечатлелась эта картина. Голова рептилии неторопливо повернулась в одну сторону, затем в другую. Расстояние с каждой стороны между ядовитым гадом и незащищенной плотью человека было не более 10 см, и казалось, что сейчас раздвоенный язык змеи коснется ног. Человек смотрел на свои беззащитные ступни и видел, как им было страшно. Пальцы, как маленькие человечки, пытались поджать крайние фаланги под себя, как будто испуганные существа втягивали головы. Сухожилия были напряжены и рельефными полосами вздымали кожу. Волосы на ногах, позабыв про свою обычную покладистую мягкость, щетинились жесткой проволокой. И было холодно. Огненное полуденное пекло не могло растопить эту могильную стужу, что погребальным саваном легла на плечи человека. Липкий холодный пот покрыв все тело.

А змея никуда не торопилась. Раздвоенный язык — признак ее нервного состояния — не выказывал ни тревоги, ни волнения, с завидной спокойной размеренностью осязал окружающую атмосферу. Наконец голова покати-лась вперед, уступив дорогу своему удлинённому продол-жению.

И тут период ступора, в котором находился человек, скачкообразно преобразовался в фазу активной агрессии. Окаменевшие до поры мышцы требовали действия, немедленного и незамедлительного. В голове набатным колоколом бились рваные командные фразы: «... Убей ее! Сейчас же! Ты это сможешь! Вот камень, вон палка... Да-вай!!!». Уже глаза искали орудия убийства, уже руки тяну-лись к ним... «Ста-а-я-ять!!!» «Что это еще за команда? Зачем вставать?..» «Стоять — это значит сидеть и не дви-гаться, и не надо никого убивать»... «Но ведь она... Ведь я...» «Стоять!!! Ты что, ничего не понял?» «...А что я дол-жен понять?» ... «Смотри внимательно!»

Щитомордник тем временем все так же неторопливо удалялся в каком-то непонятном прямолинейном на-правлении. Он уже не представлял никакой опасности для человека, и теперь человек должен был представлять опасность для него. Но змея ни на йоту не изменил свое поведение. На абсолютно открытом пространстве, не ускоряя своего движения и не изменяя траекторию по направлению к спасительной защите кустарника... «Ты понял?..» «Так ведь она специально подставляется под удар!!!» «То-то и оно!» Все произошедшее не имело место быть. Но оно произошло. Вопреки всем законам и прави-лам леса... «Что ты знаешь о законах леса, человек? Тебе сейчас был преподан еще один урок, а может, это было испытание?»

Щитомордник тем временем в том же темпе, как заве-денная игрушка, пересек поляну по наиболее длинному

и иррациональному маршруту и исчез в кустарнике на противоположном краю поляны. И каменная щебенка, разогретая до температуры кипения, оказывается, никоим образом не оказывала свое, мягко сказать, раздражающее воздействие на достаточно чувствительное брюшко рептилии. Она без препятствия скользила по раскаленной сковородке, как будто это был прохладный илистый берег пруда. Чудны дела твои, Господи!

Как это часто бывает, представители рода человеческого обращаются в моменты наиболее тяжких испытаний и смертельные опасности к тому, которому в обыденности бытия не уделяют должного внимания, а часто и отрицают сам факт его существования. Кто-то называет его Бог, кто-то — душа, есть много названий и формулировок, но смысл всегда один. В падающем самолете нет атеистов. И наш человек был тоже из той породы, и пусть его стремление к поиску, познанию и общению со Всевышним не истончалось никогда, реализовать это на практике в полной мере получалось не всегда. Поэтому укор «моралиста» по этому поводу был вполне уместен.

В данном случае человек был всецело поглощен перипетиями этой непростой ситуации, и у него не было возможности обратиться за помощью к надежному советнику и другу. Но он сам не оставил человека в беде. И мудрые, единственно правильные советы, которые наш проситель получал из кладезя вселенского знания, всегда излагались в виде либо каких-то светоносных образов, как бы видеопроинструкции по применению их в жизни, либо звучали как отеческие наставления мягким, теплым, спокойным и тихим тембром голоса. Именно этот ритм, вибрация, манера подачи информации указывали человеку, что этот совет идет из надежного источника.

Все остальные советчики в реальной жизни перекрывали этот тихий голос истины. Те существа тонкого мира,

что жили в бестелесном поле человека, в своем высокомерным псевдовсезнайстве пытались крикливым, беспардонным и безапелляционным тоном принудить человека исполнить их волю.

Но также человек убедился в том, что в отдельных ситуациях тихий голос истины может вдруг зазвучать громко и повелительно, принуждая неукоснительно следовать его воле. Этим самым призывы к устранению самой причины страха методом уничтожения были пресечены на корню.

Понимание и осознание сути всего происходящего пришло незамедлительно, еще до того момента, как этот злосчастный щитомордник исчез из поля зрения. Да-а-а, у ЛЕСа свои законы, еще одна глава из кодекса правил жизни в этом удивительном МИРе открыла свой скрытый смысл перед человеком. Это было испытание. Испытание номер 2. Почему номер 2? Потому что первое испытание человек уже прошел, он предполагал, что оно будет не единственным, и он не ошибся. И назвал это испытанием на смерть, или вернее, испытанием на убийство.

ЛЕС, повелитель и распорядитель судеб всего живого, что находится под его все державной властью, но в то же время отец и родитель, преследуя одному ему известные цели, испытывал пришельца, который претендовал на то, чтобы стать частью его самого. Ради этого он принес в жертву, отдал на заклятие одного из своих детей. Вершить скорый и неправый суд или остаться человеком и проявить понимание и сострадание — этот выбор остался за человеком. И он сделал правильный выбор.

На то, что это был не просто обыкновенный, рядовой случай из жизни леса, а именно испытание, указывало необычное, неестественное поведение змеи. Утверждение о том, что щитомордник не мог просканировать своим тепловизором мощное тепловое поле человека, потому что из-за жары все предметы окружающего ландшафта

были раскалены и своим тепловым излучением мешали восприятию, было неверным. На примере щитомордника-псевдогремучки отлично видно, что змея все равно четко различает тепловой фон от раскаленных камней от теплового фона живого существа. На искомом расстоянии от 7 м, а здесь счет шел на сантиметры. И многое другое, что открывалось внимательному взору, как только с него спал морок доисторических страхов. Знал ЛЕС, что жертва может погибнуть? Конечно, да. ЛЕС, как великий ясновидец, видел глубинную суть всего того, что таилось под покровом человеческой плоти. За всеми светлыми и благожелательными частями природы пришельца в темных мрачных пещерах несознания жил его древний пращур, вся недолгая жизнь которого проходила в борьбе за выживание. Когда наступил момент губительной опасности, человек первобытный рванулся в смертный бой, размахивая своим каменным топором. Лесу было важно знать, сможет ли *Homo sapiens* («человек разумный») возобладать над неандертальцем. Не будь внутренней, душевной и духовной поддержки, эксперимент, устроенный ЛЕСом, мог бы закончиться для щитомордника трагически сиюминутно, а для пришельца вполне возможно, что непрохождение испытания впоследствии тоже могло иметь свои негативные последствия.

Сам по себе летом укус щитомордником человека может не привести к летальному исходу. Крепкое здоровье, выносливый организм, достаточная масса тела — все это способствует тому, что человек не погибнет и организм самостоятельно избавится от змеиного яда, выведя его наружу. Такие случаи уже бывали и не единожды. Но были и летальные исходы, в силу индивидуальной непереносимости именно змеиного яда как смертельного аллергена. Когда-то давно человек был свидетелем того, как после укуса осы у одного из достаточно крупных мужчин развилось аллергическое удушье, и если бы не своевременно

оказанная квалифицированная медицинская помощь, человек бы погиб.

Наш естествоиспытатель еще не изведal на себе действие змеиного яда и, честно говоря, не горел желанием проводить данные эксперименты. Но дремучему питекантропу с его заспанных глаз могло привидеться в абрисе змеиной головы что-то такое устрашающе ужасное, что не приведи Господи! Во времена оные рептилии, вероятнее всего, в своих арсеналах несли более смертоносное оружие умерщвления, чем их современные сородичи. Как тут не взъяриться!

Человек был рад тому, что именно с Божьей помощью прошел это испытание. ЛЕС удостоверился в том, что его обитатели не пострадают от злонамеренной агрессии со стороны пришельца. После этого приснопамятного события больше никаких поползновений со стороны змеиного племени не замечалось. Все было чинно, благородно, красная 7-метровая черта, раздел ареалов проживания и возвращение к так полюбившемуся фланированию в пляжном прикиде по той территории, которую наш пришелец уже по праву мог назвать своей. И спал он спокойно, и никто не нарушал его покой. А почему? Наверное, потому что...

Часть 8

Мышиные тигры

Глава 1. Отбросить хвост и лапы сомнений!

Испытание номер один, или самое первое испытание, которому человек был подвергнут в самую первую ночь, когда он вступил в пределы леса, было испытание страхом. Когда-то очень давно, семнадцатилетним юношей, наш путешественник впервые предпринял самостоятельную попытку контакта с этим живым организмом. Эта попытка с большой долей вероятности могла бы оказаться для него и последней, но Бог миловал. Тогда он испытал на себе всю мощь этой устрашающей пытки. Теша себя надеждой, что такое можно пережить один раз и на всю жизнь, наш уже умудренный опытом путешественник опять стоял на пороге в свою Терра инкогнита — неизвестную землю, или как впоследствии оказалось, землю неизвестностей, на пороге новых испытаний, с которыми ему придется столкнуться и выстрадать их в полной мере. Все то, что с человеком в эту незабываемую ночь должно будет произойти, имело предположительное объяснение, потому что оно опять было предоставлено менталом, да еще в и в виде нескольких версий. С его высоколобой точки зрения, либо проверка страхом имеет свои временные ограничения, либо все-таки каждый ЛЕС имеет право подвергать этой мучительной процедуре всех людей, что вторгаются в его владения. Перешагнув очистительный рубеж испытания, человек больше не задавал этих вопросов «отчего?» и «почему?», для него все стало ясно и понятно, и сами вопросы показались никчемными и малозначительными.

Старая захламленная просека стелила под ноги путника свой извилистый неровный холст лесной тропы. Мягкая лесная почва, сдобренная растаявшей снеговой водой, предательски выказывала присутствие лесных попутчиков, что проторили эту тропу незадолго до того момента, как упорный пришелец не расплющил рубчатым отпечатком своей обуви следы их острых парных копытцев.

Предгорья хребта изобиловали заросшими лесом распадками, по которым с стеклянистым журчанием бежали весенние ручьи. Насколько хватало глаз впереди, по всему горизонту горная цепь своими плоскими вершинами подпирала уже вечернее небо. Горы магнетически притягивали взор, вид их кражистых отрогов заставлял сильнее биться сердце в предчувствии встречи с чем-то невиданным доселе, с какой-то тайной, которую должен постичь упорный путешественник.

Звериная тропа игривым олененком перепрыгивала через упавшие деревья, что осклизлыми колодинами лежали поперек ее. Мох, покрывавший темные от спуда тления хребтины, местами был прочерчен быстрыми рощерками копыт в том месте, где лесной олень в тщете опереться на кажущуюся прочную опору бревна, оскальзывался, срывая пласты мха, оставляя на оголенной мокрой древесине рваные шрамы. Распадок, по обрывистом краю которого вилась эта путеводная лесная нить, представлял разборчивому квартиранту с калейдоскопической очередностью виды и интерьеры мест грядущей ночевки, одно другого привлекательнее.

Небесное огненное горнило уже завершало отмеренную ему всевышним ежедневную стезю, но в лесу было еще достаточно светло. С детской нетерпеливости хотелось все шагать и шагать, ожидая за очередным поворотом увидеть что-то необычное и притягательное, то единственное место, которое бы само приглашало устроить

свой ночлег в его природном антураже. Ну, что ж, вот вроде бы и оно самое.

Распадок спрямил свой извилистый бег и на каменистом ложе этого ровного участка выстлал земельным настилом и покрыл ковром прошлогодней мягкой сухой травы небольшую и уютную, почти горизонтально отnivelированную поляну, представляющую идеальное место для установки на ней палатки. Площадь для бивака была небольшая и компактная. Обрывистая вертикальная каменистая стена распадка должна будет выполнять роль естественного экрана, который отраженным теплом от горящего костра будет согревать спину путника. Место будущей ночевки не было захлавлено упавшими стволами деревьев, это было на руку нашему квартиранту. Во-первых, не загромождалось внутреннее и так небольшое жизненное пространство, во-вторых, лежащая на лесной подстилке древесина не представляла из себя никакой практической пользы для поддержания огня, так как была пропитана насквозь влагой. Зато чуть поодаль, на границе открытого места и леса, стояли несколько сухих деревьев, как будто сошедшие с иллюстрации к учебнику по выживанию в лесу, с подписью под ней: «Идеальное сухое дерево для долговременного поддержания огня». Засохшее на корню дерево, очень давно стоящее, уже без коры, прокаленное морозом и выпущено ветром и солнцем до звона.

Освободившееся от избыточного груза сухих ветвей, но не потерявшее в то же самое время головы, то есть вершины. Не будь ее, влага проникла бы внутрь, и вездесущий тлен источил бы в труху всю сердцевину дерева. Снаружи этот идеальный подарок путешественнику выглядел как свеча, по названию и по сути напрямую подтверждающий свое название. И заключительным бонусом к вящей радости лесоруба, который выверенными движениями принялся рубить эту сушину, оказалось, что древе-

сина ее была мягкой, и по структуре ее стало видно, что это кедр.

Порода дерева, сухая древесина которой при сгорании выделяет множество тепла и, самое главное, не имеет в массиве своем смоляных пазух, как у других пород хвойных деревьев.

Опасность смолы в данном случае представлялась в том, что в костре, нагретая до температуры кипения, она разрывала волокна дерева и огнеметной горячей струей выстреливала в неизвестном направлении. И может случиться беда или трагедия, если на траектории этого выстрела окажется человек.

Рядом с этой сухой кедринной, чье предназначение на эту ночь было уже предопределено, стоял высокий трухлявый пенёк. Все еще крепко удерживаясь от падения своими узловатыми корнями за землю, он представлял из себя всего лишь контур дерева, которое уже своей размельченной древесиной представляло питательную среду для грибов, мхов и лишайников, которые зелено-серебристой пеной пузырились на всей поверхности пня. Но особо поражали воображение гигантские полукружья ложных трутовиков — древесных грибов-паразитов, что террасными уступами покрывали материнское тело бывшего дерева. В лесу под кронами деревьев кое-где еще лежал нерастаявший снег, и серо-белый язык одного из сугробов облизывал подножье экзотического пня.

Работа двигалась споро. Остро отточенный топор рьяно вгрызался в сухую древесину. От каждого удара лесина звенела, и волна вибраций пробегала по сухому стволу, сотрясая вершину дерева, как кончик хлыста. И вот сушина вздрогнула в последний раз, внутри подрубленного ствола что-то щелкнуло, и высохшее дерево в своем падении отнесило последний поклон Матушке-Земле, из чьего лона оно начало свою жизнь и в чьи объятия оно сейчас падало.

Тяжкий удар сопровождал падение лесины. Как это часто бывает, при ударе об землю сухой ствол раскололся на несколько частей, и нашему лесорубу осталось только довершить начатую работу, расчленив тело сухого дерева на еще более мелкие части, каждой из которых он определил свое предназначение. Что-то будет сожжено за долгую ночь в ненасытном пламени костра, а наиболее гладкая и ровная часть ствола выполнит роль сиденья, а может быть, и лежака, на котором можно будет поваляться, размлевши от сытного ужина, горячего чая и обволакивающей теплоты костра.

Костер горел, вода в котелке набирала нужную температуру, подогреваемая ярким пламенем, бревно возле очага ожидало своего посидельца (он же полежалец!). Горы первосортной сухой древесины лежали в шаговой доступности от костра, ее вполне хватило бы до утра, если бы ночные посиделки задержались до этой поры. Настало время обустройства опочивальни.

Старенькая одноместная полотняная палатка заполоскала тканью своих стен и крыши, как наполненный ветром странствий парус бригантины, призывая путешественника отправиться в плавание в страну грез и сновидений. Вечер был чудесен, ночь обещала быть превосходной, чистое ночное небо сулило безбедное, без дождя и снега времяпровождение на чистейшем лесном воздухе. Прохлада весенние ночи не страшила путешественника. Зимний спальный мешок, бодрость духа и крепость тела нивелировали любые погодные неудобства, с которыми приходилось сталкиваться путнику в своих скитаниях.

Человек окинул хозяйственным взором обустроенный бивак и остался доволен увиденным. Все ласкало взор своей подготовленностью, практичностью и домовитостью. Взгляд скользнул и остановился на экзотическом пне, чей вид ранее уже привлекал внимание. Сюрреалистический лешачий наряд лесной колодины несколько пострадал из-за того, что сухая лесина, падая, уже на излете зацепила

краями бревна самые нижние, они же самые красивые и большие полукружья грибов ложных трутовиков. Удар оторвал их от колодины, но не разрушил и не раздробил. Они просто как бы соскользнули по стволу и остались лежать на лединисто-снежном настиле прошлогоднего сугроба, что обтекал со всех сторон эту стилизованную скульптуру лешего. Но что это? Что бы это могло быть?

Из-под самого большого полукружья ложного трутовика, чей радиус был не менее чем половина охвата рук взрослого мужчины, торчали чьи-то лапы. Заинтригованный видением столь необычной картины, человек решил приоткрыть, здесь более точно звучит формулировка — приподнять завесу тайны, то есть гриб был поднят и отложен в сторону. Взору исследователя предстали остатки трапезы какого-то хищника, что сохраняет такие закладки, по определению людей, «на черный» день. Две лапы и наполовину объединенный хвост с клочком пушистой серой шерсти на его конце. Лесная трагедия произошла, вероятнее всего, этой зимой, эти недоеденные крошки с пиршеского стола лесного гурмана уже высохли и замумифицировались и не благоухали дурным запахом трупного разложения.

За годы, проведенные в путешествиях, наш странник изучал азбуку жизни лесных обитателей и уже довольно бегло мог прочесть письмена-отпечатки на снежно-белых или землисто-черных страницах лесного покрова. Отпечатки лап, копыт, росчерки птичьих крыл — все это представляло визитную карточку жителей леса. Это все то, что можно сказать о следах зверей, а тут сам первоисточник, то есть лапы. Ну что ж, то же самое, только ракурс видоизменен. Лапы принадлежали крупному зверю из семейства псовых. Серый цвет шерсти наталкивал уже на какие-то догадки, которые тут же нашли подтверждение. Волк, крупная взрослая особь. Следы его, как, впрочем, в данном случае лапы, ни с кем не спутаешь.

Свирепый хищник и великолепный бегун обладал замечательным инструментом для передвижения — его лапами. В отличие от его домашнего сородича, лапа выглядела более стремительной, и сам след имел отпечаток скорее копьеобразный, чем более круглый, как у собаки. Боковые пальцы более отставлены назад, поэтому две передних кожистых подушечки его лап имели небольшой разрыв между двумя боковыми. Совсем небольшой, но уложенная в этот разрыв хвоинка наглядно демонстрирует разницу следов волка и собаки. С собачьим следом такую манипуляцию проделать было невозможно.

Становятся очевидными и детали произошедшего. Три крупных хищника безраздельно господствуют в зимнем лесу. Волк, рысь и тигр. Медведи как конкуренты и соперники отходят на задний план или на нижний, если судить по уровню, где располагаются их берлоги. Рысь не представляет опасности для волка по ряду многих причин. Вот тигр, или, как местное население называет его, «тигра» (с ударением на последнем слоге), имел какое-то странное, явно гастрономическое пристрастие ко всем псовым, и однозначно эта добыча была наиболее деликатесной в перечне его потенциальных жертв. Добыть волка для тигры задача была более сложная, чем завалить оленя или кабана. Ну вот, поди ж ты, удалось — доказательства налицо. Хотя тигра уже включила все прилегающие к лесу селения в ареал своих охотничьих угодий, и по ночам предусмотрительные жители этих деревень запирают своих собак в домах, в противном случае псина превращается в вожденную закуску для полосатого гурмана и уволокивается в лесную чащу вместе с будкой и цепью. Однако о вкусах не спорят.

В тот момент, когда наш исследователь внимательно рассматривал эти мумифицированные останки, он с определенным юмором заметил про себя, что все эти процедуры очень напоминают какое-то камлание с гаданием

на сушеных лапах разных размеров и принадлежностей. Чаще всего, конечно, гадают на будущее, и эти новоявленные шаманские амулеты не сулили ничего хорошего именно в ближайшем будущем, конкретно в эту ночь. Дело в том, что такое лакомое блюдо, пусть и уже в столь сублимированном состоянии, всегда почетно и желанно на столе (если это применительно к ровной поверхности поляны) у тигры. Второй вариант тоже не сулил радужных перспектив: зима в этом году выдалась холодной и затяжной, из-за глубоких снегов охота не всегда бывала удачной, и как тут не вспомнить о припрятанной до лучших времен съестной приправе, не бог весть какой величины, но все-таки лучше, чем совсем ничего.

«Реалист», он же по совместительству и «оптимист» (не наш ли старый знакомый?!) взял мыслительные бразды правления в свои руки и остудил панические настроения, обуревающие на какое-то время доморощенного гадалея на тигриных недоедках. Доказательство его правоты были вески и аргументированы: «Если эти вкусняшки до сих пор не востребованы, то почему время очередного пиршества запланировано именно на эту ночь? Отбрось все сомнения и продолжай жить дальше, все равно менять место ночевки слишком поздно». Уже ночь, как гигантская черная пантера, вышла на охоту, и ее темная тень на мягких лапах ходила окрест ночного прибежища странника.

Будь что будет! Следуя настоятельно рекомендации «глубокомысленных советчиков», человек отбросил все сомнения, то есть хвост и две лапы, подальше в глубину леса и включился в ритм рутинной деятельности, что так хорошо отвлекает от навязчивых мыслей. Плотно и сытно поужинав, он приступил к чаепитию. Неторопливое и, скорее, даже медитативное действо, что всегда закономерно и последовательно настраивало как камертоном все струны души на философский и равновесно спокойный лад. Но не в это раз.

Глава 2. Жуть

Ночь было чудесна, почти безветренна, легкой прохладой тянуло от снеговых полей, скрытых от плавающего их солнца под кронами деревьев и в скальных выгородках распадков. Бездонное небо с россыпью звезд на черном бархате вселенских сфер гипнотически притягивало взор человека.

Яркое пламя костра пожирало звенящую древесину бревен, заливая лучистым блеском временное пристанище путешественника. Тепло животворного источника, отражаясь от каменной стенки, согревало тело человека со всех сторон. Все было прекрасно и замечательно, но не было главного, не было спокойствия. На-ча-лось... Как много лет назад. Как бы ни хотелось избежать этой пытки, придется пройти это испытание еще раз...

Какая-то глубинная дрожь, чей источник происхождения невозможно было определить, тонкая, нудная, изводящая своей назойливостью, как писк комара. В этой пока еще приглушенной вибрации слышались отголоски приближающейся бури, отдаленные раскаты грома и пока еще слабые дуновения ветра — предтечи смертоносного шквала. Горизонт на ночном небе был чист и спокоен, все это ощущение приближающейся бури человек ощутил внутри своего естества. Это состояние приближающегося урагана было знакомо нашему исследователю и уже единожды было испытано на своем личном опыте. «...Та-ак, а вот сейчас ты почувствуешь, как у тебя начнут холодеть ступни ног»... Это был не самогипноз, аутотренинг или что-нибудь подобное из множества психофизических упражнений, применением которых можно добиться изменения температуры и психологического состояния организма. Это была всего лишь констатация факта, не более и не менее. Бороться, противостоять, пытаться как-то изменить

ситуацию было бесполезно, как в хорошей поговорке по поводу лечения гриппа: если его лечить, то он вылечивается в течение 14 дней, а если не лечить, то человек выздоравливает по истечении 2 недель.

Обстоятельства происходящего были выше возможности человека на данный момент противостоять им, поэтому, как и в первый раз, пришлось смириться и стоические претерпевать все то, что должно произойти. В данный момент человек был в более выгодном положении, он уже знал механизм, весь сценарий грядущего действия, впрочем, достаточно незамысловатый.

Холод заполнил своей темной массой все пространство ступней, появилось странное ощущение того, что ступни — это какой-то сосуд, емкость, в пустой объем которого чьей-то недрожавшей рукой была влита холодная, вязкая и плотная по своему составу жидкость. Это не был холод обморожения с его вначале режущей болью, а затем околениванием и обездвиживанием. Нет, это был страх, холодный страх. Тот, кто первый применил этот термин для описания этого состояния, знал, о чем он говорит. Как бесстрашный вивисектор, проводящий исследования над состоянием собственного организма в момент атаки враждебных сил, мозг человека бесстрастно фиксировал все малейшие изменения в состоянии подопытного объекта.

Границы холодного и теплого полей резко контрастны и медленно смещаются от голеностопного сустава вверх по лодыжке. Легкое волнение, испытываемое доселе, начинает повышать свой градус накала, увеличивается сердцебиение, дыхание становится прерывистым.

Скорость подъема границы холода увеличилась и уже хозяйствует в районе нижней части туловища, отвоеывая все новые территории. Страшно. Каждый шорох в траве, создаваемый пробегающей мышью, ощущается как угроза

и заставляет вздрагивать. «...Крепись, парень, то ли еще будет...»

Граница холода железной хваткой скрестила свои костлявые пальцы на горле. Паника. Шум в ближайшей траве выказывает приближающихся со всех сторон хищных зверей, готовых в любой момент напасть и разорвать. «...Это, мыши, мыши,.. нет причин для паники. Это мыши... Нож и топор рядом со мной, я так легко не дамся, больше света! Больше огня!!!» Сердце готово выпрыгнуть из груди, пульс набатным колоколом гудит в ушах. Граница страха неуклонно ползет вверх.

Все. Страх полностью накрыл человека с головой. Ужас, первобытный ужас. В свете полыхающего высоким пламенем костра металась одинокая фигура. Побелевшими от напряжения пальцами она сжимала нож и рукоятку топора. Хаотично передвигаясь по поляне, человек непрерывно крутится вокруг своей оси, вероятно, ожидая ежесекундно атаки сзади и желая встретить нападавшего лицом к лицу. Расширенные глаза в колеблющейся от порывов ветра траве видели приготовившегося к нападению хищника. Чуткое ухо различало быструю пробежку когтистых лап, приближающих их хозяев к вожденной добычи в лице человека. Круг светящихся из темноты голодных алчущий глаз все теснее смыкался вокруг одинокой фигуры. Что это было? Воздух с шумом вырывается сквозь стиснутые зубы человека, или тигра столь близко подобралась к жертве, что он уже ощущает ее дыхание? «... Это мыши, парень... Это мыши...»

Воинственные пляски при свете костра под названием «Эх, порублю всех в капусту» продолжались какое-то время. Каким он был этот отрезок времени — наш испытуемый не знал, время, когда происходили эти события, подчинялось совсем другим законам. Для человека это была целая вечность, но всему приходит конец, даже этому ужасу. Ярko выраженная граница холода покатила вниз. Фи-

гура человека остановилась, все еще дико озирая поляну, как арену несостоявшегося ристалища с материализовавшимися существами ночных кошмаров. Все симптомы, что предшествовали подъему холодной волны, повторились, только в обратном, зеркальном порядке. Вот холодная субстанция страха облепила погребальным саваном плечи, и фигура на подгибающихся ногах проковыляла к бревну, что служило сиденьем, и без сил рухнула на него. Холодная волна откатывалась в свои мрачные бездны, и с каждым сантиметром ее отступления картина окружающего мира разительно менялась. Ужасающие образы монстров, со всех сторон окружающих поляну, отступали, их плотоядный оскал, блистающий кинжалами клыков, схлопывался, исчезал в ночной темноте, шерсть, вздыбленная на их загривках, опадала и даже начинала менять свой цвет с полосатого тигриного окраса на буро-красноватый. Да и сами эти чудовища становились все меньше и меньше, и вот наконец они опять превратились в лесных мышей, безобидных существ, даже и не подозревающих о том, до каких устрашающих размеров они вырастали совсем недавно в глазах оглушенного мистическим мороком человека.

Действительно, для волнения не было ни малейших причин, только мыши сновали в траве и ЛЕС жил своей ночной жизнью, и для его обитателей человек не представлял гастрономический интерес. Но сам ЛЕС жестко проверял пришельца на прочность, с безошибочной точностью зная, зачем и с какой целью человек вторгся в его пределы.

Он пришел сюда, чтобы узнать и раскрыть секреты Леса. Свои секреты Зеленый Властелин раскрывает только посвященным. Если твои помыслы чисты и порыв стремления к разгадке тайн не иссякнет, то ты выдержишь это испытание, но за ним грядут следующие.

Часть 9

Бурьянные волки

Глава 1. Неразумный юнец, что с топтыжки удалец!

Самый первый раз человек прошел через это испытание в свои юные 17 лет. Наделенный от природы хорошими физическими данными, он представлял из себя уже сформировавшегося не по годам молодого человека, который уже сам к этому времени зарабатывал на существование. На основании этого завышенное самомнение позволяло думать о себе как о совершенно взрослом человеке, которому по плечу решать любые самые сложные задачи и достигать какой угодно цели. Но это было заносчивое мнение медведя-пестуна, по терминологии охотников так называется молодой медведь-однолетка. Такой топтыжка по комплекции мало чем отличается от его более взрослых сородичей, может быть, немного поменьше по размеру, да окрас шерсти более рыжий, у взрослых медведей он бурый. Но у его человеческого собрата по уровню жизненного опыта визуальное отличие от зрелых мужчин было нивелировано. Юнец мимикрировал под образ бывалого мужчины и носил усы, что там усы — усищи! Ну о-очень взрослый, ни дать ни взять! Но по умственному развитию — что медведь-пестун, что этот юнец были сродни. Их объединяло понятие того, что сила и напор сметут все препятствия на пути. Молодой топтыжка в это время пытается помериться силами со всеми обитателями леса, включая и своих сородичей. Нападая даже на вооруженных людей, без всякой агрессии с их стороны, просто проходящих в зоне его видимости. Естественно, такие экспе-

рименты для задиры часто заканчиваются плачевно. Не все молодые медведи могут дожить до возраста мудрости. Тот же самый результат мог бы постичь нашего неразумного юнца. Но ведь библейская мудрость гласит: «Если Бог простер свою длань над головой человека, то ни один волос не упадет с головы его».

Понятно, что речь идет о сохранении жизни, но вот только волос на голове по истечении какого-то времени у когда-то густо шевелюристого юнца становится все меньше и меньше. Кто это сказал? Опять «моралист» проснулся?

С юношеским максимализмом наш пышноусатый герой повествования хотел походить на своих учителей жизни — героев, искателей и путешественников, что через свой писательский талант заронили в душу молодого человека зерно устремленности к путешествиям и познанию мира. Но это были писательские труды умудренных жизнью людей, которые описывали свои приключения, преодоление экстремальных ситуаций, не раскрывая в полной мере технические детали, вопросы экипировки, всевозможные специфические советы по выживанию, например, в зимнем лесу. В частности, один из наиболее почитаемых и любимых писателей-героев в одиночку проводил много времени в путешествиях по зимнем лесу. Юному почитателю этой незаурядной личности и его писательского таланта очень хотелось походить на своего кумира. На основании слепой веры в то, что эта задача вполне выполнима и для него, неразумный человеческий медвежонок решил апробировать на себе этот опыт уже повидавшего виды человека. Но, может быть, эта отчаянная уверенность в том, что у него все получится и успех предприятия гарантирован, и спасла ему жизнь? Вполне возможно. Ведь те, кто помещает себя в условия, граничащие со смертельным риском, должны быть глубоко мотивированы на успех. Подтверждений тому множество, будь то путе-

шествие, авантюрные приключения или боевые действия. Один из великих путешественников-одиночек во время своего очередного странствования продемонстрировал это на своем примере.

Во время пересечения одного из океанов на одноместном наддувном плоту он попал в жестокий шторм, и налетевший шквал опрокинул его плавательное средство. Вынырнув рядом с перевернутым плотом, один посреди бушующего океана, он не потерял бодрости духа и вместе с первым судорожным глотком воздуха, когда его голова оказалась на поверхности, в ней, как вспышка света, зажглись упрямые слова: «Все будет хорошо!». И все было хорошо. Он возвратил плот в первоначальное положение, продолжил и закончил успешно свое небезопасное предприятие. И все рассказал нам, иначе, откуда бы мы об этом узнали?

С юношеским упрямством, желая доказать всем окружающим и особенно себе самому, что он большой и сильный и тоже готов вершить великие дела, наш упрямец вверг себя в явную авантюру, где на кон была поставлена его собственная жизнь. Вся эта эпопея продлилась двое суток и один день и закончилась удачно для забубенной головушки, он остался жив и даже здоров. Этот снежный поход не изобилвал яркими деталями и подробностями, если только в заключительной части. Ежеминутная изнуряющая борьба за выживание, отупляющая усталость и резь в глазах, как будто туда насыпали песок, от желания спать и от едкого дыма костра, возле которого наш горе-испытатель проводил основную часть времени, пытаясь как-то согреть себя, на дворе был месяц декабрь. Даже его баранье упрямство дало трещину, когда на вторую ночь его одиночного пребывания в зимнем лесу он понял, что его силы не безграничны и они покидают его, и уже эту ночь он вряд ли переживет. Собрав вещи и встав на лыжи, наш закопченный дымом лесного костра безбашенный путешественник ушел в ночь. Следа

лыжни, по которой он входил в лес, не было, ее перемела свежая поземка, было только приблизительное направление, в котором нужно было двигаться. До ближайшего жилья было около 10 км. Но его счастье, направление было выбрано верное, что в дальнейшем и обеспечило удачное окончание этого предприятия.

Движение опять наполнило горячей кровью уже одеревеневшие от холода члены молодого организма. Неширокая просека рассекала темную громаду леса на две половины. Легкая поземка колючей крупной стучала по твердой корке снегового наста. Почти полная луна на зимнем небе немного освещала стелющуюся под загнутые концы лыж снежную дорогу. Легкие облака временами скрывали ее серебряный плоский диск, и сразу все покрывала темная непроглядная мгла, но такие периоды были нечасты, и опять иллюзорно мертвенный свет заливал своим инфернальным потоком все открытые пространства ночного леса.

Отупевший от усталости ночной лыжник очень заторможено воспринимал происходящую перед его воспаленными глазами реальность. Тропление новой лыжни по снеговой целине отнимало те невеликие силы, что еще остались у путешественника. Калейдоскоп сменяющихся лесных пейзажей не изобиловал обилием красок и деталей и, как надоевший черно-белый фильм, не вызывал никаких эмоций. Зимняя дорога вывела усталого путника на край лесной поляны.

Повернув голову вправо и продолжая движение, человек усталым взором обозрел серебряный плес снегового раздолья. Совсем недалеко от наблюдателя, может быть, метрах в 50 из глубины черного леса, что окаймлял поляну, выплыла темная фигура и остановилась. Лунный свет бесстыдно обнажал каждую деталь происходящего. Резко контрастный силуэт незнакомца не мог не обратить внимания нашего путника.

Идеальный треугольник груди горизонтально нависал над снеговым покровом поляны. Лап не было видно, задних — по причине того, что животное присело, а передних — потому что они как-то терялись на фоне всей этой мощи. Атлетически мощная грудь, а на том месте, где должна быть голова, зияла пустота. «...Значит, смотрит на меня, и она скрывается за могучим силуэтом», — вяло отметил про себя усталый лыжник и, отведя глаза от иллюзиона картинок-теней, что ему продемонстрировал лес, опять впери́л свой взор в концы лыж, с монотонным хрустом перемалывающих твердый наст в снеговую крупу. «...Каков красавец...» — апатично сонно отозвалось в затуманенном от усталости мозгу. «А что это было?..» — с той же интонацией вторило в вязкой пустоте сознания. ВОЛК!!! Красный сигнал опасности сполохом лесного пожара полыхнул в голове. Лыжник превратился в одну стальную пружину, готовый выстрелить своей разрушающей мощью навстречу, тем более что такая реакция подразумевала применение этой метафоры в своем первоначальном смысле, так как человек в те далекие времена своей юности еще брал в свои лесные путешествия огнестрельное оружие. Резко развернувшись вокруг своей оси, он пронзил взором место предыдущей встречи, готовый в любой момент ударить громовой яростью свинца по надвигающейся опасности. Но ее не было, по крайней мере, в видимости. Зверь ушел в лес, и не исключено, что в данный момент находится еще ближе, чем в первый раз, уже надежно скрытый за стеной леса.

Дальнейшее продвижение в неизвестность не было уже таким тягостно унылым. Взбодренный неожиданной встречей, наш путешественник настороженно обозревал окрестности ночного леса, что вплотную темной массой навис над просекой, с высоты своих хвойных голов неприязненно рассматривая маленькую шевелящуюся запятую на чистой строке белоснежной просеки.

Понимая, что в этом соперничестве в смертельной игре в прятки-догонялки человек находится в невыгодной позиции, так как волк был на своей территории, наш азартный игрок в смертельные игры все равно успокаивал себя, что он может вовремя заметить хищника и выстрелом из ружья пресечь роковой прыжок. Как он был наивен! Совсем скоро лес расступился и вытолкнул человека, как какое-то инородное тело из своего организма. Насколько хватало глаз, а в зимнюю ночь обзор был не столь велик, чистое пространство степного простора перемежалось с небольшими куртинками леса. Увиденное обрадовало путника, так как на открытом пространстве, да еще подсвеченный светом луны, любой приближающийся хищник был бы виден издали. Все еще двигаясь вдоль опушки основного массива леса, из которого он вышел, человек шарил обостренным взором по горизонту, пытаясь увидеть какие-то признаки жилья: свет огня, лай собаки и тому подобные косвенные признаки, что указывают на близость деревни. Тщетно, только серая мгла и темные полосы перелесков пунктирами очеркивали горизонт.

Как это часто бывает, опушка леса густо поросла кустарником, и вдоль ее плотной стены покачиваясь двигалась одинокая фигура человека. Ружье, взятое наперевес и взведенное для немедленной стрельбы, оттягивало руки и к тому же чрезвычайно затрудняло передвижение.

Человек ожидал нападения каждую секунду, но то, что произошло в следующий момент, наглядно показало всю тщетность приготовлений и его полнейшую уязвимость. Стена кустарника была в двух шагах от лыжника, с левой стороны.

Что то серое и приземистое отделилось от черной границы леса и прыгнуло под ноги лыжнику. Крупный заяц-беляк не выдержал испытания страхом, и вместо того чтобы пропустить путника, который даже не подозревал о его присутствии, выпрыгнул прямо ему под ноги. Частенько

для красного словца рассказчик приукрашивает свое повествование явно надуманными подробностями. Но жизнь порой закручивает такие сюжеты, что может посрамить любую буйную фантазию.

Так было и здесь. Обезумевший от страха заяц своими сильными лапами взбил в снежную пену и так уже разрушенный наст над лыжами, ударившись когтями о лакированную древесину, забуксовал на неожиданной доселе преграде. В полном ужасе и непонимании того, что происходит, он бился на деревянном лакированном подиуме, прилагая отчаянные попытки вырваться из этого заколдованного места. На его беду, это были специальные широкие охотничьи лыжи. У зайцев тоже есть когти на лапах, пусть не такие большие, как у волка, но тоже достаточно приличные для того, чтобы обеспечить надежное сцепление с землей или снегом. В данной ситуации они не могли нащупать надежную опору и с грохотом колотили по лыжам, да так, что дрожь передавалась даже ногам лыжника. В одну из секунд его вынужденного плена зверек не удержался на лапах, поскользнулся и упал на бок, продолжая отчаянно мельтешить лапами в воздухе. Все-таки его попытки переломить критическую ситуацию увенчались успехом. Передние лапы захватили кусок твердой снеговой поверхности, и заяц рывком выбросил себя на волю.

Широкими махами уходил он от этого гиблого места и очень быстро исчез с глаз. Все это представление заняло три с половиной — четыре секунды. Но это были те секунды, что сродни отрезку времени, когда парашютист летит в свободном падении, считая эти секунды, чтобы выдернуть кольцо и раскрыть купол. Какие они длинные, эти секунды, особенно если эти прыжки первые в жизни.

Ну а что наш юный герой? Вильгельм Тель, Монтигомо Ястребиный Коготь, Виннету со всеми своими Инчу-Чунами — вся эта теплая компания в одном лице ошалевшего от неожиданности ночного скитальца стояла, заме-

рев как соляной столб, и судорожно вцепившись в ружье, прижимала его к груди. Оглушенное происходящим тело даже не попыталось предпринять попытку воспрепятствовать нападению, и будь на месте зайца что-то посерьезнее, например, тот же волк, ночное пиршество для него было бы обеспечено. Обтекающая холодным потом жертва внезапного нападения еще какое-то время не могла прийти в себя. Уже заяц своими, только ему присущими махами отмерил немалое расстояние от места столкновения с человеком, а последний все стоял неподвижно в этой нелепой позе, как памятник безрассудства юности.

Немалыми усилиями воли это извятие авантюрного предпринимательства разогнуло руки с оружием, как оказалось, только психологического псевдоуспокоения. Пропитанная потом и влагой от подтаявшего снега и схваченная ледяной корочкой одежда со скрипом и легким скрежетом принимала новое заданное ей положение, еще более подчеркивая иронический кладбищенский колорит всей этой картины. Издавая потусторонние звуки, статуя тяжелой походкой командора двинулась в том направлении, куда унес свои ноги, наверное, еще более окосевший от вновь обретенной свободы заяц. Только вместо громовых раскатов поступи каменного гостя под низким ночным зимним небом опять раздался треск наста, ломаемого лыжами, скрип креплений и шуршание заледеневшей одежды — популярнейшая мелодия из репертуара зимних лыжных путешествий.

Ночь была длинна и бесконечна, казалось, на всей планете остался в живых один-единственный человек, космический холод уничтожил все теплые людские поселения, поэтому бесполезно сверлить взглядом горизонт в поисках искры, огонька, лучика света. Ничто и никто тебе не поможет. Ты — один, ты — последний. Твой удел — идти только вперед, пока ты не упадешь, но вероятнее всего,

ты ходишь по кругу, как все заблудившиеся. Впрочем, как и все заблудшие в этой жизни...

Глава 2. Пытка страхом

ЛЕС принял решение продолжить процесс образумления и воспитания неразумного людского детеныша. Он возымел намерение преподать ему такой урок, который бы у него остался в памяти на всю жизнь и сподвиг бы его более тщательно, основательно и глубинно подготавливаться к встрече с его Зеленым Могуществом. Вот тогда наш юный человек впервые ощутил на себе всю мощь океана ужаса, чьи волны накрывали его с головой, под чьим тяжелым спудом он барахтался, не в силах выбраться на поверхность и хлебнуть глоток живительного воздуха. Даже когда вал откатывался назад для нового разбега, испытываемый безнадежно барахтался, как щепка в пене прибоя, не в силах совладать со стихией, с тоской обозревая новую стеклянную стену волны, с ревом и грохотом надвигающуюся на него.

Пытка страхом началась сразу же, как только лыжник вышел на ровное пространство. Обрадованный перспективами хоть как-то обезопасить себя от нападения, он совсем немного ослабил в себе пружину напряжения, что звенела где-то внутри его естества, придавленная тяжелым грузом свалившихся на его голову испытаний. И тут что-то холодное внутри его стало подниматься от стоп ног и выше. Первоначально это было ощущение какой-то вязкой холодной трясины, в которую наш испытываемый проваливался все глубже и глубже. Любопытство, волнение, страх, паника, ужас. Вся гамма чувств, от самого безобидного до невыносимо ужасающего, заставила за какой-то достаточно короткий промежуток времени содрогнуться

до основания весь организм человека. В процессе всего испытания лыжник не прекращал упрямо движение вперед, только в момент, когда волна страха накрывала его с головой, останавливался и исполнял популярный среди всех испытуемых круговой хаотический танец, который отличался только названиями в зависимости от того, какой вид оружия оказался под рукой в данный момент.

Сейчас этот хит танцевального зимнего лыжного сезона назывался «Э-эх, всех застрелю!» (Нашему теляти — волка поймати! (ремарка «моралиста»)). После откатывания волны в свое исходное вместилище страха, человек в очередной, который уже раз замечал для себя, что вокруг него все тихо и спокойно, даже близко не замечается ни единого проявления жизни, только ветер шевелил прошлогодний бурьян, да поземка секла обмороженное лицо. Ни волчок-серый бочок больше не вызывался поиграть в переглядки со старым знакомым, ни зайка-побегайка не выражал желание еще раз испробовать на прочность древесину лыж. Но как только ужас в очередной раз лишил человека рассудка, заросли бурьяна срывались со своих насиженных мест и уже в образе волчьих стай наметом неслись по просторам снежной пустыни.

Вот так, останавливаясь на какие-то минуты, чтобы отбиться от бурьянных волков, наш путешественник и продолжал свое движение. Первоначальный план и смысл всего этого ночного предприятия был таков: быстро пройти эти 10 километров, что отделяли его от жилья, и пусть за полночь, но уже отдыхать в тепле и уюте деревенского дома. Но расчетное время, за которое он предполагал покрыть это расстояние, уже давно закончилось, и даже близко не ощущалось присутствие жилья. Лыжник понял, что он заблудился и ему предстоит провести вторую ночь в негостеприимном зимнем лесу. Углядев недалеко от себя темнеющий лесок, лыжник решил проложить свой маршрут по направлению к нему. Уже находясь в непосред-

ственной близости от купы деревьев, взглядом человек неожиданно зацепился за странный предмет, стоящий в небольшом отдалении от леса. Предмет явно был не природного происхождения, слишком округлым и ровным был его силуэт. Приличной высоты стог сена, напоминающий своей архитектурой юрту степного кочевника, мог при определенной доработке предоставить сносный ночлег для усталого путника.

Пережив очередной набег серо-бурынных волков, человек принялся за обустройство своего временного жилища. Нужно было каким-то образом проделать в этой сеной юрте вход, выбрать изнутри стога сена, насколько позволяют силы и возможности, и создать полость для ночлега.

Затем, уже расположившись внутри, нужно плотно запечатать вход в импровизированную пещеру тем материалом, что был извлечен изнутри стога. Нехитрый и не единжды испробованный способ, который был апробирован другим людьми, но для нашего путешественника это был единственный выход, так как лес, вблизи которого стоял спасительный стог, был скорее лесок, березовая релка, в которой и количество, и главное, качество сухого топлива для костра желало быть больше и лучше. Было уже далеко за полночь, но до утра было еще далеко, и при таком раскладе дел наш юнец мог бы и не встретить будущий рассвет.

Стог сена оказался старым и слежавшимся. Попытки прорваться внутрь спасительного убежища закончились полным фиаско. Колючая щетина травы, обильно нашпигованная снежной крупой, не хотела покидать свое насиженное, то есть належанное место. Жалкие клочки сена, которые в упорной борьбе человек отвоевал у стога, лишь на малую долю приблизили его к вожденной цели. Резать ножом или рубить топором тоже было бесполезно, от продольных пластов слежавшейся травы эти надежные

помощники при решении других задач отскакивали, как от резиновой стены. Расходовалась драгоценная энергия, которая уже была на исходе, результат был минимальным, точнее сказать, никаким. Оставалось испробовать последний вариант — забраться на самую вершину стога и оттуда сверху пробурить колодец в самую середину копны. С немалыми усилиями покорив травяной Монблан, человек даже на какое-то время почувствовал себя в безопасности, с высоты высокомерно поглядывая все-таки настороженным взором на серые тени, выскочившие в очередной раз из небытия и в растерянности снующие вокруг стога, вынюхивая неизвестно куда исчезнувший след человека.

Крыша стога тоже не порадовала легкостью исполнения задуманного. Но все-таки верхние пласты сена не были такими слежавшимися, как их нижерасположенные собратья. Дело пошло более споро, и нож как раз являлся необходимым подспорьем, помогая разрыхлить и перерубить стебли травы. Прорубив колодец глубиной приблизительно по грудь человека, он вконец выдохся и изнемог. Осмотрев оценивающим взором количество сена, извлеченное в процессе дноуглубительных работ колодца, он остался доволен увиденным. Количества теплоизоляционного материала хватало. Желательно, конечно, чтобы его было побольше, чтобы набросать себе на оставшуюся не закрытой голову и плечи и создать какой-то барьер или бруствер от пронизывающего холода зимней ночи. По толщине и плотности он, конечно, уступал основному монолиту копны, но уже выбирать не приходилось.

Уставшие ноги уже больше не несли человека навстречу неизвестности, они наконец-то получили давно заслуженный и долгожданный отдых. Тело, изнуренное напряжением последних суток борьбы за жизнь, провалилось в полуобморочный сон.

Какие там волки, какие там страхи, мертвое от усталости тело уже ничем нельзя было испугать, оно находилось за гранью понимания всего и вся.

Холодно. Мерзнут голова и руки. Кончики пальцев на руках выламывает тупая боль. Это хорошо, значит, они еще не отморожены до конца. А вот нос, длинный любопытный нос почему-то совсем не реагирует ни на что. Э-э-э, да ты, друг, совсем превратился в сосульку, надо тебя согреть. Ага-а, больно, замечательно! Жить будем!!!

Человек посмотрел на часы. Здесь его не было почти два часа. Нижняя часть тела, погруженная в плотную массу сухой травы, чувствовала себя замечательно. А вот с верхней все-таки были проблемы. Количества сена не доставало для того, чтобы плотно укутать человека и перекрыть все лазейки для всепроникающего морозного ветерка, уносящего частичка тепла на своих льдистых крыльях. Время близилось к рассвету, осталось совсем немного потерпеть, но это было самое холодное время за весь период долгой зимней ночи. Приземный озоновый слой переставал согревать своим оберегающим покрывалом земную поверхность, потому что перед восходом солнца менял свое местоположение, поднимаясь в более высокие космические сферы. И невероятный холод из этих областей опускался на и так выстуженную землю. Студеный предутренний ветер растрепал и унес редкие снеговые облака, и в звенящей хрустально-льдистой бездне предутреннего неба сияли звезды, переливаясь всеми гранями ледяных кристаллов. И было очень холодно. Как бы ни умоляло усталое тело об отдыхе, невозможно было расслабиться, слишком много сил было истрачено в борьбе за жизнь, все резервы были исчерпаны, да и ел наш странник последний раз вчера вечером, хотя чувство голода его не мучило, настолько был высок эмоциональный подъем. Выбора не было. До рассвета оставалось, наверное, час. Но тело уже не могло терпеть эту пытку холодом, нужно было менять место дислокации.

Ну что ж, прощай, благословенная травяная юрта, чьи душистые жесткие и мягкие стебли согревали своими вос-

поминаниями о теплом лете обожженное зимней стужей тело заблудившегося путника. Медленно, как ожившая после зимней спячки саламандра, тело человека вытягивало себя наружу из теплой травяной норы, что неплохо согрела нижнюю часть человека в эту морозную ночь. До того момента как путник погрузил свои замерзшие члены в теплые объятия этого природного термоса, вся его одежда была покрыта снеговой крупой и ледяной корочкой из уже растаявшего этого несъедобного дробленого ледяного зерна.

Достаточно комфортная температура, царящая в глубинах травяной кладовой, и тепло собственного тела растопили этот снежно-ледяной панцирь и увлажнили одежду на всю глубину прилегания к телу. Когда тело находилось в покровах травяной юрты, это ощущалось как влажное, но согревающее тепло. В данный момент этого символического рождения человека в новый день он, исторгнутый из теплого материнского лона стога, попадая в ледяные объятия действительности, был обречен на замерзание, если не предпримет немедленные, экстраординарные усилия для обогрева.

Скатившийся по стогу сена вниз, как по желобу детской горки, уже в момент касания ступнями ног заснеженной поверхности земли юнец почувствовал на самом себе, что может ощущать человек, окунувшийся в ледяную прорубь. Тугой студеной ветер предутренней поры сразу же пронзил своими ледяными кинжалами теплую плоть смертного создания и превратил его мокрую одежду в ледяной панцирь. Даже сама мысли заледенела и лишь затухающие искры сознания отдавали свое последнее тепло мышцам, скованным оцепенением, побуждая их к движению под спасительный кров леса.

Очень медленно, почти не отрываясь ступни ног от земли, фигура человека, покачиваясь и издавая скрежущущие звуки, в ледяных латах замерзшей одежды все-таки достигла спасительного березового колка. Как ни ве-

лико было желание сразу же на опушке возжечь спасительное пламя, инстинкт выживания погнал ледяную струю вглубь леса под защиту деревьев, которые создавали какую-никакую преграду ледяному ветру. Разбросав ногами мягкий снег и оголив твердокаменную поверхность земли, человек с треском стал обламывать нижние сухие ветки деревьев и бросать их в центр черного круга. Не было сил для сбора хвороста для полновесного костра, тело уже ничего не чувствовало, нужен был немедленный тепловой импульс для возвращения к жизни. Сухая трава, почти высохшие метелки очень подходили для инициации этого животворного процесса, пружинистой шапкой легла на приготовленный хворост. Резервная коробка спичек, окутанная во влагонепроницаемый пакет, всегда находилась у путешественника при себе. Негнущимися пальцами он вскрыл пакет и попытался произвести тонкие манипуляции по открыванию коробка, доставанию и зажжению спички. Не получалось! В пальцах не было ни прежней силы, ни ловкости, ни гибкости. Человек уже не помнит, как он наконец-то зажег спичку, сознание уже провалилось в темную бездну, так притягательно приглашающую прекратить эти никчемные попытки и лечь отдохнуть на такой обворожительно мягкий снег.

Веселый маленький огонек с треском вгрызся в предложенную для его пропитания шапку сухой травы. Угощение пришлось ему по вкусу, и он с любопытством перепрыгнул на охапку хвороста, желая удовлетворить свой разгорающийся аппетит. Сухая масса затрещала под нажимом огненных клыков и выдохнула в сторону склонившейся над костром фигуры первую порцию горячего воздуха, возродив в нем этим горячим прикосновением дыхание жизни. Человек опустил в эпицентр разгорающегося пламени руки. Больно не было. Неужели совсем обморозил?

Нет! Тупая боль запульсировала на кончиках пальцев и заставила отдернуть кисти рук. Теперь ноги.

Недалеко от костра из-под снега сухая березовая колодина горбила свой хребет, приглашая уставшего путника присесть на нее. Огонь уже набрал силу и грозил в скором времени уничтожить припасенную для него пищу. Нужно было быстро выяснить, в каком состоянии находятся ноги, и быстрее заняться заготовкой дров. Скинув обувь, он проделал ту же операцию, что он предпринял для реанимации рук. Предварительно сняв носки, оказавшиеся абсолютно мокрыми, он подвесил свои мертвенно-бледные и холодные ступни ног над пламенем костра. Ответ на поставленный вопрос (или подвешенный, что вернее) пришел немедленно. Горячо и больно! Это радует! Будем жить!! Есть еще время подсушить носки — и за работу!

Мокрая одежда под жгучим прикосновением искристой энергии костра густо парила, унося в клубах горячего тумана смертельную промозглость, пропитавшую каждый ее сантиметр. Носки и обувь прокалились до сухого хруста и мягко отдавали ногам саккумулированное от огня тепло. Но животворное тепло расслабило окоченевшее тело, и опять ужасно захотелось спать. Согнутое в позе «кучера» тело сидящего вблизи костра на березовой колоде клевало носом, и такая расслабленность грозила падением засыпающего от усталости человека в костер. Что уже чуть было несколько раз не произошло.

Уже в самый последний момент, когда жар костра касался лица человека, падающего в его горячие объятия, какая-то внутренняя скрытая пружина подбрасывала обмякшее тело и возвращала его в первоначальное положение. Жертва Морфея на несколько секунд просыпалась, ошалело оглядываясь по сторонам, пудовые веки смыкали взор, и опасные качели сна опять продолжали раскачивать полубезвольное туловище, с каждым разом увеличивая свою амплитуду, грозя обрушить обмякшее тело в костер, который в данный момент в один миг мог превратиться

из теплого друга в огненного инквизитора. В самый последний момент, когда уже казалось, что беда неминуема, так как человек полностью погрузился в объятия сна, человек упал, или что-то уронило его, но не вперед, а в бок. Ударившись о бревно, на котором он сидел, а затем, скользя по нему всем телом, он воткнулся разгоряченным лицом в колючий снег.

У-у-ф-ф. Хорошее пробуждение. Отрезвляющее. Не хватало еще к обморожению присовокупить и ожоги. Хватит расслабляться. Пора в путь. Доберусь до жилья, там и выплюсь.

Вдев ноги в крепление лыж, набросив лямки рюкзака на плечи, занывшие непрошедшей болью от вчерашних трудов, лыжник заставил полностью дезорганизованное тело продолжить начатое накануне путешествие. Яркое утреннее солнце искрило снег, слепя и так воспаленные глаза.

Широкие просторные поля и перелески до горизонта, и ни единого признака жилья. Ну что ж, будем искать, как говорил герой одного популярного кинофильма.

Удача не покинула нашего юного путешественника. Оглядевшись повнимательнее, он понял, что находится на гигантском склоне какой-то возвышенности, и всю ночь он шел вверх, медленно набирая высоту, сам того не замечая. Вершина возвышенности была совсем рядом, где-то в одном километре, и уже на противоположном склоне можно будет найти ответы на мучившие его вопросы «где я?» и «куда мне идти?». Так оно и получилось. Бодрой рысью преодолев оставшиеся до вершины метры, остановившись на самой ее верхней точке, он со всевозрастающей надеждой и радостью стал всматриваться в открывшиеся ему взору снеговые просторы.

Сразу же бросались в глаза первые признаки человеческой деятельности. Высоковольтная ЛЭП, широко расставив опоры ног, шагала стройной колонной куда-то

по направлению к горизонту. И левее этой энергонесущей компании, тоже почти на границе земли и неба, пятнала чистый горизонт дымами своих печных труб деревня. Та самая, куда так отчаянно стремился этой ночью наш заблудившийся медвежонок-однолетка. Как это часто случается, совсем немного оставалось до конечной цели. Если, конечно, брать во внимание, что это «немного» и были эти злосчастные 10 км. И не попадись ему на пути этот стог, нашлись ли у него силы для преодоления этого расстояния? Кто знает, может, да, а может, и нет. К тому же в прошедшую ночь видимость по горизонту чрезвычайно сужала разгулявшаяся легкая метель, и уставшие глаза путника могли бы и не заметить слабые отблески деревенских огней на таком расстоянии.

Ну что ж, рассказ об этом зимнем приключении, скорее, аванюре близится к концу. С воодушевлением отставив оставшуюся часть пути до искомой цели, по истечении не менее чем 4 часов, наш лыжник пересек воображаемую финишную черту. Наверное, это было больше, чем 10 км, тем более что важен был сам результат, а не пройденное расстояние. За спиной остался разлохмаченный стог сена, остывшие костры, извилистая лыжня, изнуряющая усталость, отчаяние, страх и ужас, пережитые этой ночью. И неизгладимый след в душе, сохранившийся на всю грядущую жизнь, что оставляют после себя все вышеперечисленные и выстраданные эмоции.

Часть 10

Извечный экзамен жизни

Темная волна страха в очередном закономерном и привычном ритме отступила, предоставив измученному испытываемому короткую передышку. Длинная весенняя ночь подходила к своему завершению. Ничего материально осязаемо опасного в течение этой ночи с человеком так и не произошло. Где-то далеко за полночь в гости к нему наведалься олень, вероятнее всего, наш путешественник установил свой лагерь на излюбленном месте ночевки этого красивого животного. Не желая оставлять без ответа факт незаконной оккупации поляны, раздраженное парнокопытное бурно выражало свое недовольство. Скрывая свое стройное тело за деревьями, но где-то совсем в непосредственной близости от вероломного захватчика, олень отрывисто и резко лаял. Именно лаял, очень похоже было на собачий лай, но без присущей последним модуляций на повышение и понижение тембра. Как-то очень незамысловато и монотонно. Расхристанные нервы испытываемого, который в этот момент находился в периоде кратковременного отдыха и ожидания прихода новой волны, не могли стерпеть посягательства на его столь хрупкий и кратковременный покой. Выбрав суковатую палку поувесистей, наш знаток лесных городков запустил свою импровизированную битую в направлении противного оленьего бреха. В процессе своего скоротечного полета палка-суковатка, ударившись об первое препятствие — дерево, с сухим треском отскочила от него и уже по затухающей траектории отбила свой сольный барабанный ритм на близко стоящих его собратьях. Последнее испуганное взбредивание, и шум убегающего скандалиста были отве-

том на эту звуковую атаку. Выполнив эту операцию возмездия за свой нарушенный внутренний покой, человек отдал себе отчет в том, что это было одно из подтверждений, может быть, самое весомое, что крупных хищников нет в опасной близости от поляны, иначе бы лесное животное с его более тонким обонянием давно бы их учуяло и ни на шаг не приблизилось к опасному месту. «Все равно он „козел“», — мягко ругнулся про себя принужденный к бессоннице полуночник, и он был прав дважды: первый раз, что нельзя испытывать терпение и трепать нервы в столь неподходящий момент, ну а второе — этот вид оленя местные жители так и называют «коза». Хотя ничего в благородном облике лесного оленя не роднит их с чертоподобным видом их домашнего сородича. Так что ночной лай мог издавать представитель мужской особи, значит, «козел»!

Человек улыбнулся про себя, увидев, что несмотря на сильное нервное напряжение, не утратил чувство юмора, и уже в который раз за эту бесконечную ночь ощутил мертвенный холод, в который стали погружаться его ноги. Когда же это закончится наконец-то? Наверное, скоро. Свет звезд поблек и черно-аспидное небо посерело. Скоро рассвет. «Держись, парень!»

Утро. Было еще сумеречно, но восходящее светило уже гладило своими розовыми пальчиками вершины деревьев. Тигромыши, или мышотигры, завершали свои ночные хлопоты. Последний раз попугав своей несуществующей звериной мощью человека, они и в завершении своей ночной страды по-хозяйски осматривали все потаенные уголки своих мышинных троп, перед тем как отправиться на заслуженный дневной сон.

Человек был сильно изнурен событиями прошедшей ночи. Последняя атака ничем не отличалась от всех предыдущих. Было только одно отличие. В момент наивысшего накала человек уже не плясал в ритме шаман-

ского камлания, а сидел напряженно на бревне, крепко сжимая в руках такие никчемные фетиши обороны от ирреальных мистических сил нападения. И это изменение геолокации объяснялось не тем, что он так осмелел, а банальной усталостью и связанным с ней каким-то притуплением ощущения страха. Только чай поддерживал его истязуемое тело и дух в черноте этой ночи. На то, чтобы приготовить этот напиток, единственно хватало этих кратких минут затишья перед очередной бурей. Но есть и не хотелось. Темная энергия страха схлестывалась на поле битвы, которым стало тело человека, со светлыми энергиями, которые наш испытуемый тоже ощущал в себе, и чьи успокаивающие увещания в нереальности и иллюзорности опасности он мог услышать в своем естестве, клокочущем от ураганной атаки. Но эта помощь могла быть действительна только до определенного момента. В наивысшей, ужасающей точке накала приступа, когда черная пелена накрывала человека с головой, никакой голос благоразумия не мог достучаться до его оглушенного сознания.

Утреннее солнце успокаивающе мягко осветило поле ночной брани, которым на этот короткий по времени и такой бесконечно длинный по состоянию стала лесная поляна. Отголоском прошедшего шторма море небытия тяжелыми ударами своих темных волн дробило антрацитово-мрачные прибрежные утесы несознания. Этот гул и подземная дрожь вибрационно резонировали с внутренним состоянием, вызывая мелкую и неприятную дрожь. Срок, отмеренный внутренним хронометром до начала очередного шабаша темных сил, истек, и пришло понимание того, что все на сегодня закончилось. Будет ли продолжение всего этого кошмара в следующую, грядущую за этой ночь? Непонятно, так как при первоначальной встрече с этим мистическим явлением в далекие юношеские годы наш испытуемый не смог это узнать, потому что на следу-

ющую ночь он уже находился в тепле и безопасности человеческого жилья.

Несмотря ни на что, потрясенный, измочаленный физически и душевно выпавшими на его долю испытаниями, но не побежденный герой нашего повествования не отказался от своего первоначального плана и принял решение продолжить путь в глубину горной страны, чьи вершины так притягательно сидели на горизонте. Будь что будет! Прожитые годы и накопленный жизненный опыт преобразовали юношеское упрямство в упорство, которое, по сути, и было упрямством, но обогащенное знаниями и превратившееся в силу, которая помогала выполнить все самые сложные задачи и достигать пусть даже самых нереальных целей. Это сила не давала упасть в изнеможении усталому путнику и заставляла делать шаг за шагом вперед к своему горизонту, к своей цели и мечте.

Но ни о каком дальнейшем продолжении пути, по крайней мере, в ближайшие полдня не могло быть и речи. Необходимо было восстановить силы и отдохнуть. Палатка, всю ночь ожидавшая своего неугомонного постояльца, наконец-то только утром впустила под свою сень смертельно уставшего путешественника. Он без сил, не раздеваясь, рухнул на расстеленный загодя спальный мешок и забылся в сонном обмороке без сновидений.

Место для установки палатки было выбрано идеально с точки зрения отдыха в ночное время. Открытое пространство позволяло беспрепятственно подойти к ней с любой стороны. Но сейчас, в яркий весенний полдень, лучи солнца безжалостно нагревали парусиновую крышу, не прикрывшую тенью от окружающих поляну деревьев. Внутри парусиновой жилища было еще невыносимей. Воздух внутри прогрелся до температуры парилки финской сауны. Так что пробуждение было не самым приятным. Обливаясь потом, в промокшей до последней нитки

одежде, человек покинул негостеприимное убежище. Что-то это же напоминало? Ах, да!

Студеное декабрьское утро, но только отчасти. Прохладный весенний ветер не сковал смертельным панцирем промокшую одежду, а наоборот, приятно остудил разгоряченное не в меру тело. Холодная снеговая вода лесного ручья, зачерпнутая ладошками и обильно и тщательно умывшая пылающее лицо, быстро возвратила распаренного полуденника в состояние бодрой работоспособности. Здоровое чувство голода требовало своего удовлетворения. Ничто во внутреннем существе человека не выказывало присутствия каких-то негативных эмоций и вибраций. Зеленый шум леса, звук серебряных колокольчиков, что издавал бегущий лесной ручеек, пение птиц, само солнце было радо появлению из раскаленной утробы палатки этого чудо-юдо и весело смеялось над его чумазой физиономией. Измазанной сажей костра и расчерченной обильными следами ручьев пота, которых с человека сошло, наверное, больше, чем 7.

Раздевшись до костюма Адама, человек совершил омоложение в чистых водах этой лесной купели. Каждая капелька животворной влаги, искрящаяся отраженным светом солнца, концентрировала в своем естестве скрытую энергию светила, несла также и природную память обо всем своем проделанном сложном и долгом пути, до того момента, как она попала в искристый поток. Холод и озоновое дыхание небесных сфер, где наша капелька порхала в очаровательно лучистом костюме снежинки и в торжественном вальсе с себе подобными медленно опускалась на кроны леса.

Недолгий зимний сон сменился бурной весенней суетою, когда бывшая снежинка опять превратилась в серебряную слезу зимы, плачущей о краткости своего бытия. С детской непосредственностью забыв о краткосрочной печали своей матушки-зимы, резвясь и играя,

перепрыгивая с камушка на камушек, с травинки на травинку, маленькая путешественница в компании таких же, как она сама, непосед, сверкающих как маленькие бриллианты, своим серебристым голосом слагала гимн весне. И каждый маленький камешек, каждая пружинистая травинка видели в этой сереброголовой путешественнице благодарного слушателя, которому они в кратковременный миг их встречи поведывали истории своей жизни, и обогащенная этими знаниями наша капелька устремлялась дальше, к новым встречам и новым историям.

Этот аллегорический рассказ из жизни маленькой капельки воды, несмотря на свою сказочность повествования, имел в своей основе реальную действительность. Ментальность, или память воды, отмечали все просвещенные умы, да и упоминания в сказках о живой и мертвой воде тоже имеют под собой реальную почву. Пить и умываться из источника, что вытекает из земли, например как родник, или течет как ручей, — очень полезно и правильно. Это просто аксиома, и вероятнее всего, не найдется ни одного оппонента этому утверждению. Существует необычайно удивительный пример, когда в характеристике одной и той же воды слились воедино два понятия — живая и мертвая вода.

В одном из мест нашей благодатной Матушки-Земли из ее глубин пробил себе дорогу целебный Родник. Издревле люди пили его воду и отмечали, что после ее употребления многие болезни отступали, а некоторые люди излечивались полностью. Слава об этом природном чуде далеко разнеслась по округе, и множество страждущих стремились испить целебной влаги. Во все времена были, есть и будут люди, которые имеют особенное видение на действительность. Видение внутренней, тонкой сути происходящего, явлений и вещей. Одного из таких ясновидящих попросили сделать анализ на основе того, в чем он видит истину этого

явления. Увиденное провидцем, а затем услышанное из его уст сообщение поразило многих. Это была «мертвая вода» по классификации из сказок. Все окружающие Родник территории были дном высохшего древнего моря и на большие глубины представляли из себя пласты древних донных отложений. Родник, пробив себе путь через это братское кладбище древнейших обитателей моря, пропитался информацией смерти, и человек, вкусивший этот информационный напиток, получал резкую встряску, как бы своеобразную прививку смертью. И какой бы ни был организм угнетенный болезнями, он мобилизовывал свои скрытые резервы и заставлял организм выздороветь.

Удовлетворив свое информационное любопытство, люди не перестали посещать это благословенное место, и многие в дальнейшем не вникали более в глубинную суть явления, а единственно — получали исцеление, уповая на божественное чудо, и были правы!

Да, то, чем был занят в данный момент человек, — было совершении обряда омовения. Именно обряда и именно омовения. Не купания, не умывания, или как еще называть эту гигиеническую процедуру.

С благоговением и глубочайшей Верой в силу и действенность этой процедуры очищения не столько от грязи материальной и осязаемой, а более чем от темного морока небытия, что схлынул в свои мрачные бездны, оставив после себя липкие и мерзкие воспоминания. Черпая полными пригоршнями живую воду из ручья, человек ловил маленькими озерками воды, плещущихся в сомкнутых лодочках ладоней, отражение солнца, уже затем эту волшебную солнечную влагу опрокидывал на себя, вздрагивая всем телом от жгучего прикосновения воды. В которой все смешалось: и холод зимней стужи, и обжигающий огонь солнечных протуберанцев.

Темные дорожки из грязи и пота волнистыми зигзагами прочеркивали тело купальщика. Но жизнь их была

недолгой. Преследуемые по пятам атаками искрящихся на солнце армий водяных капелек, они погибали в неравной схватке с огненным воинством. Чисто, светло и благостно становилось на душе потому, что под напором светоносной силы рухнули все бастионы и темницы, куда мятущийся дух искателя был водворен в эту незабываемую ночь черной и мрачной силой. Темный судья и тюремщик уготовал ему незавидную судьбу вечного дрожащего от страхов и фобий безвольного узника, с высокомерным пренебрежением ожидая, что преподанный урок послушания и смирения перед зловещими силами навсегда отобьет у узника стремление к бунтарству и побегу из этих тяжких узилищ.

Очистившийся от скверны темных наущений дух странника опять воспарил к Горним и горным высям. Отец и прародитель всего живого со своих Горних Высей ласково смотрел на одно из своих созданий, солнечным лучиком прикасаясь к его мокрой голове, как будто одобрительно и мягко поглаживая своей отеческой ладонью взъерошенные после купания волосы. Его мягкое дыхание теплым ветерком выслушивало влажную кожу, унося на своих эфирных крыльях последние отголоски ночной грозы, что так нещадно разразилась на этом поле мистической битвы.

Горные же выси парили в воздухе, изломанными лентами хребтов напоминая синие сполохи полярного сияния, появляющиеся из-за горизонта и теряющиеся где-то за противоположным его краем. Горы звали и манили, тропинка, чей бег путник вчера остановил для кратковременного отдыха, опять ждала своего попутчика, чтобы бросить ему под ноги волшебный клубок странствий, который разматываясь приведет его к неведомым местам и к новым невиданным приключениям.

Душа была полна силы и света. Ощущение того, что ты не одинок в этом непростом мире, поддерживало, укрепляло и не оставляло даже грамма сомнения в том, что мо-

жет в дальнейшем случиться что-то непоправимое. ЛЕС больше не препятствовал путешественнику, этот день был очень удачен, все складывалось замечательно: и достаточно безопасная для прохождения по ней тропа, и прекрасные виды, и великолепные по красоте пейзажи, разворачивающиеся бесконечной чередой перед очарованным странником. И на излете дня еще один подарок незримого покровителя — чудесная поляна для очередного ночлега, одна из многих в бесконечной череде мест отдохновения и осмысления прошедшего пути.

Ночь прошла спокойно, без каких-либо происшествий. Первое испытание было пройдено, и ничего более не тревожило уставшего путника ни в эту ночь, ни в какую-нибудь другую, что предстояло провести под сводами леса. Впереди ждало еще одно испытание, которое тоже оставит свой яркий свет в памяти, ведь сколько их, наверное, еще было, промежуточных и обыденных, в извечном экзамене жизни, где главной оценкой экзаменуемому была честь называться человеком.

Часть 11

...Зверьки, зверушки, зверины...

Глава 1. Белк – великий и ужасный!

Старая белка была старожилом «потаенного места». С той далекой поры, как первый взор новорожденного бельчонка запечатлел в своей памяти эти лесистые склоны «змеиной горы», прошло много времени, даже по человеческим меркам это был достаточно длительный промежуток, а уж по критериям оценки возраста беличьего племени это была целая эпоха. Судя по тому, что эта многоуважаемая особь не была обременена заботами о воспитании и пропитании потомства, это был старый патриарх, продолжатель рода многих поколений местных белок. Но любовные утехы и кипение страстей остались в прошлом, сейчас вся энергия старого лесного верхолаза уходила на то, чтобы уберечь свой участок лесной территории от посягательств более молодых претендентов. Умудренному в лесных баталиях патриарху пока удавалось удерживать право владения своей вотчиной, но вечное напряжение борьбы и отсутствие в последнее время благосклонности со стороны прекрасной половины беличьего сообщества наложили на его характер определенный отпечаток. Он стал раздражительным и вспыльчивым. После того, как старый самец сноровисто и быстро исполнял свои хозяйственные дела, у него еще оставалось много свободного времени, чтобы уединиться на своем любимом суку на вершине исполинского кедра, откуда обозревалась на долгие метры вокруг панорама «потаен-

ного места». И предаться налюбимейшему занятию — лицемерию всего происходящего, что проистекает в пределах видимости зверька, и обсуждение, выдача рекомендаций и наущений всему и всем, кто попадет под бдительное око старого ворчуна. В приступе «праведного» гнева его серая мордочка, обильно посеребренная седinouй, судорожно тряслась, и две кисточки на кончиках ушей описывали замысловатые траектории в воздухе, следуя по причудливой амплитуде, которую выписывала голова их владельца. Да, местные белки были серо-черного оттенка, немного изменяя насыщенность цвета шерсти в зависимости от времени года. Недовольство брюзги не ограничивалось ужимками и прыжками. Вся богатая фонетика звуков, накопленная в закромах памяти за его долгую жизнь, изливалась с импровизированной кафедры на большие и малые головы обитателей и гостей леса. Кроме привычного беличьего цоканья, в этот какофонии звуков узнавались голоса зверей и птиц, что обитали окрест, это было понятно, но вот как было объяснить бесвязный старушечий речитатив с присущим ему дребезжанием и надтреснутостью голоса? Прямо как ожившая Баба-яга из сказки любопытствует по поводу причин, побудивших доброго молодца покинуть свои обжитые стены и пуститься в дальнее странствие: «...Дело пытаешь, аль от дела лытаешь?».

Наибольшим раздражителем в последнее время был именно этот «добрый молодец». С того самого момента как он первый раз ступил на каменистую землю «пустыни», все в его поведении и действиях стало до последней шерстинки на кончике хвоста раздражать Седого Патриарха. С безопасной высоты своего наблюдательного пункта на вершине дерева он безошибочно определял, что столь крупного противника, как этот пришелец, ему не одолеть в открытом бою, он по комплекции напоминал средней величины медведя, только почему-то без

шерсти и ходящего на задних лапах. Медведи такой комплекции уже не могут лазить по деревьям, и в этом было главное преимущество белки перед этими приземленными созданиями. Поэтому он всласть изливал свою желчное недовольство на голову этому странному прямоходящему с полной самоотдачей и воодушевлением по утрам, когда его сосед был еще на месте и не удалялся куда-то по своим делам, и вечером, когда этот бесхвостый урод, не умеющий лазить по деревьям, сидел за своим любимым занятием, макая свой длинный нос в какой-то странный цилиндрический предмет, который он сжимал в одной из лап и из которого клубился белый дым. Видя, что своим красноречием и напором наш словесный агрессор обезоружил и деморализовал непрошенного соседа, он решил перейти к более решительным шагам и перевести боевые действия на земную твердь. Что ж, если противник не проявляет никакой агрессии и не нападает сам, значит, он напуган и слаб и его надо добивать!

Черно-серая фигурка, как чертенок на пружинках, исполняла свой ежедневный 2-разовый моцион. Отталкиваясь всеми четырьмя лапами от лесной подстилки, белка старалась подпрыгнуть как можно выше, в полете еще круче выгнув спину и свечой взъярив хвост. Смотрите, какая я большая, и бойтесь меня! Какофония звуков, издаваемая в этот момент серым крикуном, поражала своим многообразием и насыщенностью. Предмет приложения бесноватости беличьего патриарха находился от него на расстоянии не более 10 метров, немного на возвышенности, и пребывал в преотличнейшем расположении духа, все происходящее доставляло ему немалое удовольствие и веселило до упаду. Чтобы не спугнуть сольное выступление неподражаемого актера, приходилось преуменьшать пыл своего веселья и смеяться в полголоса, хотя само гениальное представление заслу-

живало бурных продолжительных оваций смеха. В момент приземления напружиненные лапы касались мягкой лесной подстилки, состоящей из смеси обломков мелких веточек прошлогодней травы и листьев. Эта благодатная почва как нельзя лучше подходила для исполнения коронного устрашающего трюка серого прыгуна. Разворошенная от частых прыжков и приземления небольшая площадка под ударами когтистых лап зверька имела вид взлохмаченного и вздыбленного коричнево-бурого ковра. Он гулко резонировал, усиливая каждое соприкосновение лесного акробата с этим лесным батут-ом. Не использовать такую звуковую поддержку в своей устрашающей операции было бы верхом неблагоразумия! Пронзая взбаламученные коричнево-бурые волны, когтистые лапы зверька касались твердой каменистой поверхности. Острые когти впились в податливый грунт, и грозный владыка прилегающих территорий броском своих могучих лап устремлял свое «смертоносное» тело навстречу ненавистному оккупанту. Облеченные в шуршащие латы из вспененной лесной подстилки субтильные лапки зверька обретали существенный визуальный объем. А шуршание и шум, издаваемый при этом, в ушах этого лесного воителя звучали победным гулом боевого барабана, способным ввести в состояние нерешительности и паники любого противника, что и подтверждалось на практике. Беличий противник как пригвожденный сидел на своем месте. Устрашенный яростными нападками истинного хозяина этих мест, он даже не предпринимал никаких попыток перейти в наступление и оспорить первенство во владении спорными территориями. Слабак! Единственное, на что он был способен, так это скалить зубы (видели мы клыки и побольше, не испугаешь!) и странно приглушенно булькающе рычать (и даже зарычать по-звериному не может, ничтожный бесхвостый урод!). Разобрался бы я с тобой, да мараться не хочется, все равно ты меня испугался

и уйдешь, так всегда было раньше, и я тебя долго не увижу.

А если опять появишься, то я тебя прогоню в очередной раз!

Да, характер у лесного забияки был вредный и по-стариковски занудный, но темперамент был еще по-молодецки удалой. Беличьи собратья уже не решались посягать на лакомый кусочек леса, который изобиловал наличием кряжистых кедров — лесных кормильцев, которые даже в самый неурожайный год предоставляли на стол лесных обитателей достаточное количество сытных орехов. Вот это богатство и охранял лесной скупердьяй. Ему было мало того, что он безраздельно правил и властвовал в поднебесных закромах и при всей своей прожорливости не мог съесть и малую толику всех тех орехов, что были плотно утрамбованы в кубышках кедровых шишек. Да, ему этого было мало, и если лесной ветер щедрой рукой дарителя срывал наивкуснейшую спелую шишку (мою, только мою и самую лучшую!) и бросал ее на лесную скатерть-самобранку как неожиданный и щедрый подарок для приземленной лесной братии, рачительный скряга стремглав устремлялся за частью пропадающего так бездарно и бессмысленно пищевого богатства. И на ошалевшего от счастливой находки бурундука, уже начинающего освежевать шишку, черной молнией возмездия за содеянное святотатство откуда-то из заоблачных небес низвергалась заслуженная кара. Ошарашенный и испуганный бурундук бросал вожделенный орех и улепетывал что было сил, ибо эффект неожиданности и неподдельная ярость нападавшего указывали на лучший вариант разрешения этой ситуации. Лучше отдать и не связываться, себе потом будет дороже. Для острастки и в воспитательных целях погоняв какое-то время дерзкого посягателя на чужое добро, седой жадина с видом победителя подбирал желанный орех раздора и, крепко и нежно прижимая его одной лапой к гру-

ди, со сноровкой бывалого верхолаза пружинистыми прыжками взмывал опять в свои заоблачные выси, в свой беличий рай, где должен обитать только один небожитель!

В один из ветреных августовских дней на почве раздора за обладание крупной кедровой шишкой у человека тоже произошла стычка с белкой. В этом году тайга щедро уродила орехами, грибами и ягодами. Ядреные шишки рясно висели под сенью кедровых лап, нагибая их своей тяжестью. Всемогущий обладатель и повелитель всего этого богатства — Белк, Великий и Седомордый, не находил себе места. Все закрома были заполнены под завязку, а богатство все не иссякало, и насколько хватало взгляда беличьих глаз, на ветвях покачивались, маняще поворачиваясь и подставляя себя под взор рачительного хозяина, ядреные кедровые шишки, одна лучше другой. И тут опять этот ветер, будь он неладен! Шишки под своим весом рвали материнскую пуповину черенка, связывающего их с родительским деревом, и с шуршанием и стуком устремлялись в землю. Растраты, грабеж! Мое! Вот еще одна, кивнув последнее прощай, исчезла в зеленом мельтешении ветвей. Стой, не отдам! Вернись! Догоню!

Человеку не было необходимости использовать найденные шишки для создания огромного запаса деликатесного продукта. Подбирая особо приглянувшиеся экземпляры, что попадались ему на глаза в непосредственной близости от его шалаша, он насобирав небольшой запас орехов, которые использовал сугубо для внутреннего употребления именно в тот момент, когда находился в пределах «пустыни». Сейчас было время сиесты — послеобеденного отдыха, которую себе назначил новоявленный комендант этих мест (эх, как бы взъярился Белк, переведи ему на беличий язык это крамольное высказывание!).

Жаркая летняя пора уже канула в лету, вроде бы соблюдать этот распорядок дня не было особой необходимостью, но благоприобретенная привычка проводить опреде-

ленные часы дня под полиэтиленовой крышей шалаша возымела свое действие, и строгий хранитель собственно заведенных традиций был занят тем, чем он был занят всегда, опять же по традиции. Чтением книг, чей глубокий философский и мистический смысл наиболее полно раскрывался в атмосфере этого уединенного лесного читального зала. В отличие от стерильной тишины классических читальных залов, обстановка, окружающая посетителя этого зала, была всегда наполнена шумом леса в разнообразных вариациях в зависимости от времени года и от всевозможных погодных коллизий. Но это нисколько не отвлекало его, скорее, наоборот, настраивало на истинные ритмы вибраций, при которых становятся понятны все тайные знания, зашифрованные в древнейших манускриптах.

Легкая улыбка тронула губы полуденного читателя. Шум ветра и падающих шишек вызвал в нем мимолетное воспоминание о лесном небожителе, скряге и хапуге БЕЛКЕ, Великом и Седомордом. Тем более что его апартаменты как раз находились непосредственно над головой человека, ибо шалаш почти упирался своим входом в тронную кедровую колонну, на вершине которой находился престол Великого и Ужасного. И тут все случилось, как в поговорке: если скажешь «черт», так он сразу же и появится! На полновесного черта Белк, конечно, не вытягивал, но под мелкого чертенка или бесенка вполне даже подходил.

По классике жанра появление фольклорного персонажа должен предварять звуковой эффект. Ввиду малой весомости в потусторонней иерархии вместо громоподобных раскатов, сверканий молний и клубов желтого сернистого дыма раздался резкий и четкий хлопок приземления крупной шишки. Округлый предмет грохнулся прямо в разверстый входной створ шалаша и, подпрыгнув, прокатился какое-то расстояние вглубь его. Как говорится, от нашего стола

к вашему столу! Но не тут-то было! Человек встрепенулся и, опираясь на все свои четыре конечности, устремился к выходу, не спуская глаз с уже неподвижного предмета. Поспешность его была неоправданна, шишка никуда не собиралась убегать и никто на нее не претендовал. Как он ошибался! В тот самый момент, когда длинный нос ценителя кедрового ореха завис над чешуйчатым подарком (опять в данный момент руки, ноги запаздывали, а любопытный нос всех опередил!), в шалаш впрыгнуло Нечто, как черт из преисподней, вернее, как его более мелкий собрат. Белк, собственной персоной! Напор, с которым он ворвался в чужое помещение, указывал на то, что искомый шар кедровые шишки был не менее, чем царственным символом силы и власти — державой, которой он упивался, сидя на своем возвышенном троне, сжимая его левой лапкой, но в правой, естественно, — скипетр. Но, видать, придремал от старости и ненароком обронил драгоценный предмет, поэтому и спешит исправить свою оплошность. Всецело сфокусировав свой горящий взор на шишке, он ничего вокруг не замечал и остановил только тогда, когда его нос, обрамленный щетиной усов, завис над ней, прямо противоположный носу второго соискателя. Или первого? Оказалось, что нос и у представителя звериного племени дает фору всем остальным частям тела. Еще немного — и две самых любопытных части тела столкнутся. 8 см, 7, 6, 5... С завидной ревностью оба претендента на драгоценный приз включили воображаемую заднюю скорость своим азартным биомашинам. Визга тормозов не последовало, зато шум от развеваемой острыми когтями убегающей белки лесной подстилки взрывной волной звуков проводил ее стремительный взлет по восходящему в небеса стволу кедра.

Человек ошарашено сидел на развороченной постели. Все произошло очень быстро, быстрее, чем длился этот рассказ. Страх не было, было какое-то легкое потрясе-

ние, но с хорошей частотой пульса и бухающим набатом сердца. Подняв все-таки отвоеванную у БЕЛКа шишку, победитель этой мини-схватки принялся ее рассматривать. Шишка как шишка, никаких признаков геральдической украшательности, и ядра — не чистый изумруд, если опираться на сюжет другой сказки. И чего там было убиваться? Такого добра рядом с шалашом можно найти в шаговой доступности великое множество. Скрыга, одно слово!

Глава 2. Усатые, полосатые... бурундуки!

Бурундуки — ближайšie родственники белок, например, в Северной Америке так и называются — земляные белки. Не очень-то страдая от набегов БЕЛКа и по большому случаю игнорируя его необоснованные претензии к единовластному владению земли и неба, приземленные белки в полосатых пижамах весело тропили пригорки и полянки в полном неведении, что все это может принадлежать лично кому-нибудь. После бурных весенних любовных игрщ материнский инстинкт заставлял очаровательных резвущек, совсем недавно сводивших с ума сильную половину бурундучачего племени, искать потаенные убежища для обустройств в них родильного дома, яслей, детского садика для будущего потомства. Россыпи камней, небольшие гроты в скалах, брошенные старые норы лесных обитателей — все подходило для этих благородных целей.

Одна из этих матрон, бережно неся в своем увеличившемся пузике плод скоротечной любви, с пристрастием риэлтора рассматривала один из вариантов аренды недвижимости, если так можно было назвать горку из небольших камней. Ее как будущую домовладелицу привлекало в этом сооружении прочность и основательность кон-

струкции. Потому что это сооружение было рукотворным и было выложено умелой рукой человека. Основная задача его состояла в том, чтобы поддерживать одну из боковых сторон трона. Свою функцию она выполняла исправно, но строитель даже не подозревал, что пустоты между камнями внутри этой неказистой пирамиды могут выполнить роль будущего дома для маленьких бурундучат. Наверное, причины, заставившие маму-бурундучиху остановить свой выбор именно на этом варианте, были достаточно веские, и это свершилось — под мрачными каменными сводами зажглись искорки нескольких новых жизней. С точки зрения человека, этот неровный каменный потолок должен был выглядеть мрачным и нависающе давящим. Для малышей это было уютное и самое родное и близкое место, согретое материнским теплом и пахнущее мамой, чей запах в данный момент для них стал единым целым с запахом ее молока.

Для молодой бурундучихи это был первый опыт материнства. Сама рожденная где-то в окрестностях «змеиной горы», она за тот короткий промежуток времени ее жизни досконально изучила все тропы, потаенные уголки, места, где могла подстергать опасность. Ее мать наглядно и на примерах показала перечень обитателей леса, которых необходимо было остерегаться. Список этот был достаточно длинными. Маленькую зверюшку многие из плотоядных обитателей леса считали своей законной добычей. Вероятнее всего, что все. Но человек, к тому времени уже ставший постоянным представителем лесного сообщества, в этом длинном указателе опасностей отсутствовал. Речь шла, конечно, только о нашем отшельнике, других людей по причине удаленности от жилья звери еще не наблюдали. Незлобивый и не кровожадный нрав этого странного большого существа поставил его в глазах жителей леса в череду лесной иерархической лестницы на уровень крупного травоядного, оленя или

лося, какого-то необычного вида (некоторые особо несдержанные в оценках давали обидные прозвища — «урод бесхвостый» и далее по тексту...). Как все более крупные, обитатели из рода парнокопытных могли по неосторожности, без злого умысла нанести вред маленьким существам, поэтому и их тоже следовало остерегаться беззащитным полосатикам. Поэтому бурундучиха-мама в тот момент, когда она возвращалась после долгой отлучки к себе домой, непосредственно перед тем как шмыгнуть в щель между камнями, служащую ей входом, останавливалась на небольшой площадке перед «дверным» проемом, садилась на задние лапки и выжидательно начинала всматриваться в глаза человека, который стал невольным свидетелем материнской идиллии. Глаза в глаза, чтобы увидеть в них то, что успокоило бы сердце, мятущееся от тревоги за судьбу своих деток. Это происходило почти всегда, особенно в самые первые дни после заселения полосатого семейства в новую квартиру.

На столь коротком расстоянии, разделяющем глаза человека и зверя (если немного нагнуться, можно было бы дотронуться до ее застывшей фигуры), виден был напряженный взор матери, молящий того, к кому он обращался, не причинять зла ее кровиночкам. Такие сеансы гипнотического воздействия продолжались постоянно, несмотря на то, что человек ни помыслом, ни поступком не предал материнского доверия.

Уверившись в том, что ни ей, ни ее потомству ничто не угрожает, по крайней мере, с этой стороны, добродетельная мать стремглав юркала в ждущий ее прихода обжитый каменный дом. Радостный писк и невнятная возня всегда встречали ее появление. Затем на какое-то время все замолчало, маленькие полосатые бочоночки наливали под завязку свои мягкие пушистые хранилища теплым и густым материнским молоком, хранящим запах и вкус лесных трав, и сладость лесного ореха, и горечь гриба,

и много других ароматов и вкусов, по которым, впитав их сейчас с материнским молоком, затем в своей будущей взрослой жизни они будут безошибочно находить себе пропитание.

Реалии лесной жизни торопили новое поколение бурундучат за столь короткий период лета побыстрее вырасти, освоить навыки выживания в столь небезопасной для их будущего проживания среде, и уже приближающуюся зиму встретить в крепком теле взрослого зверька, в котором только опытный глаз специалиста мог бы отличить вчерашнего несмышлениша от уже зрелой особи.

В этом году человеку выпала большая удача достаточно длительный промежуток летнего времени провести среди столь милых ему родных пенатов «пустыни». И вся скоротечная эпопея рождения, взросления и мужания семьи бурундуков протекала перед его глазами, до какого-то времени отчасти скрытая каменными покровами их родового гнезда. До того момента, пока малыши находились внутри укрытия, о степени взросления дотошный наблюдатель мог судить лишь по возрастанию громкости звуков, усиливающихся буквально каждый день. Скоро каменная пирамида гудела как потревоженный улей, и заполошенная бурундучья мамаша, изрядно исхудавшая, все чаще и чаще стремглав уносилась в лесную чащу, чтобы за короткий промежуток между кормлением детей успеть самой утолить голод и пополнить запасы молока в опустевших сосках. Ну вот, уже по раздутым защечным мешкам на вечно обеспокоенной мордочке бурундучихи можно было понять, что дети наконец-то переходят на твердую пищу, тем самым предвеля вступление во взрослую жизнь. Пища становилась более калорийной, промежутки между кормлением стали увеличиваться, мать на все длительный срок покидала свое семейство. И по всей логике развития сценария жизни лесной семейки сейчас наступал момент выхода на сцену главных персонажей этого спектакля.

Долго ждать и упрашивать не пришлось! Полосатые великовозрастные неслухи, оставленные матерью без присмотра, уже не смогли на этот раз спокойно усидеть внутри их жилища. Вначале в импровизированном дверном проеме появились черные любопытные носики. Влажно блестящие пуговки в обрамлении мягких антеннок усов с упоением втягивали в себя воздух свободы и неизвестности. Некоторые запахи им были знакомы, так пахла их мама, принося на своих шерстинках ароматы неизведанного мира. Но многое было внове, необычно и так маняще!

Яркий свет раздражал привыкшие к сумеркам глаза, но уже не хотелось отступить назад в спасительный полумрак, и маленькие исследователи непознанного отчаянно терли своими передними лапками слезящиеся глаза, по ходу дела не забывая помассировать и носик. Со стороны это выглядело так, как будто кучка грязнуль пытается соскрести со своих мордашек многослойные пласты грязи. После того как этот приступ чистоплотности прошел, то есть глаза немного попривыкли к солнечному свету, самый отчаянный из семейки мелкими осторожными прыжками вступил в ранее неведомый мир, в одно и то же время манящий и пугающий. За смельчаком потянулись менее храбрые его собратья. Трое бурундучат совсем немного уступали по размеру их матери. Какое-то расслабленное и наивное выражение, наложившее отпечаток на их удивленные мордашки, указывало единственно на то, что перед нами еще детеныши, неразумные и беспомощные. Блестящая шелковистая шерстка с выпирающими по бочкам упругими барабанчиками животиков указывала на то, что их мама с должным усердием выполняет возложенный на нее родительский долг. Дети уже освоились на новой игровой площадке, толкали друг друга подбадривающе и хорохорились друг перед другом от осознания своей мнимой взрослости. Хотя видно было, что они не голодны, инстинкт искательства и собиратель-

ства, заложенный в самом их естестве, клонил их кожаные носики к долу, вынюхивая на гладкой поверхности камня несуществующие яства.

Человек не мог отказать себе в удовольствии сделать небольшой сюрприз несмышленым имитаторам взрослости. Их тщетные поиски чего-нибудь съестного в том месте, где его не может быть по определению, должны увенчаться успехом! Медленно и без лишних резких движений кусочек хлеба, возникший как бы сам по себе из ниоткуда, опустился на каменную площадку, по которой усердно елозили носами наши несмышленыши. Естественно, рука, доставившая его на упомянутое место, замечена не была, все внимание поисковиков было поглощено зондированием каменного стола. Сытный аромат хлеба защекотал чуткие ноздри бурундучат. Уткнувшись непосредственно носом в этот подарок небес, суетливая горстка малышей застыла в недоумении. Аромат не соотносился ни с одним из запахов еды, которой мама кормила своих детенышей. Запах будоражил аппетит, но есть его зверьки не решались.

Да и не успели бы. Их короткий момент раздумья был прерван появлением единственного непререкаемого авторитета в их семье — мамы. Увидев своих отпрысков в неполюбованном месте, она властной рукой, то есть лапой, стала раздавать тумачи направо и налево, а вместо пинков, подгоняющих неслухов и указывающих им направление ретирады, последовали ощутимые тычки мамино носа, толкающие детишек под упитанные бочки по направлению к входу. Рассерженное урчание и ворчание мамы, извинительный писк детей — этот всплеск звуков взорвал сонную утреннюю атмосферу. Загнав непослушную семейку под своды родного дома, удовлетворенная проделанной работой бурундучиха беглым взглядом еще раз осмотрела площадку и наконец-то увидела хлеб. Источник, из которого появился этот подарок, для зверька, уже кое-что познавшего в этой жизни, был понятен и изве-

стен. Она привсталала на задние лапки и с безошибочной чуткостью магнитной стрелки развернулась по направлению к человеку, который в полутора метрах от нее все это время со своего трона наблюдал за происходящим, ну и совсем немного поучаствовал в этом представлении, предоставив его участникам необходимый пищевой реквизит.

Дикий зверь достаточно долго смотрел в глаза человеку, дольше, чем в предыдущие разы. Это больше походило на сканирование на уровне тонких материй и вибрации. Похоже на то, что бурундучиха осталась довольна результатом исследования, сменив свою статичную медитативную позу на обыденную суетливость, с аппетитом умяла деликатесное кушанье и удалилась восвояси продолжать воспитательный процесс своим неслухам.

Если результаты ее нравочений и имели какое-то действие, то достаточно кратковременное. Стоило мамке только умчаться по своим неотложным делам, как развесялая компания устраивала кучу малу и борцовские поединки на новоприобретенной площадке для игр, светлой и просторной. Мама уже больше так не гневалась, как в первый раз, и ее молитвенная просьба о сохранении и убережении ее детей, с которой она истовым взором обратилась к этому странному большому существу, так не похожему на всех остальных обитателей леса, возымела действие, и он не только не тронул ее детей, но и взял их под свою опеку. Человек знал, что даже без любой просьбы он бы никогда не обидел малышей и всегда защитил бы их в момент опасности, но для сердца матери была важна та клятва о сохранении и убережении, которую он дал в ответ на ее мольбу. Общение происходило не на вербальном уровне, то есть обе стороны не произнесли ни единого слова или звука. Контакт произошел на тонком плане, где человек и зверь составляли одно целое, но отлично слышали и поняли друг друга. Ранее мать также обращалась

с той же самой просьбой к человеку, но ее сила и истовость не была так ярко выражена, так как ее дети еще находились под защитой камней. А сейчас они были абсолютно незащитны. Человек был счастлив и отчасти горд тем, что ему вверяют судьбу самых дорогих для матери существ. И он действительно бдительно охранял полосатых питомцев в тот момент, когда они резвились на детской площадке в отсутствии матери, благо они не высказывали желание покинуть ее пределы.

Солнце, лесной пьянящий воздух, вкусная и сытная еда, что приносила после своих длительных отлучек мама, — все это укрепляло молодые бурундучачьи тела, и они росли не по дням, а по часам, как в сказке! И вот наступил тот важный момент в их жизни, когда мама впервые позвала их с собой в поход в лес. Впервые! В поход! В лес!

Утром уже по заведенной привычке вся дружная семья во главе с мамой высыпала на площадку перед входом. По распорядку дня младшая часть семьи должна была остаться дома и предаться играм и веселью, а мама опять убежать в лес по своим неотложным делам. Но сегодня бурундучиха не спешила в лес. Одна. Для ее детей наступила пора взросления. С явно ощутимым и видимым человеческому глазу волнением она явно не торопилась подать условный сигнал, обозначающий начало путешествия.

Длинный пронзительный свист заставил бурундучат прервать свои игры и замереть. Они не могли поверить в то, что их мать-бурундучиха зовет их с собой. Глава семьи полосатиков спрыгнула с камня, отбежала на небольшое расстояние и обернулась. Маленькие фигурки неподвижно замерли в немой сцене на плоском камне. Длинный свист уже более требовательно хлестнул по их ушам. Наконец-то осознав, что мама зовет их с собою в лес, детишки, не веря в свое счастье, горохом посыпались с камня, торопясь догнать мать. Для них это была новая игра, в которой прини-

мала участие и их мама, а площадкой для игр становился весь лес.

Человек со своего тронно-наблюдательного пункта взирал за первым выходом в лесной свет и его питомцев тоже, поскольку он так же принимал участие в их судьбе. Возбужденные перспективой новых ощущений, они возбужденно сновали вокруг своей матери, периодически затевая веселую чехарду, оглашая округу радостным писком. Строгая мать пыталась вразумить шалунов, но эффект был очень непродолжительный. Так, в ритме веселой чехарды лесная семейка и прошествовала весь путь от своего жилища до границы леса. Стена кустарника сомкнулась за их вздыбленными свечой хвостами, и все исчезло. И потянулись долгие часы ожидания. Для первого раза они показались бесконечно долгими. Может, 2—3 часа, в лесу человек пытался не пользоваться часами, ориентируясь во времени только по солнцу.

Этот короткий промежуток времени разительно изменил внутреннее состояние учеников лесной академии. На счастье, с этого первого наглядного урока семья вернулась в полном составе. Может быть, молодая поросль устала от таких еще непривычных нагрузок, а может, до них уже стал доходить истинный смысл всего происходящего, что это уже не игра, а начало нового этапа жизни — взрослого, но не было уже в их поведении этой безоглядной детской веселости, с которой они начинали этот поход. Их доселе чистенькие полосатые комбинезончики были припорошены землей и лесным мусором. Особо досталось любопытным носикам и проворным лапкам. Эти части тела покрывал липкий черный слой грязи, указывающий на то, что их хозяева тщательно изучали содержимое лесной подстилки, не известно, с каким результатом, но факт налицо, то есть на лице, ах, да, конечно же, на мордочке. Выпускной класс лесной академии во главе со своим профессором проследовал в учебную аудиторию, она же

по совместительству и жилью, и похоже было на то, что на сегодня программа учебного процесса была исчерпана. Под сводами их отчего дома впервые за долгий период их проживания не слышно было звуков веселой борьбы и писка. Тишина. Все устали, а мама — больше всех. Все как подкошенные повалились на свои мягкие травяные лежанки и уснули. Во сне они все еще переживали яркие впечатления этого необычного дня, перебирали лапками, вздрагивали и бодали головой воображаемую листву, еще и еще раз взрыхляя лесную подстилку.

На следующий день обучение продолжилось, но вся семья вернулась из лесу уже под вечер. Результат был тот же самый — богатырский сон в полном безмолвии. Еще два дня бурундуки возвращались под родной кров, а затем они утром ушли в лес и больше не вернулись. Не было слезных душещипательных картин расставания, махания на прощание лапками и вытирания хвостом скупой бурундучачей слезы. Все просто и обыденно. Это лес, в нем нет места сантиментам. А человек немного взгрустнул. Привык, и вообще все такое... Удачной вам охоты, бурундуки, ты и я, мы с тобой одной крови...

Глава 3. Медвежья, но учтивая услуга

«Пустынь» — место уединения и спокойствия — была уникальным уголком, где никто и ничто не мешало самоуглубленным, умиротворяющим беседам со своей душой. Маленькие обитатели леса, что постоянно жили в пределах этой ограниченной площадки, нисколько не мешали затворнической жизни отшельника, как впрочем, и он им тоже. Крупных животных, сила и мощь которых позволяли бы оспорить у пришельца право на безраздельное владение этой территорией, здесь не обитало. Желание БЕЛ-

Ка Всемогущего исполнить эту роль только и оставалось его желанием — слишком силы были неравны, даже он со своей завышенной самооценкой это понимал. Яркий пример отстаивания суверенности своей территории был продемонстрирован человеку его ближайшим соседом — медведем белогрудкой, или гималайским. Хотя некоторые ученые выделяют белогрудого медведя в отдельный вид. Предпринимая радиальные путешествия, то есть те, которые в конечной цели всегда замкнутся в той точке, откуда они и начались, человек детально ознакамливался с территориями, непосредственно прилегающими к месту его теперешнего базирования. На расстоянии по карте около 3 км, а это по меркам лесного горного бездорожья около 1 часа пути, прямо на оси хребта упиралась в небеса своими лесистыми склонами горная вершина, преобладающая по высоте над всеми в округе. Как само собой разумеющееся, первый радиальный поход («радиалка» — так кратко и емко называли ее путешественники) был направлен на осмотр достопримечательностей этого горного монстра.

Весна еще не в полную меру вступила в свои права, и теплота ее воздействия лишь слегка коснулась снежного покрова, укрытого от прямых атак солнечных лучей под разлапистыми ветвями хвойников. Сугробы все-таки посерели, уплотнились и просели. Весь этот монолит снега, сцементированный изнутри ледяными кристаллами, образовал прочный настил, по которому беспрепятственно и даже с определенным комфортом совершали прогулки по своим неотложным делам все лесные жители, оставляя визитную карточку отпечатков своих следов.

Человек почти беспрепятственно продвигал по насту, лишь в очень редких исключениях проваливаясь неглубоко в тех местах, где разрывы между деревьями позволяли солнцу подтопить лесной тротуар. Неплохо разбираясь в азбуке следов лесных обитателей, он по ходу своего пере-

движения вверх по склону сопки читал послания, оставленные на снегу обитателями леса. Отпечатков было немного, так как все здравомыслящее население лесной коммунальной квартиры устремилось пополнить свой продуктовый дефицит, мигрируя из холодных чертогов прошедшей зимы на прогретые бесснежные южные склоны и просторные низины, где уже можно было возблагодарить себя за полуголодную зимнюю пору, лакомясь свежей травой и первоцветами. Но один след все-таки бросился в глаза нашему следопыту. Отпечаток лапы некрупного медведя, судя по тому, что в этих местах обитает именно этот тип зверя, — белогрудки. Рисунок следа указывал на то, что косолапый тоже делал «радиалку». Первоначально отпечатки лап прерывистыми запятыми испятнали наст, спускаясь откуда-то с вершины горы, затем, дойдя до определенного места, резко разворачивались и с набором высоты возвращались туда, откуда они начали свой бег.

Встретить весной в лесу только что перезимовавшего медведя — не самая удачная примета. Еще не совсем оправившийся от зимней спячки, раздраженный, злой от того, что не может в полной мере утолить гложущий его голод, зверь в этот момент может представлять реальную опасность, и не стоит испытывать судьбу и проявлять свое любопытство, беспокоя его.

Осознавая все это, наш разумный путешественник изменил направление своего движения, отклонившись в сторону от опасной цепочки следов, но все также по-прежнему поднимаясь по склону горы, как и медведь. Все здесь было сделано правильно с точки зрения людской логики. Потому что даже изрядно отклонившись в сторону от медвежьего следа, человек прямолинейно и безошибочно вышел, естественно, случайно, прямо в конечную (она же — начальная) точку медвежьего маршрута. Хищники и жертвы в этом мире собственных жестких ре-

алий жизни могли легко в один миг поменяться ролями, поэтому искусство запутывать следы присуща многим обитателям леса, медведю в том числе. Бездумно следуя в кильватере отпечатков лап, преследователь в конце концов оказывается вблизи засады хищника, который на свое усмотрение выберет самый приемлемый вариант разрешения этой ситуации. Превратить преследователя в жертву либо оставить его и дальше разбираться в хитросплетениях следов, самому сделать очередной хитрый трюк и оторваться от преследователя.

Неожиданно для медведя человек вышел прямо в тыл обиталища лесного хитреца. Все его уловки и ухищрения оказались напрасны. Человек пришел с подветренной стороны, и услужливый ветер не смог предупредить хищника, принеся на своих крыльях запах опасности. Услышать тоже не пристало возможности — плотный сырой снег глушил звуки шагов. Внутри сомкнутой массы деревьев, сплошным зеленым ковром покрывших гору, образовался небольшой разрыв, как бы маленькая поляна. Хотя это был тоже лес, но деревья в этом месте не прилегали так плотно друг к другу, и человек, вышедший на этот прогал, был виден как на ладони. Сделав шаг на открытое пространство, он резко остановился как вкопанный. Путешественник внезапно ощутил давящее, материально ощутимое воздействие чьего-то пристального взгляда. Посыл остановиться исходил из глубины плотной купы деревьев, находящихся на противоположной стороне прогала. Стена многоуровневого леса, состоящая из колоннады хвойников, невысоких деревьев лиственных пород и кустарников, переплетенных древовидными лианами, не давала возможности рассмотреть хозяина пронзительного взгляда. Он сам не спешил явить себя под светлы очи. Хотя, нет! Низкое вибрирующее рычание вторило вслед за взглядом, все более усиливая предупреждение. И чтобы уже совсем показать серьезность своих намерений, таинственный

незнакомец принялся с воодушевлением раскачивать одно из лиственных деревьев, естественно, без единого листа на нем, но с густой кроной и немалым охватом ствола. Макушка дерева качала своей густой шапкой из стороны в сторону, как дворники на ветровом стекле автомобиля во время обильного дождя.

Этими своими действиями незнакомец раскрыл свое присутствие и открыл свою принадлежность.

Медведь. Судя по тембру звуков, манере поведения и среде обитания — белогрудка. Небольшой по сравнению с бурым медведем вид, черного окраса с кокетливым белым пятном на груди.

Ловкий древолаз, большой охотник до муравьев и черемухи. Даже наш человек высотой своей фигуры и плотностью телосложения внушал опасение белогрудому топтыгину, росточком он не вышел, по человеческим меркам его высоту можно было бы определить как среднюю. Но сила духа и отчаянное упорство, с которым хозяин этих территорий решил отстаивать свою вотчину, внушали уважение.

У человека даже не возникло мысли посягать на чужое добро. Он отдал должное джентльменской учтивости, которая, желая избежать дальнейшего негативного развития событий, выразилась в столь необычайных эффектах — шумовых и оптических. Где-то посередине прогала проходила невидимая граница, нарушать которую не рекомендовалось. Это была та красная черта, преступив которую человек провоцировал хищника на нападение, а то, что в схватке против острых клыков и когтей могут победить высокий рост и арсенал холодного оружия, было еще не факт. А проверять это как-то не хотелось. Тем более что человек был не прав, ведь он выступал в роли агрессора и захватчика.

Чтобы успокоить и не нервировать более истинного джентльмена в черном смокинге и белой манишке,

нежданный пришелец в ответ тоже решил блеснуть изысканностью манер, покинув место несостоявшегося поединка, оставляя право владения спорной территории за благородным лесным лордом. Шутливо переведа описание данной ситуации в плоскость английского аристократического кодекса поведения, наш давнишний почитатели творчества Р. Киплинга отдавал дань уважения его таланту, его «Книге джунглей», что привила в нем еще в детском возрасте правильное и единственно верное отношение к братьям нашим меньшим. И именно сейчас он прощался совсем не по-английски с медведем словами Маугли: «Удачной тебе охоты.

Ты и я — мы с тобой одной крови!». В чьи уста эти слова ему тоже вложили его учителя жизни леса: Багира, Балу и т. д. — сами плоть от плоти, кровь от крови дети этого леса. Не было слов, не было сотрясения воздуха. Был внутренний посыл, энергетический и вибрационный, направленный в сторону медведя. Дошел ли он до сознания зверя — человек не знал, но очень хотелось надеяться, что да.

Глава 4. Парнокопытики

Для парнокопытных обитателей этого леса не существовало четко очерченных границ проживания. Они могли мигрировать в разных направлениях, иногда своими набегами нарушая покой местных обитателей «пустыни», и человека в том числе. Особо беспардонно вели себя кабаны. Их приближение можно было услышать издалека. Шум ломаемых веток, дробный топот множества копыт и копытц, утробное рычащее хрюканье матерого секача, локомотивом прорубающего лесную целину своей бочкообразной щетинистой тушей со свирепо наклоненной клыкастой головой. Этот рыжий ураган (по цвету его щетины) мог смести любого, кто посмел бы встать или имел

неосторожность оказаться на его пути. Ни медведь, ни тигр — большие любители и ценители кабанятины — не решались вступать в открытый бой с секачом и предпочитали исподтишка умыкнуть поросеночка, неосторожно отбившегося от общей стаи. Все живое, предупрежденное шумом приближающегося экспресса, уходило с его дороги или пряталось по норам, и человек не был исключением. За неимением норы (шалаш не в счет) приходилось с грацией горного козла скакать по скальным полочкам утеса, распугивая отдыхающих рептилий. И все только для того, чтобы с безопасной высоты лицезреть это подлинное лесное свинство.

Немного позади сумасшедшего локомотива в жесткой сцепке с ним перебирала упитанными свинячьими окорочками кабанья хавронья, уступающая, конечно, по объему и массе своему супругу и повелителю, но такая же монументальная и щетинистая. Звуковой аккомпанемент, сопровождающий прохождение галопирующей хрюшки перед гостевой трибуной на склоне «Змеиной горы», где за этим свинским парадом наблюдал единственный зритель, отличался от партии лидирующего солиста и был окрашен более яркими красками музыкальной палитры. Как будто звуки боевой трубы кавалерийского эскадрона зажигательными карнавальными ритмами будоражили окрестные пампасы. Только этот воображаемый эскадронный трубач, якобы сидящий на галопирующей боевой свинье, выдавая своей трубой зажигательные пассажи, ежесекундно срывался на резкий хрюкающий визг, нисколько не заботясь о чистоте исполнения своего музыкального опуса.

Этот басовито и визгливо хрюкающий таран проламывал стену кустарника, оставляя позади себя просеку, по которой дружной каплеобразной колонной следовали поросята, стараясь изо всех сил не отстать от родителей. Несмотря на свой малый возраст, они все, как один, друж-

но топотали своими игрушечными ноженьками и резвой толпой передвигались вслед за жожаками. Издалека не было видно, как они делают спорые шажки для своего передвижения вперед, и казалось, что их маленькие ровные, чем-то напоминающие ножки табурета конечности поднимались и опускались на одном месте, утрамбовывая своими игрушечными блестящими черными копытцами податливое тесто лесной подстилки. Обманутый таким оптическим эффектом наблюдатель мог с удивлением заметить, что они еще и передвигаются, и притом довольно шустро. Примерно дюжина полосатых табуреток, извиняюсь, поросят, были уменьшенной копией своих родителей, отличаясь от них разве что размерами и окрасом. Темные продольные полосы, украшающие их спины, могли бы ввести в заблуждение неискушенного наблюдателя предположением того, что перед ним маленькие, но уже тертые жизнью калачи, ловко ускользнувшие от когтистых лап хищника, который все-таки оставил след от этой встречи на их загривках. Но это был всего лишь веселый окрас их детской пижамки, исчезающий по мере их взросления и скрывающий их маленького обладателя от глаз того же хищника на случай, если придется скрытно затаиться в сумеречном полумраке кустарников. Избыток энергии и веселья от самого факта своего существования рвался наружу из всех молодых, но уже луженых глоток. Не прекращая месить грязь, вся веселая компания, задрав к небу чумазые пяточки и сверкая глазами от непереносимого свинячьего восторга, оглашала всю округу безостановочным пронзительным визгом. Одному поросенку невозможно было бы так долго поддерживать такой высокий звуковой накал, но когда их двенадцать, это вполне даже возможно и выполнимо.

Звуковой свинячий ураган, как и все ураганы без этих двух предшествующих этому явлению слов, прошел стремительно и оставил после себя разрушительные последствия. Про последствия именно нашего урагана бы-

ло, конечно, громко сказано. Пролом в стене кустарника затянется через какое-то время, и временная тугоухость, возникшая от воздействия массивной звуковой атаки, пройдет, и слух опять восстановится. А хорошие воспоминания останутся, как и остается навсегда жить пожелание Маугли: «Удачной охоты, мы с тобой одной крови, ты и я...». К этому пожеланию в который уже раз присоединился человек, направил свой энергетический информационный посыл вслед уходящему кабаньему экспрессу.

Олени как более грациозные и осторожные животные более деликатно и тактично подходили к вопросу о сохранении тишины и спокойствия в окружающем их лесном пространстве. Именно подходили, если использовать игру слов. Медленно и неслышно, осторожно переступая своими стройными ногами через валежник, чтобы ни одним неосторожным звуком не выдать своего присутствия. Человек был приятно удивлен встречей с небольшим стадом оленей — «коз», по определению местных жителей. В середине лета гнус, свирепствовавший в низинах, увлажненных и заболоченных поймах ручьев, заставлял парнокопытных мигрировать в более возвышенные места, как можно ближе к вершинам хребта, туда где лес был более разреженным и постоянно дующий горный ветер сдувал надоедливых кровососов. Пищи вполне хватало, может быть, иногда возникали проблемы с водой. Но если лето не выдавалось чересчур засушливым, можно было найти горный ручей чистойшей родниковой воды, сочившейся из-под камней.

В один из таких жарких полдней середины лета на человека, сидящего на камне возле своего шалаша, выдуло на небольшую поляну этим самым горным ветром из леса небольшое стадо очаровательных лесных оленей. Обозначив появление животных словом «выдуло», человек выразил свои самые первые ощущения и сравнения, ко-

торые пришли к нему на ум в момент встречи с прекрасными созданиями. Сухие бурые листья, волей прихотливого ветерка спланировавшие на ровную стеклянистую гладь лесного озера, как флотилия лодей, ловили в свои серовато-коричневые паруса слабые порывы попутного ветра. И вот наконец озерный бриз легкой рябью сморщил ранее безмятежно ровное зеркало воды. Вся флотилия, подставив свои хрупкие паруса под еле уловимую эфирную строю, скользнула по водной поверхности, лихо лавируя и закладывая немислимые галсы на середине водоема, где ветерок набирал силу, а затем грациозно и неспешно, как стая лебедей невиданной раскраски, заплыла в тихую гавань на противоположном конце озера. Именно неспешность и величавость, с которой эти великолепные животные выплыли из леса на поляну, и породила ассоциативное сравнение их с флотилией сухих бурых листьев.

Передвигаясь мелкими шажками, почти невидимыми для глаз наблюдателя, они создавали иллюзию парения, вызывая вопросы у разгулявшегося воображения. Что за сила перемещает этих лесных граций по травяному ковру? Неужели это иллюзорные цветные фантомы, гонимые легким горным ветром? Измени он свой покровительственный нрав по отношению к эфирной картине, сию минуту она была бы разорвана и разметана в клочья его ветреной волей.

Внутри человека боролись два существа. Холодный аналитик и реалист («реалист», где-то мы уже это слышали?!) нудным нравоучительным тоном объяснял нерадивому ученику, что это истинная картина бытия без какого-либо налета нереальности. Олени живые, и далее шла лекция из серии прикладной зоологии. Его оппонент — тонкий ценитель прекрасного (может быть, это был эстетствующий «моралист»?). Хотя навряд ли, его манера оппонирования была мягка и деликатна, не в пример да-

вящей и доминирующий «моралиста». Он соглашался с доводами знатока зоологии и тактично просил не разрушать этот флер сюрреализма, витающий над этим чудесным видением. Если бы кто-нибудь немного разбирающийся в живописи посмотрел со стороны более широко на всю эту композицию: стадо диких оленей, мирно пасущихся возле одинокой фигуры человека, неподвижно сидящего возле входа в шалаш, он бы безошибочно выделил сюжет этой картины в жанр пасторали, конечно, с одной оговоркой — лесная, так как классическая пастораль живописует картины сельской идиллии: козы, овцы, коровы и пастух или пастушка. Тут тоже козы, но дикие, отшельник сойдет за пастуха, не хватает только для полного антуража играть на пастушьей дудочке, но можно и без нее обойтись. Еще одно бдительное недремлющее око наблюдало за всем происходящим, но навряд ли обладатель его мог похвастаться хоть каким-то познанием в живописи. Горящие вечным недовольством два черных глаза БЕЛКА Всевидящего прожигали неусыпным взором траву под копытами пасущихся животных, выглядывая, что бы они могли съесть запрещенного его Всевышней волей. Его недовольное цоканье и стрекотание висело в воздухе над поляной, соревнуясь с пением птиц.

Оленье стадо все ближе и ближе подплывало к замерзшему в немом восторге пастуху. Они и так были близко, а сейчас грозили оказаться в считанных метрах. Предельно расслабленные и в то же время напряженные как тетива лука, идеально точеные и пропорционально сложенные фигуры при каждом вдохе и движении играли волнами мышц, перекатывающихся упругими желваками под шелковистой красновато-бурой шерстью, подкрашенной солнцем в золотистый тон.

Бдительность и осторожность никогда не покидали их. Остроконечные уши безостановочно прядали, сканируя лесной звуковой эфир. Олени совсем не замечали че-

ловека, но вот их предводитель что-то почувствовал, но это не был наш наблюдатель, весь табун лесных граций смотрел в противоположную от него сторону. Вожак отрывисто кашлянул, и все стадо, как один олень, без промедления и сомнения подчинилось команде. Все вдруг резко присели, бугры мышц на их ногах сгенерировали свою взрывную мощь и подбросили стремительные тела в воздух, широкими махами рыже-золотистые молнии прочертили поляну, пролетая в воздухе до 3 м, не касаясь земли. Эта яркая взрывная вспышка энергии была подобна ураганному шквалу, в который превратился такой тихий и безмятежный озерный бриз, который, как человек для себя решил, «выдул» оленей на эту поляну. Ну что, дружище «реалист», молчишь? Я бы тоже не стал облекать эту красоту в сугубо материальные термины. Пусть это будет иллюзия, мираж, мистическая картина, рассыпавшаяся под ударами шквала на тысячи мелких частиц. Картины нет, но есть воспоминания о ней. И согласись, это было здорово! Ну а если это был мираж, то и желать никому ничего не надо. Или все-таки надо? Но в другой раз, когда «реалист» возьмет верх в своем споре.

Жизнь в лесу текла своим чередом. Не все обитатели желали показать себя во всей красе перед любопытствующим взором наблюдателя. Но их присутствие всегда ощущалось: либо это были отпечатки следов, либо звуковые послания, когда в ночной тишине раздавались трубные звуки более крупных оленей — изюбрей, которые один раз в году, осенью, устраивали рыцарские турниры в честь прекрасных дам своего сердца.

Смыслом этого лесного ристалища являлась возможность, проявив свою доблесть в борьбе с соперником, получить почетный приз, которым являлась благосклонность со стороны объекта их вождения, самки изюбра,

избравшего героя и победителя этого турнира отцом их будущего потомства.

Воинственные звуки, издаваемые самцами оленей в этот период, подобно рокоту боевых труб, будоражили и подогревали ярость поединщиков, и вторивший им треск сошедшихся в битве ветвистых рогов — устрашающего оружия нападения и защиты — указывал на серьезность намерений отстоять свое первенство в этом нешуточном споре. В скоротечный, фонтанирующий страстями и энергиями период олени теряли рассудок от нахлынувших на них внезапно эмоций, оглушенные волной феромонов, витавших в осеннем воздухе, теряли чувство самосохранения и представляли реальную опасность всему живому, что могло бы оказаться в данный момент у них на пути. И лесные жители десятой дорогой обходили места выяснений обстоятельств своих соседей, находящихся в состоянии временного помутнения сознания. Это состояние емко и кратко называется «гон». Термин очень объемно и зримо живописует картину происходящего с оленями, которые сейчас гонятся за чем-то исчезающим и невыразимым, навеянным флюидами любви.

Еще один день жизни в лесу уходил в небытие. Лесные жители, те что, прожив этот день, сохранили в своем активе самое ценное, что у них есть — жизнь, отправлялись на ночной отдых, а кто-то, наоборот, очнувшись после дневной спячки, готовился окунуться в свои ночные заботы.

Обитатели леса просто жили, не вдаваясь в глубокомысленные философские размышления и не задавая себе вопросов зачем и почему. Они радовались каждому мгновению их бытия, проживая эти мгновения с упоением и восторгом, каждой своей клеточкой ощущая великое и покровительственное присутствие могущественных сил природы, беспрекословно подчиняясь их внутренним указаниям и повелениям, что вершили их судьбу. Человек как существо с высокоорганизованным и развитым в процессе

эволюции мозгом плохо вписывался в эту гармоничную и сбалансированную жизнь леса. Обширные знания, накопленные человечеством в веках и эпохах, создавали мнимую иллюзию всезнания, якобы дающую возможность все понять и объяснить.

Наш представитель рода человеческого теоретически отлично знал все причины и условия, не позволяющие ему в полной мере ощутить себя существом леса. Редкие проблески прорывов, когда он чувствовал родство с этим организмом, нередко заканчивались для него плачевным результатом. Но упорный искатель не оставлял попыток достичь своей цели, откатываясь на прежние позиции и начиная все сначала. Очередной раз ему показалось, что он в достаточной мере очистил свое сознание и, остановив умственную деятельность, готов к повторению опыта по полному слиянию с ЛЕСом, но и в этот раз оказалось, что его надеждам не была дана возможность исполниться.

«Пустынь» — долгожданное место Силы, воплощенная в жизнь мечта о прибежище мятущейся души, своей незримой помощью помогала претворять в жизнь все светлые чаяния духовного опыта, который претворял в жизнь дерзновенный экспериментатор. Первая жесткая отповедь Леса на попытку человека опять стать частью Зеленого Властелина не обескуражила упорного воителя духа. Он знал, что когда-нибудь снова повторит опыт, но для того чтобы результат его на этот раз был положительный, нужно было восстановить как минимум те утраченные позиции, на которых находится искатель на момент первого прорыва за грань бытия.

Быт, мелкие детали организации жизни лесного отшельника, несмотря на то, что это происходило на территории «Пустыни», пусть и не в той мере, как в мирской жизни, но все же отвлекали и сбивали тонкие внутренние настройки организма, расшатывали состояние покоя

и равновесия, что с таким трудом было установлено в результате столь длительных трудов. Для того чтобы решить эту проблему, человек выполнял эти функции машинально, с механичностью завязанного робота. При автоматичности исполнения мелких функций по обеспечению жизни в лесу казалось, что не затрагивается статичный покой мозговой деятельности, так как хорошо заученные и повторяющиеся с периодичностью действия исполнялись бездумно, лишь на основе мышечной памяти, но это оказалось лишь отчасти верным утверждением, что в дальнейшем сыграло с нашим отшельником пусть не злую, но шутку.

Часть 12

Глава 1. Мыслезудения... я... я

Свежий горный ветер, дующий с завидным постоянством, кроме того, что он был наполнен целительной силой фитонцидов и ароматами тайги, не давал безжалостным кровососущим насекомыми исполнить свою злую волю, упругой стеной вставая на их пути и гоня эту жужжащую орду прочь. Живительные волны моря солнце с бездонными глубинами небес омывали горные склоны, даря тепло и радость всем обитателям этих мест. Но, как всегда, было одно маленькое «но» — то, что мешает ощутить всю полноту идиллии нарисованной кистью Всевышнего картины. Вода.

Какой-то короткий период времени весной, как только с горных склонов сошел снег — предтеча своего будущего жидкого состояния, излишняя влага, обильно пропитавшая землю, обильно сочилась во многих местах из-под камней, образуя прозрачные, но быстро пересыхающие ручейки. Колесо времени, проворачивая свои ступицы в заоблачных высотах, приближало с каждым поворотом лето — время, когда горячая любовь солнца испепеляет землю, иссушая мелкие водоемы и ручьи. В это время живительную влагу можно было встретить только в глухих распадках, скрытых от огненного взора светила кронами мощных деревьев. Если же дождевая влага не пополняла иссякающие запасы подземных кладовых вод, то и эти источники пересыхали. Но у подошвы хребта раскинулся обширный участок заболоченного леса, поросший ивняком и березой. В самые засушливые периоды жизни леса его обитатели могли там рассчитывать на утоление жажды всех страдающих от летнего зноя. Ручьи, лишенные возможности пополнять в до-

статочном количестве свои быстротекущее струи, теряли свой бег, разрываясь на отдельные участки стоячей воды. Затем солнце уменьшало площадь и этих мини-озер, и вот уже в русле когда-то полноводного ручья оставались лужи стоячей мутной воды. Но все-таки оставались. И уже никогда не пересыхали, будь это лето самым жарким. В мелких ручьях и лужицах, что в достатке еще хватало по руслу ручья, с неиссякаемой энергией взбивали своими миниатюрными хвостиками мутную теплую воду бокоплавов — личинки комаров. Их родители, уже прошедшие через этот водный этап своей жизни, с заунывным гулом барражировали над болотистым раем для всех кровососущих. Лесные жители, гонимые жаждой, сами приходили в комариновую столовую, обеспечивая бесперебойное питание длинноносым вампирам. Горячая кровь теплокровных давала импульс к воспроизводству себе подобных, и вот уже новая партия бокоплавов резвилась на водных просторах комариного родильного дома. Всем жаждущим приходилось мириться с таким положением вещей, так как это был единственный источник воды во всей округе, пусть и не самого лучшего качества.

Общезаведенный порядок лесной жизни касался всех обитателей леса, в том числе и нашего отшельника. С началом лета с каждым своим новым посещением «пустыни» он все дальше и дальше удалялся от своего лагеря в поисках воды, и вот все близлежащие источники иссякли и оставался единственный источник воды — «комариный рай». Пить мутную воду можно было, конечно, только тщательно прокипятив, ну а для умывания она вполне годилась. Для выполнения функции водоноса человек имел целую батарею пустых пластиковых бутылок и объемистый походный рюкзак, освобожденный для выполнения этой работы от всего содержимого.

Эта неприятная, но такая необходимая операция, была проделана уже не один раз. Путь до всех ближних и даль-

них водоносных точек был разведан и не единожды пройден. Как таковых звериных троп на более или менее обследованных участках леса не существовало, ведь по ним можно было бы без проблем выйти к источнику воды, так как они чаще всего и были привязаны к местам водоемов. Поэтому наш водоходец мог рассчитывать только на свой навык лесного ориентирования. Выбрав нужное направление и не придерживаясь никакой, пусть и собственноручно (по сути грамматически верно сказано, но по факту нужно было бы сказать «собственноножно» — ремарка от «моралиста», он же «умник») протоптанной тропе. И всегда достигал свои цели. Это, в свою очередь, порождало чувство самоуверенности в том, что эта задача пустяковая и он легко с ней справится в любой ситуации, и вообще он этот лес уже знает, как свой карман, ну и далее по нарастающей. Да я и ориентировщик неплохой, и вообще я уже опытный путешественник и мне многое по плечу... Это высокопарное «я, я, я...» билось речитативом в том маленьком уголке мозга, что отвечал именно за мышечную память и при всем кажущемся безмолвии мозга своим комариным писком не давал уснуть эгоистичному самомнению. Человек иногда слышал это назойливое жужжание эго, но он особенно не придавал этому значения, ссылаясь на то, что это болезни роста и что все это пройдет, когда утвердится тоталитарное безмолвие умственной активности. Но ЛЕС был в курсе высокопарных умозаключений этого зазнавшегося пришельца, вообразившего, что он уже полноправный лесной житель, познавший все тайны и секреты ЛЕСа, и может легко и непринужденно выйти из всех сложных ситуаций, что встанут на его лесной дороге. Надо отдать должное долготерпению Зеленого Мудреца, это комариное зудение эго он слышал уже не первый год, но сейчас, когда человек уже действительно неплохо узнал окрестности, его самомнение, получив реальную подпитку от осознания этого факта, сменило низкий тон комариного зудения на более

басовитый, похожий на жужжание шмеля. И тут терпение у ЛЕСа лопнуло, и он решил провести воспитательную работу по вразумлению зазнайки, дабы впредь указать неразумному пришельцу его истинное место в лесной иерархии.

Лето в этом году выдалось на редкость засушливым. На экваторе этого бездождевого сезона бирюзовый купол неба, прокаленный испепеляющим жаром солнца, звенел, как буддийская поющая чаша. Его благородный бирюзовый цвет не был испятнан ни одной точкой или мазком легкого облака, тем более тучи. Это состояние продолжалось уже достаточно длительное время, и иссушенный жарой лес с надеждой взирал на безжалостную чистоту небес, ожидая увидеть на них признаки приближающегося дождевого фронта, но пока все надежды были тщетны. Человек тоже исчерпал все свои запасы воды, хранящиеся в пластиковых емкостях, и на первую половину следующего дня у него был запланирован водоносный подвиг, так он для себя обозначил небольшую экскурсию в комариный рай, где обязательным условием, прописанным в негласных правилах этого мероприятия, являлось принудительное кровопускание. И никакие репелленты не могли умерить аппетита кровососов, похоже было на то, что они используют их как пикантную приправу к основному блюду. Да и просто передвижение по июльскому пеклу, пусть и кое-где под покровом крон деревьев, не облегчало задачу. Тень деревьев не снижала градус зноя, к тому же путешественнику приходилось принимать меры предосторожности от укусов кровососущих, то есть он был упакован в плотную ткань таежной одежды. Застегнутый на все пуговицы и молнии, он в общем итоге представлял образчик передвижной мини-парилки.

К тому же, если первая часть пути пролегла по наклонной плоскости сверху вниз по склону горы на болотистую низину, да еще с рюкзаком, наполненным лишь пу-

стыми пластиковыми бутылками, то вторая, обратная часть пути была полным его антиподом.

Максимально нагруженный водонос, обливаясь потом и атакуемый мириадами кровососущих насекомых, медленно и тяжело будет штурмовать горный склон, временно проламывая своим тяжело груженным телом стену колючего кустарника, не имея возможности его обойти. В лесу, особенно в горном, расстояние измеряется не в километрах, а по времени. Если по карте методом вычисления путешественник определял три половиной — четыре километра до искомого пункта прибытия на равнине, да еще с наличием на ней дорог и троп, то он вполне мог быть уверен, что не пройдет и часа, как он закончит свой маршрут. В горном лесу перепады высот по горизонту, захламленность упавшими деревьями, заболоченность, как в данном случае, удлинляли путь в разы. Расстояние до источника воды было равным приблизительно четырем километрам. Первая часть пути сверху по временной продолжительности могла быть равна один час тридцать минут или один час сорок минут. На обратный путь затрачивалось как минимум два с половиной часа, чаще это было ближе к трем часам.

В течение нескольких лет человек не единожды проделывал этот путь и знал все эти временные раскладки, поэтому он ожидал, что тяжело груженный обоз с водой прибудет на место постоянного базирования к обеду, если пуститься в путь утром, не особо затягивая отправление. Так было всегда, но не в этот раз. В этот день ЛЕС не был благосклонен и благожелателен, как все предыдущее время, и по прошествии этого дня человек всегда в свои расчеты будущих путешествий стал включать такой важный фактор, как покровительство ЛЕСа. Угадать его было невозможно, если этот фактор был положительный, то все самые опасные моменты путешествия завершались успехом. Но если нет... Хотя после того преподан-

ного урока (рассказ о котором еще впереди), что ЛЕС свершил своей волей, человек многое пересмотрел в своем поведении и у него далее уже больше никогда не возникало проблем в общении с ним.

Глава 2. Комариный рай

В этот день все было как обычно: ранний подъем, умывание, приготовление завтрака. Летом, особенно таким жарким, как это, потребление пищи имело свои специфические особенности. Утром и вечером, когда было еще или уже не так жарко, наш путешественник плотно и основательно подкреплялся своей немудреной, но калорийной и питательной пищей. Утром — чтобы обеспечить себя запасом энергии на грядущий день, ну а вечером — чтобы восполнить его, так как обеда как такового не бывало по причине отсутствия желания принимать в такую жару горячую пищу. Зато человек без ограничения баловал себя холодным чаем, охлажденным в естественном холодильнике — мини-гроте под нависающими каменными глыбами у подножия скалы. Подслащенный бодрящий напиток своей прохладой уменьшал давление огненного пресса жары. Если все-таки появлялось чувство голода, то несколько сухарей заглушали его до лучших времен вечерней прохлады.

Плотно позавтракав и закинув на плечи невесомый рюкзак, в котором поскрипывали, касаясь друг друга своими пластиковыми боками пустые бутылки, наш водонос ненадолго простился с обжитым лесным домом и пустился в путь с полной уверенностью, что он в ближайшее время снова увидит родной пейзаж. Ноги уверенно несли путешественника в знакомом направлении.

Густой подрост из обширно разросшихся зарослей колючего кустарника, перевитый одревесневшими змеевид-

ными побегами многолетних лиан, вкупе с каменными глыбами и упавшими валежинами не давал возможности передвигаться к заданной цели по прямой, наиболее короткой дороге, приходилось лавировать, обходя эти природные препятствия, но выдерживая по мере возможности основное направление. Вот и первый ориентир — верховье каменного ручья, который почти под 45 градусов серпантинном ниспадал в лесистый распадок. Базальтовые валуны бугрили свои каменные лбы, отшлифованные струями бурных потоков. Только во время весеннего обильного таяния снега и летне-осенних ливневых дождей эта каменная гребенка на краткий срок исчезала из виду, укрытая водным покрывалом, во все остальное время это было высохшее русло каменного ручья, с сомнительной репутацией труднопроходимой дороги, по которой отваживался тропить свой путь только человек. Услышь такое заявление горный козел, он бы криво ухмыльнулся в свою козлиную бородку этому безответственному заявлению (только каким образом можно пригласить в собеседники длиннобородого рогатика, и второе — найдется ли переводчик, чтобы проблеять ему смысл сказанного?), ибо для него такая дорога было равна наилучшему тротуарному покрытию. Но в отсутствии конкуренции в лице (наверное, лучше сказать — морде) этих непревзойденных скалолазов, наш путешественник с грацией, отдаленно напоминающей пружинистую поступь горных козлов, со всевозможными предосторожностями продолжил спуск по этой вздыбленной каменной брусчатке. Как это часто бывает, в основное русло распадка впадали несколько высотных ответвлений с таким же пупырчато-валунным ландшафтом. Так было и здесь. Стоя лицом к природной лестнице и оценивая всматриваясь в хитросплетение каменных ступеней, по которым он еще совсем недавно с опаской спускался, наш путешественник, впрочем, уже не в первый раз наблюдал с правой стороны от себя еще одно высотное ответвле-

ние — почти зеркальное отображение его собрата слева. Те же голые лбы валунов, тот же резкий набор высоты. Каменная грива, густо поросшая лесом и кустарником, рассекала эти два ответвления, и они уходили в горную высь от точки их соединения в виде латинской буквы V. Человек никогда не совершал восхождение в этом направлении, не было необходимости, ведь его путь всегда проходил по левому руслу. В более благоприятные времена, когда выпадающие дожди поддерживали уровень грунтовых вод на должном уровне, чуть ниже v-образного соединения из-под камней на обрывистой стенке распадка вытекала струйка чистой и вкуснейшей воды.

Отнюдь, на сегодняшний день от источника остались только воспоминания и небольшая воронка в грунте в том месте, куда отвесной струей падала хрустальная влага.

Спускаться вниз по основному руслу сухого ручья было все-таки легче, чем, например, по склонам распадка. Кратковременное переувлажнение почвы поймы ручья не давало возможности укорениться в ней крупным деревьям, тем самым лишая их шансов для выживания, а ивняк и густая трава пусть и тормозили продвижение, но не очень существенно. И все равно приходилось продвигаться вперед предельно осторожно. Густая трава скрывала под своим покровом опасные ловушки в виде камней и глубоких ям в русле ручья — «вымоин», одним своим названием указывающих причину их появления в этом месте. Чем ниже спускался по ручью легкий груженный водонос, тем заметнее становились изменения травянистой растительности. Высокие стройные стебли трав с множеством зонтичных соцветий уступили место низкорослой осоке и пружинистым пенькам кочкарника, то есть тем представителям растительности, что избрали местом своего произрастания переувлажненные почвы. Все указывало на то, что грунтовые воды где-то рядом, но сухая пыль, взбиваемая ногами идущего по этой иссушенной ярким солнцем болотистой растительности,

не оставляла сомнений, что воды здесь тоже нет. Желтый безжизненный цвет осоки и пергаментный шорох ее копьевидных листьев еще больше подкрепляли первоначальные выводы.

Каждый путь должен когда-то завершиться. Для ручья логическим завершением его сухого бега было устье, такое же безводное, как и упирающиеся в него болото. Тоже высохшее и пыльное. По некоторым признакам можно было определить, что к его появлению человек приложил свои руки. Это была старая просека. Когда-то очень давно люди для своих целей прорубили в лесной глуши дорогу, затем, покинув эти места, они перестали поддерживать ее в работоспособном состоянии, и лесной ручей превратил бывшую транспортную артерию в этом пойменном месте в болото, то есть вернул себе ранее отторгнутую у него территорию. Даже при минимальном количестве осадков болотистая почва как губка впитывала в себя влагу и обильно выделяла ее, заполняя каждый след непрошеного гостя, будь то рифленый след от резинового сапога или раздвоенное копыто зверя. Но болото уже давно не получало даже минимального водяного подношения с небес

Сушь. Пыль. Пергаментный шелест осоки. Желтая река высохших стеблей широко и вольно на правах равнинного протока текла в границах бывшей лесной дороги. Через какое-то время, постепенно понижаясь и делая округлый поворот, желтый поток вливался в заболоченный лес, дробился и растекался на мелкие ручейки и протоки. Царство серой мглы, зудящей, гудящей и жалящей. Чтобы добыть драгоценную влагу из этих мрачных чертогов, любой вступивший туда пришелец, будь это человек или зверь, должен принести откуп, оплатив его собственной кровью. На меньшее серая аморфная масса была не согласна, и приходилось мириться с этими условиями.

Изголодавшиеся кровососы шевелящимся серым покрывалом облепили фигуру жертвенного безумца, само-

стоятельно прибывшего к ним на заклатие. А ведь воды все еще не было. Углубляясь все дальше в лес, человек уже стал замечать ее первые признаки: мелкие лужи, влажный грунт в сухом русле ручья. Вот еще одна лужа. Маловата. Другая неплоха, но надо еще поискать получше.

Ага! То, что надо, даже есть какой-то небольшой перелив воды из основной лужицы. Значит, вода не совсем застоявшаяся, есть небольшое поступление свежей порции влаги из глубины земли.

Настолько хватало взора, на ближайшем обозримом расстоянии ничего лучшего не наблюдалось. А терпеть просто уже не было сил, не защищенные от укусов гнуса лицо и кисти рук саднили и опухли, ошпаренные горячим пристрастием кровососов. Небольшая глубина и объем источника воды не позволяли человеку использовать самый быстрый способ наполнения пластиковых бутылок. А именно — погрузить их полностью в воду и дожидаться, пока жидкость сама заполнит пустой объем сосуда. Здесь же пришлось прибегнуть к единственно возможному в данной ситуации приему, обыкновенной походной кружкой зачерпывать из мочажины мутную жидкость и переливать ее в бутылку. Процедура, требующая терпения и четкой координации действий. Сложно было соблюсти эти два условия, проводя манипуляции заполнения водной бутылок, и в то же время отбиваться от атак москитов. Тонкая струя воды, вливающаяся в узкое горлышко бутылки, не могла в достаточно быстрый срок заполнить все имеющиеся емкости, и жужжащее крапивное племя ежесекундно обжигало беззащитную плоть. В слепой ярости от невозможности прекратить эту пытку истязуемый гнусом человек молотил себя искусанными руками по лицу, отрываясь от и так не быстрого процесса водозабора. Иногда забыв выпустить из руки зажатую дужку кружки, от всей души припечатывал металлическим сосудом ко лбу наиболее навязчивых насекомых. Видок, конечно,

у нашего водоноса был аховый. Мокрое, опухшее лицо, со щелочками вместо глаз, с прилипшими к нему трупами убитых комаров, мелким лесным мусором и в разводах свежей крови. Но отступить было некуда, человек должен был выполнить поставленную перед самим собой задачу и вернуться в свои благословенные горные кущи с драгоценным грузом воды.

Все когда-то должно закончиться. Вот наконец-то последняя бутылка воды, с таким трудом, как и все остальные, наполненная до краев, отправилась в глубины рюкзака за компанию с предыдущими емкостями. Споро, выверенными движениями приладив изрядно потяжелевший мешок с драгоценной влагой на спину, водонос поскорее поспешил покинуть это, мягко сказать, неприветливое место. Как он ни торопился проделать этот путь в минимально сжатый срок, сделать это так быстро не получилось. Тяжелый рюкзак тормозил движение, лямки врезались в плечи, и сухие русла ручья, как брошенные окопы неведомой войны, заставляли двигаться достаточно осторожно, по ситуации либо обходя их стороной, либо перепрыгивая там, где они были не широки. В разрывах между впереди стоящими деревьями уже стали проглядываться первые вестники другого мира. Мира солнца, ветра и свободы от комаров! Сухие метелки осоки, кланяясь в пояс, качали своей золотистой шевелюрой, приветствуя возвращение в свет отчаянного смельчака.

Тот человек, что появился на опушке леса после почти часового отсутствия, мог сравниться со своим двойником, что вторгся в пределы комариного рая, разве что элементами экипировки: та же самая одежда и обувь, тот же рюкзак за спиной. Все остальное резко контрастировало с предыдущей картиной. Мокрый, грязный, с маской вместо лица, детали которой были описаны ранее.

Прокаленный солнцем ветерок напрочь сдул наиболее отчаянных или наиболее голодных представителей комариного племени, что попытались сопроводить нашего водоноса далее. Само избавление от их присутствия воспринималось как добрый знак, и верилось, что все худшее позади, а впереди — пусть и тяжелый, но менее болезненный путь домой. Человек даже не предполагал, что все только начинается и сколь много событий произойдет в этот день до того момента, когда нога водоноса наконец-то ступит на землю «пустыни».

Глава 3. Сказка — ложь? Нет!..

«Золотая река» была пусть и высохшим, но болотом. Которое совсем не способствовало быстрому передвижению по нему человека, особенно тяжело груженного. Высокие кочки путались в ногах, заставляя ходока либо циркулем раскинув ноги перешагивать через них, либо как-то обойти, но это было нереально, так как они были везде. Блуждание по золотистому кочкарнику отнюдь не освежило нашего путешественника. Палимый безжалостным полуденным солнцем, не имея возможности укрыться от его прямых лучей, обильно потев под весомым грузом — все это вкупе через какое-то короткое время охладило пыл эйфории водоноса, вырвавшегося из комариного плена. Обильный пот, стекающий по его лицу, своим соленым рассолом разъедал и так уже истерзанную комарами плоть. Приходилось стоически терпеть эту продолжающуюся пытку, с каждым своим геометрическим выкрутасом ног приближая страдающее тело к устью горного ручья, где хвойные богатыри, стоящие караулом по склонам распадка, приветливыми взмахами своих зеленых рук приглашали опаленного солнцем путника вступить под их сень, обещая защиту от раскаленного пекла. Потратив

на форсирование желтого травяного потока приличное количество времени, наш путешественник наконец-то достиг устья ручья, по которому ему сейчас предстояло подниматься вверх в гору.

В устье ручья кочкарник был не так высок и обилен, поэтому вектор направления движения человека, если опять применять к описанию этой ситуации сухие геометрические термины, изменил свое направление на более прямолинейное и ровно-поступательное. Полумрак, царящий под сводами леса, остудил на какое-то время огненное буйство крови, разгоряченной тяжелой работой и распаленной эфирной плазмой солнечных лучей. Краткий отдых подкрепил человека.

Лес успокаивающе шумел, солнце не обжигало своими лучами, комаров и след простыл. Все это настраивало на успокаивающий лад. И пусть обещанная прохлада оказалась очередной иллюзией, по многим параметрам завершающий горный участок пути обещал быть наименее трудным и более спокойным. Густота леса не давала вволю разгуляться горным ветрам, и теплый неподвижный воздух пусть и не был пронизан слепящими обжигающими искрами солнца, но по своей температуре мало чем уступал тем раскаленным массам воздуха, что повышали свой накал, соседствуя с лесом на открытом пространстве. Поэтому каждое движение вперед и вверх было обильно полито соленым потом, хорошо, что не кровью, ее пришлось пролить в оплату гнусным хранителям водных богатств за возможность воспользоваться ею малой толикой.

Убаюканный кажущейся простотой исполнения завершающей части пути, наш водонос с механической размеренностью робота шагал по каменистому руслу ручья, погруженный в какие-то свои мысли, воспоминания, в общем, во всю ту мысленную чепуху и шелуху, от которой он так стремился избавиться. Ноги сами

должны были вынести его к лагерю, ведь так было всегда и не один раз. И зачем тогда напрягаться и контролировать свой путь, ведь я уже не первый день, и тем более год, живу в лесу и чему-то научился, и вообще я молодец, как у меня ловко все получается, и я... Что это такое? Где это я?

Путь человека уже проходил по наиболее возвышенной части ручья — горному ответвлению, что вело к его верховью. Поднимаясь вверх по валунам, приходилось периодически хвататься руками за шершавые боковые ребра каменных глыб в тех моментах, когда градус подъема резко повышался. Не единожды совершая подъемы и спуски по каменному серпантину, путешественник уже знал, в каких местах можно будет помочь себе в подъеме, подключая руки. Количество этих мест было невелико, они были где-то в самом начале подъема, затем ближе к верховью ручья каменные ступени уже не дыбились в крутой вертикали, а наоборот, горизонтально-плавно замедляли свой бег, пряча свои отшлифованные спины под травянистый дерн небольшого горного плато. Некоторые особо колоритные и запоминающиеся камни человек знал в лицо. Ему почему-то казалось, что у камней есть лицо, очень индивидуальное и неповторимое. Таких каменных знакомцев он ласково называл «каменюки» или «каменюги», в зависимости от их размеров. Более мелкие — это были «каменюки». Ну а те, что претендовали на монументальность, соответственно — «каменюги». Так как приятели избрали своим местом обитания самые крутые склоны серпантина, невольно при подъеме по этим участкам приходилось по-дружески опираться руками на их надежные каменные плечи, и человек поймал себя на том, что когда его руки прикасались к лицу одного из любимчиков, он дружески начинал похлопывать его по шершавой поверхности, как бы приветствуя старинного друга.

Самонадеянно доверившись внутреннему поводырю, что, впрочем, ранее ни разу не подводил путешественника, автоматически передвигая ноги, все равно, пусть и не так пристально, как желалось бы, но фиксировал изменение пейзажа, чьи картины чередой проплывали перед его взором. Вначале насторожило то, что он не видит на своем пути знакомых «каменных лиц». Ну а затем, когда человек уперся своим лбом в более упрямые массивные каменные лбы высохшего водопада, он понял, что находится не там, где он должен быть сейчас. Чего-чего, но каменного водопада на его пути никогда не было! В общем и целом человек внутренне был готов к таким ситуациям. Не потеряв бодрости, но все-таки несколько смущенный самим фактом развенчания образа безукоризненного лесного ориентировщика, успокаивал себя глубокомысленными измышлениями, что он не заблудился, а всего лишь «плутанул». Отчасти он был прав.

Заблудившийся человек не знал, где он находится, или очень предположительно знал. Здесь все стало понятно с первых минут незапланированной остановки. На месте слияния двух ответвлений в основном русле ручья человек вместо обычного левого ответвления ушел в правое.

Массивные «каменюги», как гигантские спины уснувших бегемотов, устилали ложе притока ручья в том месте, где во времена обилия воды упругая струя сверзалась с пятиметровой высоты водопада, шлифуя их покатые тела. Можно было только представлять мощь напора бурлящих потоков во времена многоводья, потому что воронкообразный котлован на месте наивысшего давления водяных струй был чист от мелких камней и щебня. Все это унес в своих прозрачных зубах ревуший зверь водопада. Лишь крупные глыбы, отшлифованные и округленные, бугрились гигантскими тушами окаменевших мастодонтов на дне и по краям иссохшей чаши. Место было очень экзотичным, и как нельзя лучше подходило под использование этого природного амфитеатра как временного мысли-

тельного центра, где было бы можно проанализировать сложившуюся ситуацию и принять какое-то решение по выходу из нее. Хотя сам антураж мыслительного центра располагал к долгому философствованию и размышлению, решение этой проблемы было найдено очень быстро. Для ее разрешения существовало два варианта. Первый — развернуться, и проделав ту часть ошибочного маршрута вниз, на место соединения с левым ответвлением, и с этого места стартовать уже в правильном направлении. Второй — продолжить восхождение по правому ответвлению, достигнуть максимальной высоты, то есть выйти на гребень хребта, и уже по нему вернуться на свой базовый лагерь. Путь удлинится по времени, но выигрыш был в том, что не нужно было терять высоту, с таким трудом набранную. И этот немаловажный аргумент перевесил чашу весов в пользу варианта номер два. Перелистывая страницы воспоминаний, человек задавал себе вопрос, что бы было, в каком русле протекали бы события этого дня, выбери он для претворения в жизнь вариант номер один? С точки зрения ума вариант номер два был более рационален и практичен, но тут в игру вершения судьбы человека вмешались совсем другие силы.

Во времена далекого детства человека он жил в эпохе радио и зачатков черно-белого телевидения. Репертуар радио и телепередачи не изобиловали разнообразием, и в звучащих из тех допотопных динамиков браваурных маршах заглавной темой проходила мысль, что человек — царь природы, что ему все подвластно и он может и должен изменить окружающий мир во благо человечества. Лейтмотив этой разрушительной идеи пропивался бодрыми тенорками: «...мы рождены-ы, чтоб сказку сделать былью-ю...». И далее по тексту все в том же залихватски самоуверенном тоне. Много было подобных опусов, излагающих эту мысль другими словами. Но ярче всего запомнился именно этот лозунг, претендующий на воплощение

в жизнь. Потому что для строителя светлого будущего само понятие «сказка» представлялось как что-то нереальное, смехотворное и имеющее право жить только в придуманном нашими «недалекими» предками мире, как о них думали современные вершители судеб. Все эти водяные, лешие, баба-яга и иные персонажи были годны лишь на то, чтобы украсить незатейливый рассказ своему малолетнему чаду для того, чтобы он, убаюканный необычным повествованием, уснул сладким безмятежным сном. В реальной жизни им не было места. Все, что нельзя доказать, увидеть, потрогать, не имело права на жизнь. Если современные ученые не доказали их существование, значит, их нет. И все примеры, указывающие на потустороннее, что вторгалось в жизнь людей, этими самыми представителями академической науки возводились в ранг психического нездоровья и досужих рассказней. Наш человек много знал о наличии другой, потусторонней, «сказочной» по понятиям материалистов жизни. Он верил и знал, что весь пантеон существ тонкого мира существует, но семена гордыни, что таились в каждом слове, распеваемом бравурными тенорками, дали свои всходы. Еще не имея в своем сердце столько божественного света, чтобы осветить все темные закоулки своего существа, он неоправданно рано стал считать себя просветленной личностью, не отдавая должного почтения маленьким персонажем тонкого мира леса. И эти маленькие персонажи решили проучить зазнавшегося представителя рода человеческого. Было ли это их личная инициатива, или это происходило по прямому указанию ЛЕСа, человек так и не узнал. Кто это был? Леший, кикимора, Баба-Яга или кто там еще? Один персонаж, или это было коллективное творчество? А впрочем, какая разница. Они опять сказку сделали былью, если перефразировать тот первоначальный лозунг. И очень даже преуспели в этом, проделали это убедительно и назидательно. Дальнейшее развитие событий наглядно это проиллюстрировало.

Глава 4. ...Да в ней намек...

А пока ничего не предвещало того, что грядущие события могут протекать по иному сценарию, чем по спрогнозированному сейчас в результате мозговой атаки. Самоуспокоенный тем, что все под контролем и это всего лишь небольшое недоразумение, после кратковременного отдыха на «лежбище бегемотов» наш немножко сконфуженный водонос продолжил восхождение по этому проблематичному ответвлению. Верховье каменного русла ручья располагалось на более высоком уровне, чем его левой брат, и подъем по нему заставил восходителя искать четыре точки опоры, так как каменные ступени вздыбились вертикальной щеткой уступов, будто намереваясь скинуть со спины горного кряжа скалолаза, как надоедливую муху. На счастье, резкий вертикальный подъем не был продолжительным, далее пошла более пологая часть русла, и вот наконец каменная гребенка уступила место бугристому травяному покрову, предваряющему границу леса, чьи первые древесные представители робко и неуверенно ощупывали своими напряженными прикосновениями корней неустойчивую поверхность каменных глыб, могущих сорваться вниз в момент многоводья, увлекая за собой все то, что ранее видело в них опору. Деревья стояли достаточно разреженно, и за их неплотно сомкнутыми стволами просвечивалась какая-то пустота. Миновав участок редколесья, человек ступил на поляну, обозрел окрестности и, если сказать кратко, возрадовался! Место было для него знакомым. Это была та пограничная поляна, посередине которой проходила воображаемая красная черта, через которую благоразумно не переступил исследователь этого урочища в одну из первых весен его пребывания в этих местах. Сам того не ожидая, наш созерцатель окрестностей выбрал свой наблюдательный пункт именно в той точке, которую человек принял разумное решение не переступать.

Внутренний следящий, находясь в полудремотном состоянии от жары и усталости, не выдавал ни малейших сигналов тревоги. Вероятнее всего, лесной массив, чьи гибкие древесные стволы гнул в приветствии-предупреждении медведь-джентльмен, был избран им в качестве зимней резиденции. А сейчас он мог находиться где угодно, как там у классика: «...и под каждым её кустом был готов и стол, и дом». Но проверять правоту своих умозаключений человек не стал, все-таки обойдя медвежью вотчину стороной. Зная по прежним путешествиям, что на небольшом удалении от «пограничной поляны» находится великолепная смотровая площадка, наш благо-разумный путешественник направил свои стопы в том направлении. Не эстетические желания наслаждаться красотой пейзажей гнали его в ту сторону, необходимо было все-таки определиться с местоположением, хотя оно было и так понятно. Существовала потребность мысленно проложить оптимальный маршрут до своего места проживания.

Пусть наш путешественник преследовал вполне утилитарные цели, но в тот момент, когда он с топографической скрупулезностью рассматривал раскинувшуюся перед ним панораму горного хребта, он не мог не отдать дань восхищения красоте и великолепию расстилавшегося под его ногами ковра горной тайги. Погода была безоблачная, воздух чист и прозрачен, и искомый пункт назначения «Змеиная гора» был виден великолепно. Извилистый гребень хребта, если идущий по его лезвию путешественник не отклонится от верного направления, обещал привезти тропившего свой маршрут к цели в течение полутора часов. Плюс или минус в любую сторону от расчетного времени прибытия.

Передвижение по гребню горного хребта — это был самый оптимальный и наиболее легкий способ перемещения для всех видов путешествий, будь то зимние или

летние. Как обычно, растительность на этом участке была более разряженная, и контроль за правильностью прохождения участка обеспечивался очень простым способом. Какой бы ни было ширины само лезвие хребта, все равно с правой и левой стороны от идущего по нему были видны, или ощущалось близкое присутствие их, пусть и поросшие густым лесом, но обрывистые склоны. Если вместо прозрачности горных горизонтов, окружавших путешественника со всех сторон, слева или справа от него выростала зеленая стена растительности, и он ощущал неуклонное стремление идти вниз, все эти симптомы безошибочно указывали на то, что человек отклонился от заданного пути и необходимо опять срочно набирать высоту и возвращаться на гребень. Все знакомо, испытано и проверено на практике. И не один раз.

Значит, в добрый путь! Хотелось поскорее прекратить все эти мытарства, скинуть лямки рюкзака, давящие на плечи как вериги аскета, и, вытянувшись на спальнике, дать заслуженный отдых уставшему телу. И еще пить холодный чай. Много и часто. Достаточное количество этого эликсира жизни дожидалось момента возвращения человека. Он заблаговременно поместил емкости с чаем в «холодильник» под камнями. Чай будет, конечно, без кубиков льда, но достаточно прохладным. При всей затаенности водяными запасами, что приглушенно булькали при каждом шаге в рюкзаке, наш водонос страдал от жажды. Пить эту мутную воду не прокипяченной он не решался, максимально то, что он мог себе позволить в этой ситуации, — смочить губы и прополоскать рот. Ну что же, ждать осталось недолго, цель видна, ноги сами просятся в путь. Пора!

В приподнятом расположении духа, полный надежд о скорейшем завершении сегодняшней водной эпопеи, наш водонос чуть ли не вприпрыжку ринулся вниз по склону, благо старт завершающей части маршрута на-

ходил на достаточно высоком уровне — на склоне сопки, преобладающей над всей горной страной. Бездумно переставляя ноги, которые сами несли его вниз по гребню хребта, с ускорением под давлением тяжело груженного рюкзака, он с самой первой минуты своего завершающего рывка вперед отмахал приличное расстояние и был несказанно рад этому. Но почему-то вместо спрямления спуска и выхода его на более пологий уровень это скоростное падение высоты продолжалось прежним порядком. Стоп! Неужели?! Так оно и есть! Справа и уже сзади высился крутой склон — левая стена, подпирающая гребень хребта.

Значит, ушел влево и свалился с гребня вниз по склону. И достаточно глубоко. Чтоб тебя! Что за день сегодня такой!!! Смотреть надо внимательнее, ведь твоя правая нога сильнее, чем левая, и поэтому уводит тебя влево. Неужели не знал? Знал, вроде и корректировал... Хватит отговорок, сам виноват! Дурная голова ногам покоя не дает!!! И далее бу-бу-бу да бу-бу-бу. Такой диалог, скорее, монолог раздавался в разгоряченной и ошарашенной очередной неудачей голове человека. Некий голос с холерическим темпераментом распекал своего оппонента, вероятнее всего, сангвиника, который своим ровным тоном пытался призвать своего распалившегося визави к спокойствию и благоразумию. Но тщетно. И ему поневоле приходилось выдерживать паузу.

Штурмуя в очередной раз этот треклятый склон, человек понемногу набирал высоту и через какое-то время достиг той точки подъема, когда вертикальная стена больше не мельтешила перед глазами, а вместо нее взор радовал светлый прогал между деревьями. Они ограничивали обзор наблюдателю, и он видел только стволы и кроны деревьев. Но это точно был гребень. Не обращая внимания на безостановочное брюзжание холерика, представитель более трезвой и рассудительной части дискуссионного клуба призвал сам себя к внимательности и осторожности

и неторопливо и размеренно начал или опять продолжил, кому как удобно считать, движение вниз по гребню. И через какое-то, как ему показалось, достаточно непродолжительное время обнаружил, что бодро шагает вниз, но уже по правому склону. И слева от него этот склон терялся где-то наверху на всем обозримом пространстве. Момент перехода от движения, медленного и неторопливого по гребню хребта, до какого-то суетливо ускоряющегося темпа вниз по склону напрочь отсутствовал в памяти человека. Как будто его и не было, или он стерся из памяти, или его стерли?! Да ну! Быть того не может, опять сам виноват. Плохо контролировал свое движение. Да нет, был сверхвнимателен. Только не надо заводить опять шарманку о разности сил ног, ведь поворот был влево. Здесь в этой полемической беседе преобладала точка зрения рассудительного сангвиника. Холерик только единожды смог вставить реплику в разговор, да и то как-то неуверенно. Он сам был ошарашен происходящим и не мог найти внятных объяснений. Сангвиник, не поддаваясь на эмоции, не хотел даже рассматривать версию о каком-то потустороннем влиянии на ситуацию и холодно и рассудительно во всем обвинял себя.

Совершив уже второе за сегодняшний день восхождение-возвращение на гребень, все с тем же упорством и настойчивостью сконцентрировался на спуске. И... Опять оказался в «яме», как он для себя назвал те глубины на склонах хребта, в которые он проваливался с завидной регулярностью. Вначале он провалился в «яму» с левой стороны, она же «левая яма», но затем после возвращения на гребень последовал провал в «правую яму». Глубина этих «ям» была очень внушительная. За то время, что наш мытарь сваливался по одному разу в правую и левую «яму», он мог бы по первоначальному расчету уже дойти до своей базы, упиться там холодным чаем до икоты и уже бы отлеживал себе бока на мягком спальнике, вспо-

миная как о страшном сне о событиях прошедшего дня, но реальность была изнуряющая и беспросветна. В темной, насквозь мокрой от пота одежде, с распаренным красным лицом и загнанно дышащий, опытный ныряльщик в разноименные горные ямы в который уже раз, похоже, что четвертый, за этот день выбрался на заколдованный гребень хребта. Если до этого момента он отгонял эту мысль от себя, то тут все стало предельно ясно. Само понятие того, что такое явление существует и что другие люди могли попасть в схожую с этой ситуацией, не отрицалось человеком, он знал о существовании мелких сущностей тонкого мира, вредоносных и недоброжелательно относящихся к людям. В результате таких негативных опытов от встречи с ними и родилась знаменитая поговорка «заблудиться в трех соснах». Лучше и не скажешь! А нашему человеку почему-то казалось, что такое может случиться с кем угодно, но только не с ним. А почему? Вот, видно, из-за того что он думал подобным образом, он и мытарил себя на этих горных склонах. Ни холерик, ни сангвиник уже не полемизировал, лишь в гулкой пустоте дискуссионного зала прозвучала реплика запаленно дышащего сангвиника, что он уже ничего не понимает, где он находится и что дальше делать, и вообще это место, на котором он сейчас стоит, — гребень хребта или что-то другое? Через какое-то непродолжительное время этот же голос уже спокойным, обычным для себя тоном озвучил свои рекомендации: «Возвращаться по склону хребта, или что это такое? На первоначальное место старта — смотровую площадку, чтобы там определиться со своим местоположением и принять какое-то решение».

Двигаясь в обратном направлении, он выяснил две вещи. Одну положительную — место, по которому он сейчас двигался, все-таки гребень, потому что он точнехонько вывел его на смотровую площадку. Ну а вторая вещь была неприятная и даже очень. Площадка была очень близко

к точке, от которой наш путешественник решил вернуться назад. Выходит, что человек почти совсем не продвинулся вперед и вниз по гребню и все это продолжительное время барахтался в самых ближайших подбрюшьях горы.

Ничего не изменилось в картине горной страны, тот же хребет змеиным выползком лежал на зеленом ковре тайги. Сброшенная шкура гигантской рептилий окаменела от времени и сама покрылась зеленым налетом растительности. «Змеиная гора» все так же манила своей недосыгаемой близостью. Лишь солнце уже не сияло в зените своей сегодняшней славы.

Животворная миссия дня завершалась. Наступал вечер, предвестник ночи. И разведчики темноты, маскируясь под все удлиняющиеся тени от деревьев, отвоевывали себе плацдарм для будущего массового наступления полчищ тьмы. На исполнение задуманных планов оставалось полтора-два часа светлого времени. Это если принять во внимание, что темнота под пологом леса наступит задолго до того, как последний луч солнца спрячется за горизонтом. Нужно было спешить, но не было ни сил, ни понимания того, что нужно предпринимать далее в этой ситуации. Нужен был хоть какой-то кратковременный отдых. Избрав местом для отдохновения округлый валун, человек пристальным взглядом вглядывался в рельефную картину хребта, пытаясь запомнить в мельчайших деталях будущий маршрут. Полномочные представители ума, или как чаще его называют — ментала, холерик и сангвиник полностью расписались в своем бессилии перед происходящим. Ведь в их установившейся и статичной картине мира не было места всему тому, что нельзя потрогать, увидеть, а значит, и объяснить его существование. Человек внутренне улыбнулся про себя, радуясь тому, что он не может увидеть тех мерзких существ тонкого мира, в чьих когтистых лапах он был игрушкой в данный момент. Они забавлялись это

игрой, похоже, что бессилие человека перед их кознями их немало веселило. Теоретически человек даже знал, как они выглядят. По крайней мере, их физиономии. Просветленные учителя, чей взгляд простирался за пелену материального мира и мог лицезреть всех и вся населяющих иные миры и вселенные, в своих мудрых книгах дали некоторые подсказки, на основании которых человек мог иметь представление о том, как могут выглядеть его недруги. Представители этого недружелюбного сообщества имели власть над миром насекомых и могли лепить их физиономии по своему образу и подобию. Увеличив посредством незамысловатых приборов головы пауков, кузнечиков и иных представителей этого изощренного эксперимента, можно было бы составить приблизительные портреты этих существ, но не хватало несколько темных мазков в этом импровизированном фотороботе. Летучие мыши, самые кровожадные из них — вампиры. Их физиономии при ближайшем рассмотрении могут и человека с крепкой нервной системой привести в трепет. Наверное, нет одного ярко выраженного облика для всех этих тварей, потому что, как все существа во вселенной, они уникальны и индивидуальны. Но усугублять и так нелегкое положение лицезрением их милых мордашек — это было бы слишком! Нет, никто не скалил кривые зубы, заглядывая в лицо человеку, ветер на своих эфирных крыльях не приносил отголоски замогильных голосов. Только шум тайги, щебет птиц.

Ментальные собратья, такие говорливые, такие рассудительные и всех поучающие, спасовали в данной ситуации. Единственное, что они смогли предложить, так это в который раз за этот день штурмовать горный хребет. «Авось» и «думать будем ногами» — это были два аргумента, которыми они могли подкрепить свои умозаключения. Уже, значит, голова думать не хочет и не может, переключи-

дывая эту функцию на другие части тела. Ну что ж, пусть будет так. С видом обреченного, уже заранее зная результат этой попытки, человек взгромоздил опостылевший рюкзак на плечи и шагнул вниз по гребню хребта... «Авось», как ожидаемо, не получился. В очередной раз ощутил себя после кратковременного провала в сознании бодро сучившим ногами по склону хребта, все глубже и глубже опускаясь на дно воображаемой ямы. Какой? Ага, левой. С чем вас и поздравляем.

Человек без сил рухнул на лесную подстилку. Было уже не смешно. Что, всю оставшуюся жизнь, как Сизиф, тянуть в гору на своем горбу тяжеленный рюкзак, чтобы в очередной раз быть низвергнутым вниз? Кстати, он все эти муки претерпевал уже после смерти, я ведь еще живой.

...Пока живой... Ни-че-го себе мысли! Все тело каждой своей клеточкой воспротивилось мрачной перспективе на будущее, бунтующее естество молило того, к чьему присутствию относилось так небрежно и кратковременно, но всегда зная, что только он может помочь в самых сложных ситуациях. Многие называли его Бог, вся разница только в названии, ведь он Един для всех. Почему-то краткое ОН было более применимо для нашего человека. Мозг стыдливо молчал, потому что все, как ему казалось, безграничные возможности были исчерпаны. Впрочем, скоро и его призыв к Всевышней силе присоединился к общему пламенному зову.

Глава 5. ...Добру молодцу урок?!

И ответ пришел. Из глубины сердечного центра поднялась теплая волна. Спокойствие и уверенность в том, что все будет хорошо, проникли в каждую клетку, вибрирую-

щую от страха за свою жизнь. Присутствие светоносной силы наделило наконец-то замолчавший мозг функцией ретрансляции ее повелительных указаний в форме словесных фраз, так привычных для восприятия всему существу. Спокойный, тихий и очень мягкий голос озвучил краткий план действий, который необходимо было претворить незамедлительно, потому что светлое время суток неумолимо сокращалось. Нужно было продолжать спускаться по склону горы вниз, но предварительно найти русло любого ручья. Все ручьи этой стороны хребта впадают в «Золотую реку». Ручей, который мы выберем, приведет нас туда же. Далее по сухому ложу «Золотой реки» добираться до устья ручья, по которому человек спускался за водой утром и поднимался по его руслу до развилки V-образных ответвлений. На этом указания закончились, вероятнее всего, нужно будет ждать следующих по окончании первой части плана.

Надежда, совсем недавно окончательно угасшая, наполнила новой силой уставшие члены путника. Удивленный тем, что у него еще достаточно сил, он бодрый трусцой припустил вниз по склону.

Самое ближайшее понижение в рельефе, в котором угадывалось русло небольшого ручья, попало на глаза очень скоро. Следуя в этом направлении, человек воочию убедился, как велика сила воды, которая, преумножая свою мощь боковыми притоками, выпилила себе в скальном монолите небольшой каньон, в окружении отвесных стен которого наш спутник и завершил горную часть своего пути. Вот наконец и «Золотая река». Предстоящее циркулирование по ее кочкастому руслу уже не представляло сложности. С ловкостью опытного чертежника, широко расставляя свои ноги-циркули, он быстрыми махами прочеркивал золотую ткань полотна реки. А вот и опушка «комариного царства», быстрее вперед! До русла ручья еще недалеко. Здесь, на откры-

том пространстве, уже сумеречно, а что творится там, под кронами леса?

Дистанция «золотой мили» с барьерами для тяжелогруженного спортсмена подходила к финишной черте. Широкий прогал леса с воображаемой финишной лентой указывал, что в этом месте должно находиться что-то, что мешает расти массиву плотной неразрывной зеленой стеной. Это могла быть либо дорога или просека, либо, как в данном случае, сухое русло когда-то полноводного ручья. Знакомые детали пейзажа манили своей близостью, но первоначальный запал с открытием нового, уже, наверное, 110-го дыхания иссяк, и последние десятки метров наш золото-речной чертежник проциркулировал зигзагообразной траекторией, поминутно отступаясь и частенько заваливаясь в прогалы между высокими кочками, режущими незащищенную плоть человека своими острыми краями болотной травы. Тело ломило от усталости, взгляд человека не мог сконцентрироваться на окружающих его деталях лесного пейзажа. Как будто все устье ручья с волнующими от вечернего ветра зарослями осоки и окаймляющий его по краям берегов гибкий кустарник по воле неведомого режиссера изменяли свое местоположение, как на движущейся вперед и назад театральной сцене. Усталый мозг не мог адекватно оценить зрительное восприятие увиденного, и лишь через какое-то время пришло запоздалое осознание того, что с пейзажем все нормально, это самого человека так качает от усталости. «Шкивает» — всплыл из глубины памяти термин, используемый моряками для описания своего неравновесного состояния в момент жесткой качки.

Солнце уже ушло за горизонт, на открытом пространстве еще было достаточно светло, но, бросив взгляд вдаль в направлении русла ручья, человек увидел серый тоннель с крышей из сомкнутых крон деревьев. Без единого про-

блеска света. На отдых просто не было времени. Немного снизив темп движения, который был и так невысок, путник спотыкающейся, неверной походкой проталкивал вперед тело, отказывающееся слушаться от перенапряжения, шаг за шагом отвоевывая у каменной дороги пространство. Несмотря на столь необычный способ отдыха, через какое-то время тело все-таки приобрело некую относительную степень равновесия. Дыхание перестало быть свистящим и рваным, деревья уже не столь часто и явно стали перебегать дорогу путника и возвращаться в первоначальное положение.

Где-то рядом уже должна быть развилка. Надо быть предельно внимательным и напрячь расфокусированное зрение на точное определение этого судьбоносного места. В «тоннеле», как его окрестил человек, царил уже не полумрак, а серый мрак. Глаза привыкли к нему, еще можно было видеть свои ноги, камни, на которые они опирались при движении, и некоторые близстоящие детали лесного пейзажа. Пока еще при этом освещении можно определиться со своим местоположением. Но уже минут через 15 это будет проблематичным. Стоп! Кажется, это то самое место! Человек был готов услышать слова указания, рекомендации, инструкции. Но их не было. Вместо этого тело в безгласной тишине начало автоматически выполнять действия, сигнал на исполнение которых, без всякого сомнения, был направлен по нейросетям человека великим Покровителем и Защитником. Тем, кто сейчас вершил судьбу заблудившегося в лесу и заблудшего в своих внутренних исканиях путника.

Человек тщательнейшим образом обследовал правое и левое ответвление, удостоверился в том, что стоит именно в той точке, с которой и нужно было начинать восхождение по левому протоку, и без лишних колебаний начал восхождение. Время было дорого. Первая часть подъема была достаточно крутой, опираясь на камни но-

гами и цепко удерживаясь руками, с паучьей цепкостью и грациозностью этого членистоногого новоявленный спайдермен начал набирать высоту, двигаясь вверх по каменистому серпантину. Полностью отдавшись во власть Верховного правителя, человек не перечил тому, как сейчас действовало его тело. Констатация и фиксирование в памяти всего, что с ним происходило, — это было единственное своеволие натуры, которое он мог себе позволить.

Необычности в этом ночном скалолазании стали фиксироваться буквально с первых мгновений восхождения. Мрак стал еще гуще, но все равно можно было смутно различить свои конечности. Глаза человека напряженно и неотрывно контролировали каждое минимальное движение рук и ног. Например, движение начиналось с отрывом ступни правой ноги от камня и переносом ее на поверхность другого, вышележащего. До того момента, когда горный ботинок не припечатывался к следующей опоре, взгляд сопровождал его все время в процессе перемещения. В это время другие три точки опоры пребывали в состоянии статичной неподвижности. Затем наступала очередь очередной ноги или руки, в зависимости от обстоятельств. Но только одной. И все продолжалось в той же последовательности, одна конечность тщательно контролируется, другие ждут своей очереди. Медленно, но, видимо, такова была высшая необходимость.

Подъем каменного ложа русла ручья был резко вертикальным в самом начале восхождения по нему. Далее он сполаживался, и через какое-то время обычно человек уже распрямлял свое тело и, ступая ногами по неровностям камней, сохранял руки свободными для удерживания баланса при столь неустойчивом положении тела, и если он оскальзывался, то в момент потери равновесия опирался одной из рук на надежную каменную опору.

Но сейчас, когда человек-паук выполз на такой участок русла, который более благоприятствовал для продвижения по нему в пешем порядке, никаких изменений в манере перемещения согбенной фигуры не произошло. Угол подъема все понижается и понижается, но распластанное горизонтально к поверхности и тяжело дышащее тело не поменяло своего приземленного положения. Дрожащие от усталости руки и ноги подгибались, и через какое-то время человек почти полз по каменной гребенке, обдирая тело об острые ребра булыжников. Сил еще вполне хватало для того, чтобы подняться на ноги и более комфортно, быстро, и главное, с меньшими затратами энергии преодолеть этот участок. Но сигналов от Центрального координатора не поступало, и ползучее наступление на каменный бастион продолжалось. Все чаще и чаще ищущая опоры рука стала наталкиваться на травянистый дерн. Вначале он покрывал пространство между камнями, но вот уже упрямые лбы булыжников украсили свои гладкие скальпы зеленой жесткой шевелюры. Подъем закончился.

Это уже было верховье ручья. Небольшое плато как воронка для сбора водяных потоков венчало левое русло. Его запоминающиеся, уникальные приметы проглядывали через ночной мрак и были узнаваемы даже с того приземленного ракурса зрения, с которого сейчас смотрел на окружающий мир наш водополз. Когда-то еще сегодня днем он действительно нес на своей спине груз воды.

Но сейчас по разным причинам был избран иной способ передвижения, и перемещение водяного запаса горизонтально плоскости земли уже требовало обозначения этого явления новым термином, значит — водополз! Несмотря на отупляющую усталость, наш человек находился в приподнятом состоянии духа. Оцарапанный живот, сбитые в кровь колени и локти рук, дрожащие и отказывающиеся работать от перенапряжения мышцы. Какая мелочь! Главное, что он жив и избежал серьезных травм.

И он под защитой и опекой надежного Покровителя. Уверенность в том, что сегодня для человека все закончится хорошо, была непоколебима и несокрушима.

Поэтому стиб в свой адрес и привычная самоирония опять вернулись на свое прежнее место в натуре путешественника. А ведь совсем недавно там на какое-то время поселилось отчаяние. Поэтому лежа изодранным телом на жестком покрывале плато, человек в темноте улыбался. Приполз правильно! Что дальше?

Ночной ползун изменил траекторию своего движения и, как гигантский горбатый варан, проскользил изодранным брюхом к стене леса, что окаймляла по краям горное плато. Вот уже ближайшее дерево нависло своей разлапистой мощью над распластанной у его подножия фигурой человека. Это была сосна. Даже в темноте стройная мачтовая колонна отсвечивала золотистым сиянием ее коры. Ствол дерева был хорошо виден в мельчайших подробностях, насколько это позволяла ночная тьма. Значит, он был совсем рядом.

Тело человека неожиданно сгруппировалось, ноги подтянулись к бедрам и разогнувшись, выстрелили живым снарядом в направлении к дереву. Рывок был неожиданный и мощный, и главное, непредсказуемый. Обмякшее от неожиданности тело впечаталось в ствол сосны, широко обхватив ее руками. Наконец-то стоя на распрямленных ногах и крепко обнимая дерево, резвый прыгун нервно хихикнул в предчувствии новых сюрпризов, что грядут в ближайшее будущее. Опять веселый огонек ерничества зажегся в его глазах. Ну вот, сегодня ночью я уже был человек-паук, человек-варан, только что воплотился в человека-лягушку. Кем мне еще предстоит быть сегодня? И кстати, я опять водонос, чары земного притяжения сгинули, и я опять прямоходящий!

Дальнейшее прямоходящее передвижение тоже изобиловало характерными особенностями. Для того, чтобы пе-

ребраться от дерева к дереву, необходимо было соблюсти обязательное условие. Ни на секунду не терять контакт с деревом. Ладонь всегда должна быть или на стволе, плотно прижатой, либо крепко сжимать любую ветку. При переходе от дерева к дереву, отходя от первой сосны, обязательно надо было держаться за ветку до тех пор, пока не захватывалась другой рукой спасительная ветвь соседнего дерева. Только после этого можно было отпустить первую ветку.

Опять мудрено, зато дело пошло повеселее. Лес был крепкий и здоровый. Сосны и кедры плотной живой стеной стояли близко друг другу, поэтому продвигаться вперед, соблюдая все эти условия, было несложно. Но потому, что каменистый склон под ногами путника начал резко набирать высоту, стало угадываться приближение гребня хребта, или вершины. В данный момент водоноса интересовала «Змеиная гора». И с приближением к среднегорью лес становился немного разреженнее. Скоро должен быть наступить тот момент, когда деревья будут расти на таком расстоянии друг от друга, что невозможно будет дотянуться до их ветвей, чтобы скрепить два дерева в дружеском рукопожатии при посредничестве человека. Пока все происходило по старой схеме, но вот ожидаемое событие наступило. Темнота очень сильно скрадывала ощущение расстояния между предметами. В очередной раз человек мелкими шажками двигался в темноте от одного дерева к другому. Одной рукой он удерживал упругую ветвь, другой же пытался ухватить маячившую прямо перед его лицом хвойную лапу соседнего дерева. Обе руки вытянулись на максимальную длину, но желанного контакта не произошло. Немного не хватало расстояния до запланированной спасительной встречи двух зеленых великанов. Без заминки, в тот же момент человек разорвал спасительный контакт с деревом, отпустил хвойную ветку и быстрыми шагами, вытянув обе руки вперед, преодолел оставшееся

до ближайшего дерева расстояние. Смолистый аромат и легкие уколы от сосновых иголок указали на то, что цель достигнута. «Ну вот, сегодня мы и в зомби поиграли!» — отметил для себя штатный летописец событий сегодняшнего дня и с присущим для него юмором дополнил картину шествия по темному лесу с вытянутыми вперед руками звуковыми комментариями. По правилам игры в зомби участник обязан был говорить загробным голосом: «...У-у-у, я зомби!». Конечно, никто ни в какие игры сегодня не играл и никаких слов не произносил, все было очень серьезно, но разбавить малой толикой юмора всю напряженность ситуации было совсем не лишним.

Как и ожидалось, далее расстояние между деревьями увеличилось, и это стало заметно даже в темноте. Но по тому, как резко пошел вверх склон, на котором росли деревья, можно было предположить, что наивысшая точка хребта где-то совсем рядом. И уже после «точки зомби», как для себя обозначил летописец то место, где человек впервые разорвал связь между деревьями, был установлен и применен на практике очередной способ передвижения. Самый простой и незамысловатый. Подъем вверх по склону с обязательной тщательной визуальной фиксацией каждого момента восхождения. Человек был отпущен в «свободное плавание», но под неусыпным управлением опытного лоцмана. Пытаясь четко поддерживать направление «прямо и вверх», восходитель в этой завершающей (как бы ему хотелось, чтобы это было именно так) стадии имел небольшую возможность разглядывать детали пейзажа ночного леса.

До сего момента угол его кругозора был чрезвычайно ограничен и частенько простирался не дальше вытянутой руки или ноги. Не так часто человек может наблюдать ночной горный лес в самых его потаенных чащобах. К сожалению, темнота покрывала темной вуалью все яркие, впечатляющие картины, что без сомнения скрывались

за сумраком ночи. Но одним из незабываемых впечатлений этой ночи было видение куп цветущей калины.

Непроглядная тьма, царящая под кронами ночного леса, не была разбавлена ни единым отблеском ночных светил. Время Луны еще не пришло, а свет звезд был слаб и далек. И в этой черной безысходности светлые шарообразные кроны цветущих калин бросали вызов мраку. Обилие соцветий делало свет плотным и глубоким, беспрерывно струящимся откуда-то из глубины сияющих шаров. Белый матовый цвет не был ярким и раздражающим, наоборот, он был мягких оттенков приглушенных тонов. Как будто какой-то потусторонний, inferнальный свет освещал дорогу заблудившемуся путнику. Все в природе светится отраженным светом, и цветы калины тоже не должны быть исключением из правил, ведь как заметил человек, под кронами леса была непроглядная темнота, как в душе у грешника. Какой тут свет, какое отражение? Проверять все это опытным путем не было никакой возможности. Путь восходителя проходил где-то в визуальное близости к сияющим зарослям, но никогда его маршрут не пересекался с кустарником, несущим в себе тайну ночного свечения.

А человек все шел и шел, и не было конца его дороге. Он уже не чувствовал ни боли, ни тяжести от рюкзака. Даже усталость куда-то ушла. Только дорога вверх, хруст валежника под ногой и темные силуэты деревьев впереди. Подъем немного стал положе, лес на некоторое время раступился, и человек вышел на совсем небольшую поляну. В архивах памяти сохранилось много зрительных картин мест и событий, оставивших свой след в его судьбе. Среди целого перечня картин полян, разнообразных типов и размеров, была одна, которая, по крайней мере, подходила по размерам на ту, на которую ступила нога путника. «Микрополяна» — как он для себя ее назвал. На ее краю

когда-то стояла сухое дерево, которое человек спилил на дрова, оставив торчать из земли высокий, почти по грудь лесоруба пень. Если это та самая поляна, то пень будет в этой стороне. Через несколько шагов в исковом направлении вытянутые руки человека наткнулись на высокий деревянный конус, торчащий из земли с ровной плоской вершиной. Пень, тот самый! А вот если развернуться влево, то в прогал между деревьями можно будет увидеть белую полиэтиленовую крышу шалаша. С расстояния десяти метров, отделяющих спасительный пень от шалаша, даже в непроглядной тьме угадывался знакомый скат крыши облегченного летнего жилища отшельника. Дошел! Надежный Лоцман вывел терпящее бедствие судно прямо к родному причалу! Лишенный сил от радости увиденного человек, крепко ухватившись за столбообразный обрубок, повис на нем, потеряв опору ослабевших ног.

Глава 6. Добрый молодцу урок

Водопад воды низвергся с неба. Плотная дождевая стена ударила по голове, плечам, спине и в мгновение ока промочила до нитки не ожидавшего такого сюрприза путника. Все произошло без прелюдий, сразу и мгновенно. Не было порывов ветра, предшествующего и указывающего на приближение дождевого фронта. Затем по метеозаконам должно было поступить затишье, и уже после этого первые осторожные капли, как бы предупреждающим посылом, оповещали всех окружающих — дождь пришел, радуйтесь! Кто не рад этому — пусть немедленно ищет себе укрытие, ибо сейчас будет мокро. Здесь же все было не по правилам. Хляби небесные разверзлись и оттуда хлынул поток, подобный вселенскому потоку. Вода падала без перерыва, как бывает, когда кто-то наклонил гигантскую чашу и ее содержимое безудержным водопадом устремилось к земле.

...«Как из ушата...» — искрой мелькнула мысль. Не исключено, но он должен быть колоссальных размеров. При первых секундах холодного душа он был не просто холодный, а ледяной, пришло осознание происходящего. Истинное знание, исходящее из сердечного центра, не прибегая к звуковой транскрипции, наполнило каждую клеточку искрящимся пониманием происходящего. В мельчайшей искре знания была сконцентрирована вся информация, объясняющая причину этого потопа. Это была месть этих мелких враждебных сил, из чьих цепких лап сейчас освободился человек, призвавший себе в помощники и покровители силы более могущественные и светоносные. Потоп закончился так же неожиданно, как и начался. Содержимое гигантского ушата было исчерпано. Это продолжалось, может быть, 2—3 минуты, но плотность воды этой мини-Ниагары, низвергающейся с неба, была такой, что даже ощущалось продавливающее давление от ударов гибких струй. Подняв голову вверх, человек увидел кусочек ночного неба, свободный от скрывающих его от глаз наблюдателя крон деревьев. На небе сияли звезды, яркие и неприкрытые никакой, даже легкой пеленой облаков. Их и не могло быть, мощный антициклон, жара и безветрие не позволяли влаге собраться в кучевую массу и пролиться долгожданным дождем. А тут целый трехминутный потоп, однако это как же надо было расстараться, чтобы выполнить свою задумку?! Видно, очень было обидно, что их козни разрушились. Кстати, по истечении нескольких секунд, когда водяной столб прекратил свое давление на человека, вдруг откуда-то сорвался резкий порыв ветра, в доселе абсолютно безветренной атмосфере. Он был кратковременным и мощным. Деревья дружно качнули своими кронами и неодобрительно зашумели. И в этом шуме явно прослушивалась какофония каких-то нестройных голосов, негромких, очень раздраженных и несказанно рассерженных. Ни явственный слов, ни фраз. Только

гневливость и скрежет зубовой. Так бы охарактеризовал последний звуковой фрагмент удивленный слушатель. Именно скрежет. Чем они там скрежетали? Зубами, костями — он так и не узнал. Да и не хотел узнать. Для этого надо было их увидеть, а как мы уже знаем, у него не было на это никакого желания. Человек, честно говоря, не ожидал от них такой прыти в виде материализации их недружелюбных намерений в водяной столб. И завершающим аккордом водных процедур было небольшое звуковое послание, бессвязное, но с явным выражением недовольства. Значит, не так они и безобидны, если могут претворять такие вещи в жизнь.

Вся поляна и окружающие ее кустарники и деревья были обильно увлажнены и обтекали каплями избытка влаги на землю, которая с благодарностью впитала в себя неожиданное подношение с небес. Человек как главный участник водной феерии, мокрый, замерзший, несмотря на то, что ночь была очень теплой, все также статично стоял на краю поляны, вцепившись двумя руками в пень, как в спасительный буй. Он был несколько насторожен и напряжен. До шалаша оставалось 10 м, он его видел очень ясно и четко. Ну что еще могут предпринять темные недоброжелатели в этот короткий временной промежуток, когда он будет преодолевать это расстояние? И сможет ли он его преодолеть? Человек поймал себя на том, что ум, совсем недавно угнетенный и молчаливый воочию увидев приближение завершения ночной эпопеи, опять взбодрился и попытался перехватить инициативу первенства, по-хозяйски распоряжаясь и командуя, а в данном случае — внося сумятицу сомнения в благополучное завершение пути. Это его паническое настроение заставило человека оторваться от объятий с иссушенным солнцем и временем пнем и в смятении ринуться по направлению к лесной хижине. Гигантскими махами преодолев невеликое расстояние, он смог умерить свою прыть лишь уткнувшись в полиэтиленовой полон

всей массой своего тела, едва не протаранив утлое сооружение. Все получилось, несмотря на вызывающий демарш со стороны самоуверенного ума, собирающегося опять взять бразды правления в свои руки. Человек протянул руку к пластиковой крыше, удостоверился, не мираж ли это. Нет, это была явь. Твердый, скользкий и сухой полиэтилен. «Какой странный дождь, всего лишь в десяти метрах все промочил до основания, а здесь все сухо», — немедленно прокомментировал увиденное знаток жизни. Дождь?!

Долготерпеливый и мудрый источник знаний и поддержки, что безропотно наблюдал за очередной выходкой неисправимого зазнайки, наконец пресек его разрушительные действия отповедью, а также наставлением и вразумлением своего неразумного дитя и нерадивого ученика, которого уроки жизни ничему не учат. Откровение пришло как вспышка, искра, теплая волна. Это и многое другое в одно мгновение ощутил человек. Знание наполнило своим драгоценным содержанием сосуд жизни, кем и чем в данный момент являлся человек. Как мы уже знаем, оно было безгласным и всеобъемлющим. Устыженный понятым и прочувствованным уроком ум замолчал, предоставив более действенной и всемогущей силе изливать свой свет из глубин сердечного центра. Через какое-то время острота пережитого притупится, знания и опыт, подчеркнутые в процессе проживания этой экстремальной ситуации, как бы отойдут на задний план, и ум опять начнет проявлять свой строптивый нрав, но он уже никогда не будет прежним, изменения в нем произошли и еще грядут, это процесс очень длительный, и, может быть, даже самой жизни человека не хватит, чтобы завершить это видоизменение. Но душа вечна, и приемника, грядущего на смену искателю, будут ждать нехоженые пути и судьбоносные события, способные дать новый импульс к росту.

По истечении какого-то времени человек перевел для себя в знакомые символы, в данном случае звуковые, все то знание, что он получил в этом ночном послании. Есте-

ственно, излагая полученную мудрость посредством слабых механизмов ума, он допустил неточности, да и ум, как недобросовестный редактор, внес свои коррективы. Но даже такой упрямец и бунтарь, как ментал, не мог остаться безразличным к той неподдельной заботе и родительскому участию, что сквозили в каждом звуке и тональности всего вышеизложенного. Само послание было пропитано отеческой нежностью и заботой, и чтобы сохранить эту теплоту общения, его непредвзятый интерпретатор не стал менять стиль изложения.

...Мое неразумное дитя, тебе необходимо прекратить своевольничать. Твое неверное видение и трактование ситуации может привести к беде, если ты отринешь отеческую помощь и единовластно постараешься принимать решения и претворять их в жизнь. Очень показателен для тебя пример всего того, что произошло сегодня. Даже после того, что мы с тобой вместе пережили, ты имеешь неразумие отвергать сам факт присутствия потусторонних враждебных сил и называть их водную выходку «необычным дождем». Какие еще тебе нужны доказательства? Чтобы с неба на голову падали мерзкие жабы? Думаю, что тебе бы это не понравилось. Я избавил тебя от этого. Но не будь моего присутствия, с неба могли бы сыпаться и камни, и это были бы очень весомые аргументы для тебя, и после них мне бы уже было не с кем вести разговор. Мир очень сложен и многообразен. Силы неведения сильны и могущественны. Одному тебе с ними не справиться. Предоставь этим заниматься мне.

Подлинное послание было более разносторонним, с наиболее глубинным раскрытием видения Мира. Весь этот мощный концентрированный сгусток истинного знания повелительно вторгся в обширные запасники ментального разума, потеснив и даже выдавив ненужные и недостоверные знания, захламляющие ценное информационное пространство ума.

Время уже близилось к полуночи. Наконец-то избавившись от тяжелого груза рюкзака, тело испытывало чувство близкое к эйфории. Еще большее ощущение легкости и раскрепощения человек получил, избавившись от давящего спуда неизвестности и неопределенности, порождаемого самим состоянием невозможности быстро решить возникшие перед ним проблемы обычным способом. Тело безропотно и автоматически выполняло все команды, инициированные высшим управителем. Но где-то в глубинах каждой клетки, в каждом потаенном ее углу гнезвился червь сомнения в том, правильно ли поступает тело, столь безоглядно доверившись новым веяниям, и не проще было бы еще раз попробовать решить эту проблему старым, проверенным и апробированным не один раз способом. Даже ум, буян и мятежник, с радостью сложив с себя все полномочия, внимал с почтением игре сил Всевышнего. В меру своей частичной просветленности и гибкости сделать это ему было несложно, уступив напору более светоносного знания. Поэтому ветер перемен, ворвавшийся внутрь устоявшихся картин старого Мира, разрушил все устоявшиеся и казавшиеся такими незыблемыми мироощущения и, сотворив разброд и разрушение, на их обломках посеял семена Нового Мира, светлого, могущественного, НАСТОЯЩЕГО. То, что эти семена дадут благословенные всходы, не вызывало никакого сомнения. Но уже потом просветленному уму придется столкнуться с косностью и инерцией физического тела, убеждать, вразумлять этих клеточных червей сомненья, и это более сложный и долгий путь. Но уже сейчас у премудрых червей чувства скепсиса поубавилось. Они были впечатлены великолепием проделанной работы по усмирению мятежного ума и разрешением, казалось бы, безвыходной ситуации. И то напряжение, в котором они держали клетку, наконец спало, и чувство легкости, переполнявшее все существо человека, было сродни левитации, то есть потере веса и ощущения полета.

Счастье переполняло человека. Возбуждение не давало ему возможности присесть. Хвалу и благодарность Всевышнему безудержным потоком изливало все тело, каждая клетка ликовала. И что удивительно, в этих хвалебных панегириках нашлось место и этим маленьким злобным существам, что так жестоко и беспощадно глумились над человеком в этот день. Человек их благодарил. За что?! Наверное, все-таки за то, что жесткая агрессия заставила человека исчерпать все способы борьбы, которые оказались недейственными, и призвать истинную силу, разметавшую их козни в прах. Как не хотел человек лицезреть их мерзкие физиономии, здесь он бы хотел увидеть их недоумение от услышанного, что их жертва их еще и благодарит!

Спасибо вам, мерзкие, злобные и темные существа. Какие бы вы ни были, мы все дети одного ОТЦА. Придет то время, когда вы исчезнете, растворившись в потоках света Истины, или перейдете на сторону сил света, обратившись в истинных слуг Всевышнего. Пусть это будет и не скоро, но это грядет! Ну а пока, спасибо вам, мелкие пакостники, ведь если следовать логике вышеизложенного, вы человеку, оказывается, приходите еще и дальними родственниками. Во как!

Часть 13

Глава 1. ...Кострами грея холодное зимнее небо...

Герой нашего повествования очень любил зиму. Природа в праздничном снеговом убранстве радовала глаз восхищенного зрителя первозданной чистотой, как будто само небо разбросало щедрой рукой дарителя мельчайшие россыпи космических драгоценностей. Деревья, укутанные искрящейся на солнце мириадами огоньков снеговой вуалью, своей холодной благородной красотой лесных красавиц вызывали трепет и почитание ценителя изысканных манер двора ее величества Снежной королевы, которым, может быть, несколько самонадеянно считал себя человек. Сравнение со сказкой сразу же приходило на ум, когда перед восторженным узором очарованного странника открывалась во всем своем великолепии картина торжественного бала во дворце властительницы ледяных чертогов. Колонны, стены, кавалеры и дамы в белоснежных, расшитых сияющими драгоценностями нарядах — все это легко дорисовало восхищенное увиденным воображение. И желание увидеть эту сказку и принять участие в этом феерическом зимнем бале, пусть и в роли непрошеного гостя, неодолимым стремлением подвигало путешественника отправляться каждую зиму в снежные маршруты.

Опыт одиночного зимнего путешествия, предпринятого еще в юности, пусть и неоднозначный, но отнюдь не негативный, не отвратил уже зрелого мужчину от желания совершать многодневные одиночные зимние путешествия. Сейчас он уже отлично понимал, сколь многого он не знал, предпринимая авантурные походы в своей бес-

шабашной юности. Ведь самое главное — чтобы зимние экстремальные путешествия, тем более одиночные, завершались успешным прохождением маршрута, для этого необходимо было набраться опыта, иметь всю необходимую экипировку, подбор которой происходил на основании знаний и условий зимних путешествий. В течение немалых лет этот опыт отшлифовывался и преумножался в коллективных зимних походах, участником которых выпало счастье быть нашему путешественнику. Тщательный подбор снаряжения, скрупулезная отладка и подгонка экипировки, сбалансированное по калорийности и набору необходимых микроэлементов и витаминов питание, углубленная проработка маршрута и многое-многое другое, что входило в план мероприятий, предшествующих грядущему путешествию.

Коллектив единомышленников, хорошо физически подготовленных, крепких духом и сплоченных одной идеей, мог творить чудеса выносливости, преодолевая в сжатые сроки путешествия гигантские расстояния, попутно штурмуя горные вершины, и все это в условиях зимнего многоснежья и низких температур. Для того чтобы уложиться в жесткий график движения, приходилось все время совершать передвижение в ускоренном темпе. Покрывая за один ходовой день большое расстояние, путешественники не имели ни сил, ни возможности предаться любованию чудесными видами, что природа представляла на обозрение неожиданным зрителям. Все равно ждущие красот и чудесных пейзажей глаза получали искомый результат, но он был фрагментарен и кратковременен. Стоя на очередной покоренной вершине, можно было в этот краткий миг победы обозреть весь мир горной страны, лежащий у ног путешественников, и задохнуться от восторга увиденного. Дыхание останавливалось на вдохе, и человек забывал дышать. Краткий миг счастья и спешное ретирование с этого опасного места, притягивающего все ветра

в округе, несущие на своих крыльях убийственную сутолоку горной пурги. Благодаря всесторонней продуманности походов все задачи, что были запланированы в период подготовки, исполнялись в полном объеме. Все заканчивалось для участников экспедиции хорошо. Все были живы-здоровы, с минимальными травмами, может быть, с легкими обморожениями, но на такие мелочи никто даже не обращал внимания. Просматривая великолепные отснятые видео и фотоматериалы, можно было хотя бы на экране монитора неторопливо и с пристрастием насладиться той красотой, мимо которой пришлось пройти в спешке, подгоняемым вечно опаздывающим внутренним хронометром. Все красоты, увиденные воспаленными глазами, разъеденными соленым потом, были чудесными и великолепными по сути их неповторимости, но спешка и усталость многократно преуменьшали эффект созерцательности.

Как бы ни были велики достижения: покоренные вершины, прохождение сверхсложных маршрутов, даже открытие таких ярких природных объектов, например, мощного водопада, ранее не нанесенного на карту, — все это не компенсировало в должной мере нашему путешественнику, приверженцу медитативной, созерцательной практики, отсутствие возможности проникнуть в глубинную суть красоты, что вливалась сияющим потоком в широко раскрытые восхищенные глаза. Являясь участником экспедиции, он не мог позволить себе отклониться от всеобщего заведенного порядка, ритма и темпа передвижения. Все его сугубо индивидуальные пристрастия по мере их претворения могли бы нанести ущерб общему делу, решению той задачи, что необходимо выполнить в строго определенные временные рамки. Поэтому, как бы ни были интересны и грандиозны планы предстоящих экспедиций, человек отошел в сторону от практики групповых путешествий, предпочтя им маршруты, исполняемые в одиночку.

Они не были столь грандиозные и масштабы, как предыдущие, коллективные, но путешественник-одиночка и не ставил себе задачи удивить и поразить окружающих блестящими спортивными победами и достижениями. Как он для себя охарактеризовал свой стиль поведения, это не были путешествия вдаль, это были путешествия ВГЛУБЬ. В течение 5—6 дней и ночей соответственно можно удалиться на приличное расстояние от обжитых мест и в полной отрешенности от благ цивилизации испытать истинный, незамутненный контакт с природой. Никуда не торопясь, довольствуясь лицезрением монументальных картин зимней природы не столь великого формата, как ранее. Пусть это даже будет один и тот же маршрут, пройденный не единожды. Но каждый раз проходя по знакомым местам, наш созерцатель, вглядываясь в уже такие родные, как черты лица лучшего друга, детали пейзажа, видел в них всегда что-то новое и необычное. Наличие или отсутствие снега, освещенность в зависимости от времени дня и погоды и много других мелких особенностей разительно меняли очертания знакомых предметов, представляя их в новом, незнакомом обличье. В такие моменты приходит понимание и осознание глубинного смысла восточных медитативных философий. Человек Востока мог долго и проникновенно, потеряв счет времени, наслаждаться изменяющейся гаммой цветов, оттенков и полутонов в картине моря, сада камней, цветов сакуры, Фудзиямы в обрамлении облаков... И многое другое. Герой нашего повествования обладал вполне европеоидной внешностью, но такой тонкий, созерцательный подход к видению, казалось бы, таких обычных вещей был ему чрезвычайно близок.

Для того чтобы претворить свою мечту автономного многодневного зимнего похода в жизнь, наш путешественник имел почти все необходимое для этого предприятия снаряжение. Ему необходимо было решить самую

главную проблему для зимнего путешествия — это обеспечение комфортной ночевки.

Спальные мешки, даже с хорошими характеристиками по сохранению тепла, в зимних условиях не могли обеспечить безбедной ночевки под открытым небом. Нужна была особенная палатка, сконструированная под зимние условия, а самая оптимальное — это дополнение к этой палатке — малогабаритная переносная печь с набором труб к ней. Несмотря на то, что все вышеперечисленное должно быть облегченным и унифицированным, на самом деле было и громоздким, и нелегким по весу. Использовать эти изобретения пытливого человеческого мысли можно было только при коллективных походах, когда груз равномерно распределялся среди всех участников. Шатровая палатка с титановой печкой внутри была лучшим подарком для подросших и усталых путешественников, когда в конце очередного тяжелого ходового дня этот теплый атрибут домашнего быта как по волшебству вдруг вырастал посередине заснеженной поляны. Но все волшебство заключалось в тяжелом труде, который предшествовал возникновению на таежных просторах уютного жилища. Утаптывание снега под будущие ложе для палатки с обрыдшими за весь день тяжеленный рюкзаками за плечами — это была только легкая прелюдия торжества домостроения. Обламывание и укладка хвойных лап на уже утрамбованную площадку: эта колючая прокладка на предстоящую ночь помогала обеспечивать изоляцию от льдистого фундамента временного жилища. Поиск подходящей сушины, обязательно прямостоящей, обрушение ее на грешную землю, распиливание на чурбаки, равные по длине топки печи, и наконец-то раскалывание их на поленья — все это перечисление манипуляций занимало какое-то время, а сам процесс — и того более. Обязательным атрибутом шатрового домостроения являлся центральный столб — надежная опора для палатки

и по совместительству приспособление для развешивания промокшей одежды и обуви. Сама палатка коллективными усилиями при слаженности работы устанавливалась в достаточно сжатые сроки.

Пока основной состав команды с муравьиным упорством возводит прототип вигвама, двое дежурных кашеварят на импровизированной кухне под открытым небом. Над ярко пылающим в вечерних сумерках огнем костра качали своими закопченными боками походные котлы. Топя в своих горячих утробах колючий снег, они подготавливают основу для приготовления сытной и такой укрепляющей и бодрящей горячей пищи. И когда, завершив ежевечерний ритуал обустройства ночлега, путешественники собираются под уютным и каким-то по-домашнему теплым кровом полотняного шатра, нет более счастливых людей на свете! Тепло от только что съеденного ужина мягко греет изнутри, восполняя потерянные силы, потраченные и на то, в том числе, чтобы эта стоянка обрела свое место на столь великом расстоянии от предыдущей. Тепло же, исходящее от весело горящей печки, так ласково по-родительски обнимает изголодавшихся по участию людей, что благодарная натура, облагодетельствованная и осчастливленная таким участием, не может найти слов благодарности, чтобы выразить все переполняющие ее чувства. Все они слабы и неубедительны.

Особенно ярко и полновесно охарактеризовал свое состояние один из ветеранов экстремального туризма. Он озвучил его всего лишь двумя словами. И не сами слова были важны, а то, с какой интонацией они были произнесены. Глядя восторженными глазами в направлении предмета своего обожания, он произнес на вдохе: «...ПЕЧКА!!!». Затем задержав дыхание и на долгом выдохе: «...ЧЕ-ЛО-ВЕ-Е-Е-К!!!». И столько было выражено эмоций и чувствований в этом последнем «...ВЕ-Е-Е-К», что этот вроде бы бессвязный набор букв модуляцией своего про-

изношения перевесил все самые красивые эпитеты в адрес, казалось бы, всего лишь нагревательного прибора.

Столь яркое и теплое в очень широком смысле слова воспоминание пришло на ум нашему путешественнику-одиночке в тот момент, когда он находился в состоянии подготовки к предстоящим зимним маршрутам. Возможность отдохнуть в комфортных температурных условиях и восстановить свои силы играла одну из главных ролей в проведении длительных зимних маршрутов, может быть, даже самую главную.

Наличие печи было оптимальным вариантом решения этой проблемы. Хотя и здесь были свои минусы. Для того чтобы поддерживать огонь в топке, необходимо было в течение ночи подбрасывать поленья дров в ненасытную утробу печи. Уставшие путешественники жертвовали толлику своего драгоценного сна, чтобы по очереди, чаще всего определенной жеребьевкой, дежурить в качестве истопника при коммунальной печи. Малый объем топки в первые часы своей огненной работы выдавал максимальное количество тепла, но чем ближе к рассвету, забываясь пеплом и углями, становилось все меньше, и уже такого малого количества тепла, что печка могла добыть от расщепления сухой древесины, не хватало, чтобы согреть путников, спящих на дальней периферии от очага. Еще и предутренний морозец вносил свою немалую лепту в освежении температуры жилища. Но это был все-таки один из наилучших способов ночевки в суровых зимних условиях.

При определенном стечении обстоятельств, когда одинокий путешественник, охотник или группа туристов не имеют снаряжения для комфортной ночевки, можно одну ночь провести у костра, что среди этой бесшабашной публики звучит емким термином «перекантоваться». Из какой среды в их уста пришло это слово, уже никто не знает, но используется оно повсеместно и более раз-

носторонне, чем в данном особом случае. Особым образом уложенные бревна, импровизированные тепловые экраны — все эти ухищрения лишь отчасти создают более-менее сносный тепловой фон для того, чтобы без обморожений, но, вполне возможно, с гарантированными небольшими ожогами дожить до начала следующего дня. О том, чтобы поспать или немного отдохнуть, не могло быть и речи. Изнуряющая работа по поддержанию огня и проваливание в кратковременное забытие в те счастливые моменты, когда костер горит споро и ярко — вот краткий перечень всех тех коллизий, что ждут человека, отчаявшегося выбрать этот способ обогрева как основной в зимнее время. После единственной ночи, проведенной в столь экстремальных условиях, отпадает всякое желание повторить этот эксперимент еще один раз.

Существовал еще один способ проведения зимней ночевки. Древний и до сих пор не потерявший своей актуальности. Современные продолжатели традиций своих древних пращуров без всяческих нововведений используют технологии строительства жилища из снега. Апробированный многими поколениями индейцев и эскимосов, он доказал свою дееспособность и был взят на вооружение современными путешественниками. Самый распространенный образец снежного жилья — это эскимосская «иглу» — шатровое жилище без центрального удерживающего столба, с входом и духовым отверстием, оно же световое, на самой верхней точке крыши.

Сложенная из блоков спрессованного под своим весом снега, выпиленных специальной ручной пилой и уложенных в ажурную куполообразную конструкцию аборигенами, чье высокое владение знаниями пропорций вызывает лишь восхищение, это снежное жилище было венцом творчества древнейших архитекторов севера. Строительство иглу требует определенных навыков и времени, а также

наличия под рукой самого строительного материала — прессованного снега.

Для большинства туристов этот способ обустройства ночевки можно было бы использовать как базовый или как аварийный вариант. К тому же для комфортного проживания в этих снежно-ледяных чертогах необходим спальный мешок с очень хорошими характеристиками по сохранению тепла в зимних условиях, потому что единственный источник обогрева в жилище данного типа — это тепло собственного тела. В безлесых или малолесистых местностях, где существуют неисчерпаемые запасы спрессованной до каменной твердости снежной массы, строительство данного типа жилья имеет свои перспективы. Но для нашего путешественника данный тип жилища не подходил по одной причине. В подавляющем большинстве случаев все путешествия в прошлом в составе группы, а также планирующиеся на будущее одиночные проходили и собирались проходить по лесистой и горно-лесистой местности.

Структура снега в данной местности имеет свои характерные особенности. Мириады серебристых капелек воды, вознесенных в небесные выси всемогущими силами природы, попадая в объятия зимнего кучевого облака, под воздействием холодной магии преображались в ажурные эфирные создания — снежинки, особенные в своей неповторимости. Кружась в хороводе холодных воздушных потоков, они вновь возвращались на землю — место своего прежнего обитания, когда их внутреннее состояние было таким нестойким, текучим, изменчивым. Спланировав с небесных высот на своих прозрачно-льדיстых крыльях-лучиках, в содружестве с такими же прекрасными танцовщицами по окончании завершающего па этого волшебного бала застыли в глубоком поклоне на блистательной сцене зимнего лесного театра, полного

восторженных зрителей-снежинок, уже совершивших свой эфирный полет и вытягивающих свои лучики навстречу вновь прибывшим хрупким созданиям. Крепкое сцепление друг с другом лучиков образует холодное содружество, которое пушистым сугробом покрывает все видимое пространство леса. Верхний слой снега под собственным весом утрамбовывается и бодрящий морозец скрепляет его в твердую корочку — «наст». Толщина и прочность наста недостаточны для того, чтобы выдержать вес крупного зверя, и лесной богатырь массой тела и силой своих мышц проламывает каналы-дороги в море снега. Более легкие его собратья по лесному общежитию беспрепятственно используют достаточно прочное для них снеговое покрытие и совершают разнообразные вояжи во всех направлениях, которые им заблагорассудится. Под слоем наста россыпями снежной крупы хранятся запасы мягкого чистого снега, пушистым пуховым одеялом укрывшего замерзшую землю. Именно крупа, или крупный снеговой песок, как свой каменный собрат, такой же сыпучий и рыхлый.

Наши древние прашуры — охотники и собиратели — были отнюдь не глупыми людьми, иначе, не обладая развитым практичным интеллектом, выжить в условиях жесточайшей конкуренции с природой было бы нереально. Те далекие племена, что в свое время жили в условиях резкой смены времен года с длительной снежной и холодной зимой, на практике воплощали в жизнь идею строительства и обустройства временного укрытия для ночевки в зимнем лесу. Именно в лесу, с его слоеным пирогом из наста и снежной крупы. Древним охотникам приходилось зимой совершать длительные поисковые рейды, отдаляясь от места своего постоянного базирования с теплым и благоустроенным по технологии тех времен жильем. Строя себе легкие снеговые жилища, выносливые и неприхотливые люди севера могли безбедно провести ночь в своем своеобразном спальном помещении и далее продолжить поиски добычи.

Прототип спального мешка из меха животных, вне всякого сомнения, уже существовал в те далекие времена, потому что их современные потомки северных племен, живущих в сходных климатических условиях, что и их далекие предки, и обласканные благами современной цивилизации, имея возможность сделать выбор между современными спальными мешками и меховыми, сделанными по древнейшим технологиям, делали выбор в пользу последних. Тем самым доказывая их великолепные теплоизоляционные свойства. Такое дополнение к крепости тела и выносливости древнейшего охотника давало уверенность увеличения шансов на удачное завершение ночевки.

Глава 2. Белая пирамида

Информация о вышеперечисленном чуде изобретательности древних северных строителей пришла именно в тот момент, когда она была чрезвычайно востребована. Человек уже перестал удивляться и даже стал испытывать определенный скепсис по поводу высказываний о случайностях, стечении обстоятельств и так далее. Вот, например, сейчас он находился в поиске решения проблемы обустройства ночлега в зимнем лесу. И тут он случайно?! Садится к телевизору в определенное время и опять случайно (!) выбирает из множества каналов один и включает именно его. А там случайно (!) идет документальный познавательный фильм, где автор этого проекта в популярной форме излагал климатические проблемы нашей планеты и на фоне их иллюстрировал свою теорию примерами удачной приспособленности человечества к этим природным катаклизмам с экскурсом в далекое прошлое. И бодрый канадский траппер, то есть охотник, кстати, совсем не индеец, демонстрирует на широком экране сюжет постройки снежной хижины по технологии канадских ин-

дейцев. Одноминутный или, может, чуть больше отрывок фильма смотрелся и впитывался в память на одном дыхании. Боязнь упустить какие-то важные детали держала в напряжении все это время, и когда сюжет закончился, в памяти осталась информация в виде инструкции по строительству, но не запечатлелось само название жилища, а оно было названо автором сюжета, но это уже было не важно, главное, что суть идеи была уяснена. Осталось дело за малым, за воплощением ее в жизнь!

Как раз случайно (!?) через неделю после просмотра этого сюжета экспериментатор по выживанию в зимних условиях планировал отправиться в свой одиночный поход. До сего момента проблема с ночевкой еще не была решена. Палатка с печкой была отвергнута из-за сложностей и громоздкости, оставался сомнительной вариант с «надьей», больше пока вариантов не было. «Надя» — это было название таежного костра из особым образом уложенных бревен, чье главное предназначение и было обеспечение ночлега в зимних условиях.

А лес звал и манил. Человек ощущал себя птицей, которую внутренний зов к сезонному перелету отрывал от земли в стремлении преодоления трудных миль пути. Хотелось лететь, идти, не было сил оставаться дома в четырех стенах, ветер странствий гудел басовой струной в груди. Греть кострами студеное зимнее небо, идти к синему излому горного горизонта, дышать воздухом свободы и жить свободно пусть краткое, но счастливое время.

Информация, пришедшая «случайно», но очень своевременно, дала человеку надежду, что его идею многодневного одиночного зимнего похода можно воплотить в жизнь. Надежду, но не уверенность. Одно дело кино, где все на экране гладко и красиво, другое дело — воплотить все это на практике. Но в любом случае попробовать это

стоило. Судя по видеоряду, особых затруднений не должно быть. Все необходимое для строительства жилья и жизни в зимнем лесу было в наличии. На случай если все-таки эксперимент со строительством еще ни разу не апробированной снежной хижины не увенчается успехом, существовал запасной план с ночевкой у «надьи», с дальнейшим развитием событий, исходя из результатов этого вида ночевки.

И вот долгожданный момент старта первой зимней одиночной экспедиции наступил. Та действительно первая зимняя экспедиция, которую предпринял наш путешественник в свои далекие юные годы, не бралась им в расчет, так как в свою настоящую будущность он охарактеризовывал ее как авантюру, не достойную нести гордое название «путешествие». Желание опробовать на практике новую идею создавало определенную интригу задуманному предприятию. Путь предстоял неблизкий, ходовой зимний день был короток ввиду естественной непродолжительности светового дня, поэтому наш путешественник пустился в дорогу еще до рассвета, когда еще ни один робкий лучик солнца не брезжил на горизонте. Едкий пот, выедающий глаза, усталость и нагруженные рюкзаком до ломоты плечи — весь этот тяжелый труд можно было вынести за скобки того сложного уравнения, которое необходимо было решить в данный момент человеку, ведь по окончании этого процесса решения его ждал блистательный результат. Ветер дальних странствий перевернул эту страницу воспоминаний, избавив читателя от описания сложностей и трудностей очередного похода, которые в чем-то были схожи с теми, которые пришлось претерпеть путешественнику в предыдущих экспедициях, и изложением этих подробностей уже в достаточной степени изобилует эта книга. Эфирный поток времени, рожденный в момент перелистывания страницы воспоминаний, с легкостью невесо-

мой пушинки перенес ускоренное повествование о прошедших событиях на завершающий этап этого ходового периода, на одну из заснеженных полян горного хребта, где путешественник после тяжких трудов сегодняшнего дня решил устроить базовый лагерь.

Лаборатория по проведению нового опыта по выживанию была отлично укомплектована и обеспечена всем необходимым. Ровная площадка для строительства хижины, пушистые объемистые сугробы снега, изобилующие строительным материалом, наличие в непосредственной близости от места предполагаемой ночевки больших запасов разнокалиберных сухих дров, от хвороста до огромных бревен. Все это могло бы понадобиться при неудачной попытке строительства снежного дома. Зимнее солнце еще катило свой огненный диск к западу, но тот промежуток времени, что остался до наступления полной темноты, по теоретическим расчетам, подчеркнутым с экрана телевизора, должен быть вполне достаточен для того, чтобы возведение снежной хижины могло воплотиться в реальность.

Небольшая складная алюминиевая лопата была главным и единственным инструментом, используемым снегостроителем. Среди туристов и горных спасателей она фигурирует как «лавинная лопата». По самому названию можно домыслить, для каких целей можно использовать этот предмет. В данный момент разгоряченный работой лаборант испытательного полигона споро перемещал снежную крупу из прилегающих к площадке сугробов в центр поляны. Работа лопатой — это было одно из усовершенствований, которые наш экспериментатор придумал, чтобы ускорить процесс набрасывания снегового материала для строительства куполообразной хижины.

По первоначальной доисторической технологии эту функцию должны были выполнить снегоступы — гениальное изобретение древнейших охотников севера, облег-

чающее продвижение по рыхлому снегу их обладателям и используемое в случае необходимости как подручное средство для строительства снеговых укрытий. Канадский траппер из фильма ловко орудовал снегоступами, споро вздымая снежные валы в коническую конструкцию. Его универсальный инструмент продвижения и строительства был хоть и изготовлен в современное время, но по технологиям предтечей современных индейцев.

Дотошному экспериментатору, что в данный момент громоздил снежный террикон в центре поляны, очень бы хотелось изготовить свое первое снеговое жилье по каноническим правилам, используя первобытные инструменты, но за неимением оных он ловко орудовал лопатой.

В дальнейшем, уже приобретя в свое пользование снегоступы — великолепное чудо современных технологий из пластика, синтетического текстиля и облегченных металлических сплавов, очень отдаленно напоминающих их доисторические прототипы, человек получил возможность воплотить свои нереализованные желания в жизнь. Эффект был ожидаемый. Неплохо, но производительность очень невысока. Споро орудуя лопатой, снегостроитель при наличии обильных снегов мог воздвигнуть холм заданной высоты за 1 час с небольшим. При помощи снегоступов время возведения снегового кургана увеличивалось почти вдвое. Оставив в стороне размышления о сокровенных секретах древнего снегостроения, обратим внимание на дальнейшее развитие событий, происходящих с почитателем древнейших технологий.

По прошествии приблизительно полутора часов в центре заповедной поляны гордо возвышалась белая пирамида — символ поклонения благодарного современника перед знанием далеких предков. Высота ее соответствовала росту строителя. Обладателю хорошей гренадерской стати пришлось немало попотеть, чтобы взметнуть ввысь это

мегалитическое сооружение на искомую отметку. Древнейшие северные пращеры, вероятнее всего, были менее высоки, и жизненное пространство для них внутри хижины было не столь велико, как для современного продолжателя их традиций.

Теперь наступил период ожидания. Морозец стоял бодрящий: -20, -22 градуса ниже нуля. Но это была вполне терпимая, и даже в какой-то степени комфортная температура для зимы, тем более в горах, где значение -25 градусов и ниже нередки и даже повсеместны. По канонам древнейшей технологии масса снежного песка или крупы под своим весом начинает слеживаться и утрамбовываться. Но не это главное. Самый верхний слой снеговой массы принимается «спекаться», как ни странно звучит этот термин, под воздействием низких температур в прочную корочку. Толщина этой будущей крыши не превышает 2—2,5 см. Но эта малая величина по своей надежности и теплоизоляции может дать фору многим современным теплоизоляционным материалам данной толщины. К тому же она поглощает влагу и высушивает воздух внутри жилища. Ждать полного «спекания» крыши в монолитный массив нужно один час, может быть, чуть больше, в зависимости от показаний наружной температуры. Чем более бодрящий морозец стоит на строительной площадке, тем быстрее «спекается» снег на кровле.

Час ожидания, предоставленный в распоряжение экспериментатора, не прошел даром, а был использован с максимальной пользой. Заготовка дров для будущего ночного костра, благоустройство лагеря с обязательной установкой теплоотражающего экрана позади места будущего восседания покорителя рукотворных снеговых вершин. Час пролетел незаметно.

Наступил момент истины. Воплотится ли в жизнь задуманное, или наш экспериментатор потерпит фиаско?

Глава 3. Все получилось!!!

Все получилось!!! Не обманули ни автор фильма, ни канадский траппер, ни древние предки индейцев. С первоначальной осторожностью наметив место будущего входа, человек приступил к главной процедуре — освобождению внутреннего пространства хижины от снежной крупы. Без видимых усилий прорубив в твердых и действительно нетолстых пластинах снегового наста арочный проем будущего входа, в образовавшейся нише наш сомневающийся снегокопатель действительно увидел массу снежной крупы, неизменную в своей первозданной сыпучести и вязкости. Изъять эту текущую субстанцию из глубин снежного холма на первых порах не составляло большого труда. Позади снегопроходческого агрегата, с пыhtением вгрызающегося в холодный и вязкопесчаный монолит, росла гора отработанной породы, то есть снега. Приходилось с периодичностью давать задний ход и разбрасывать это внутреннее содержание хижины по окрестностям поляны, именно в те места, откуда он совсем недавно и был препровожден в чрево жилья. Вход в будущий снеговой дом не должен быть ни широким, ни высоким. Ровно таким, чтобы один человек мог пройти по нему на четвереньках. После того, как коленопреклоненный тоннель входа был выгрызен в белом монолите снега, наступила пора арочного строительства, если отвлеченно представить, что внутренний сферический белоснежный свод жилья является набором арок. Если в момент туннелестроения человек сравнивал себя с проходческим комбайном, то здесь для единоборства со снежным супостатом был избран звериный стиль стилизованного восточного единоборства. Смесь енота и барсука. Имитируя навыки этих достойных представителей землеройного сообщества, человек выцарапывал себе внутреннее жизненное пространство спального по-

мещения. Компенсируя отсутствие остроконечных когтей, основных рабочих инструментов землероев, наш снегорой вооружил свои конечности более эффективным для данного рода деятельности орудием — лопатой. Лежа на спине или на боку, снежный единоборец наносил акцентированные удары своим действенным инструментом, с каждым ударом уменьшая количество аморфной снежной массы, главного противника в этой схватке не на смерть, а на жизнь (перефразируя знаменитую фразу «биться не на жизнь, а насмерть»). Потому что снег сейчас для человека был не врагом, а скорее другом, который будет защищать его от ночной зимней стужи, и внутри снегового террикона кипела битва не с лютым врагом, а скорее спортивное единоборство двух завязых соперников, чей спор о первенствовании длится уже не первый год и все не может разрешиться. Белый поединщик не хотел сдаваться без боя и избрал коварную тактику охлаждения своего расплывшегося визави. Сыпучие струйки снежного песка всепроникающими щупальцами ледяного монстра заползали в каждую щель одежды и от тепла тела плавилась, но напоследок оставляя свой холодный отпечаток в виде студеных ручейков влаги, отнимающих драгоценное тепло у человека и силы на его восстановление и превращающих одежду в замороженный ледяной панцирь, негнущийся и плохо сохранивший все то же живительное тепло.

Несмотря на все препоны, дело двигалось к своему завершению. Пустота внутри снежного холма увеличивалась в размерах. Уже можно было стоять на коленях, стесывая холодную штукатурку с потолка и стен. Рассеянный свет зимнего вечера втекал через лаз входа, и внутри снежного забоя было сумеречно, но достаточно светло, чтобы увидеть все внутри происходящее. И вот наконец наступил тот долгожданный момент, когда после очередного скребка по сводчатому потолку снеговая

масса в этом месте начала светиться изнутри, указывая на то, что прослойка снега уже истончилась до той степени, что вечернее зимнее солнце смогло послать свой приветливый сигнал сквозь крышу хижины. Лавинная лопата, шлифующая потолок в этом месте, с каждым разом как реостат увеличивала сияние снежного потолка на множество люменов. И вот уже яркое световое пятно отблеском надежды в полумраке небытия указало Искателю Истины, как надо действовать дальше, разгребая завалы неведения, холодные, сыпучие и вязкие, чтобы солнце Истины засияло на всем небосводе просветленного сознания. Вся эта аллегория, или иносказательная мысль, сама пришла в голову заледеневшему до хруста снегокопателю, когда он, стоя на коленях в своем незавершенном холодном храме терпения и упорства, с чувством благоговения поднял голову вверх в направлении сферического купола крыши и обожательно лицезрел яркое пятно, разрушающее своим сиянием полумрак помещения, как полумрак бытия. Следуя аллегорическим указаниям, надо было расчистить весь небосвод, то есть сделать толщину крыши снежной хижины такой, чтобы свет равномерно изливался по всей сфере крыши. По расчетам снегостроителя, толщина крыши должна быть 2,5—3 см. Так оно и оказалось на самом деле. В одном месте рьяный искатель «солнца истины» так истончил небосвод, то есть сферическую крышу, что пробил ее насквозь. Воочию убедившись в том, насколько она тонка, он так же легко, как повредил ее, исправил эту ошибку. Хвойная лапа, уложенная с наружной стороны на место аварии и припорошенная сверху порцией снега, надежно зацементировала заплатку, несколько не повлияв на теплоизоляционные качества жилья.

Спальное место — широкое и длинное, более чем рост будущего возлежателя, ложе из прессованного снега, ступенькообразно выдающееся из пола убежища и прилегающее вплотную к одной из наклонных стен жилища,

несколько небольших ниш для всевозможных мелких вещей, вырубленных в стене приюта, — вот и все жилье, вернее, спальня на эту предстоящую ночь. Жилье все-таки подразумевало постоянное, комфортное пребывание в помещении, предполагало приготовление пищи и так далее. Внутри снежной хижины, к сожалению, невозможно было стоять во весь рост, но сидеть на кровати (что ж, если на этом ложе можно спать, то почему бы не кровать?), не касаясь головой потолка, было вполне комфортно. Внутреннее убранство спального помещения в нордически-спартанском стиле не блистало изысками комфорта, но в матово-молочной подсветке, которую излучали потолок и стены, жилище выглядело очень привлекательно и сулило отдых и покой усердному автору этого творения. Но для того чтобы этот ночной отдых не стал последним в его жизни и освежающий сон не превратился в беспробудный, необходимо было соблюсти ряд предварительных мер, чтобы объятия Морфея сегодня были дружественными и согревающими.

Оберегающие тело человека от жгучего холода кровати теплоизоляционные коврики были хоть и малы по весу и толщине, но свою функцию выполняли исправно, это мог бы по заслугам оценить научный руководитель этого проекта — северный охотник минувших эпох. Но неоспоримо и то, что его спальный гарнитур из натурального меха был тоже недурен в свое время, пусть и не был таким компактным и облегченным, как у его современного ученика науки выживания. На вершине всей этой теплоизоляционной композиции вальяжно и расслабленно плющил свое синтетическое тело кокон спального мешка. Старый надежный и проверенные друг, сопровождавший нашего путешественника во всех его зимних походах, согревающий усталое тело путника и заслуживший в устах ценителя достойных вещей заслуженную похвалу. При температуре зимней атмосферы минус 17 градусов он мог обеспечить вполне сносные условия выживания. При

более высокой температуре эти условия становились уже комфортными. По заявленным видеоэкспертами характеристикам, температура внутри жилища должна быть в пределах -5 градусов Цельсия. Все технические детали проекта были исполнены в срок и с хорошим качеством. Сам снежный дом, его внутренняя составляющая — все ждало новоселья. Спальня с разобранной для сна кроватью по всем непреложным для всех снеговых гостиниц требованиям с нетерпением ждала нового постояльца. Но для того чтобы соблюсти все церемонии, соискателю ночлега необходимо было провести еще один непреложный ритуал подготовки к этому событию. Не менее значимый, как все проведенные ранее домостроительные работы.

Зимний день стремительно угасал. Солнце уже не могло своим слабым светом пробить хрупкую истонченную снеговую толщу купола жилища. Еще совсем недавно его свет, чудесным образом преломленный снеговой призмой, в сиянии лунного спектра превращал внутреннее убранство хижины в фантазмагорическую картину неземного пейзажа, и слабые переливы алмазных сияний снежинок в лунном сиянии дополняли эту картину колоритом сказок о ледяных чертогах и Снежной королеве. Для дворца помещение было маловато, и ее Ледяное Высочество, надо думать, без сожаления отказалась бы от столь мало-размерных апартаментов. А для нашего путешественника, привыкшего довольствоваться малым, оно было то что нужно! Да, сейчас в хижине уже стало темно, и последние завершающие действия по подготовке к ночлегу проходили при свете налобного фонарика. Последний раз оком электрического светильника тщательно осмотрев внутренности снежного дома и убедившись в том, что все подошло к своему логическому завершению, наш до хруста замороженный снегодомостроитель, поскрипывая своими ледяными доспехами, в коленопреклоненном положе-

нии протиснулся наружу из своей рукотворной снежной опочивальни.

Глава 4. Подготовка к новоселью

Пора было заняться собой. Все то время, что проводились снегоизвлекающие мероприятия, недалеко от возводимого жилья ярким протуберанцем, упавшим на землю, жаркой яростью полыхал гигантский костер. Наличие неисчерпаемых запасов сухой древесины оправдывало такое расточительство. Выбравшись из чрева завершенной постройки и приняв горизонтальное положение, прямостоящая фигура, напоминающая оживший монумент, со скрипом несмазанного механизма неверной роботической походкой приблизилась к этому концентрированному огненному очагу жизни и остановилась в непосредственной близости от него. Возвращенная энергия солнца в треске расщепленной древесины испепеляющим дыханием коснулась обледеневшего монумента, осмелившегося выбрать себе постамент столь близко к яростному горнилу. Ледяная броня, ровным слоем покрывающая всю одежду, сдержала первоначальный жаркий натиск, но та метаморфоза, что произошла с такой статичной и контрастно выделяющейся в свете пламенных софитов ледяной фигурой, прямо вписывалась в контекст действия зимней сказки в обворожительных декорациях горного леса. Хрупкий панцирь, блеснув в последний раз призмами лунных зеркал, отраженных огненным светом, бурно вспотел мириадами крупных капель влаги, как слезным воспоминанием о своей недолговечной и хрупкой ледяной жизни, и взорванный изнутри мощью огненной плазмы с легким, еле слышным шипением превратился в легкий белесый пар, укутавший волнующимся аморфным коконом всю статичную фигуру естествоиспытателя. Как будто

дух — Спирит — неведомого ледяного существа покидал земную юдоль печали и плача, чтобы вернуться в свои сферы кристаллической космической гармонии и стабильности.

На самом деле все эти опыты по сублимации кристаллов льда в парообразное состояние были не более чем практическим применением на практике знаний физики на уровне средней школы. И все эзотерические истолкования этого сугубо материального явления пусть останутся на совести героя нашего повествования, склонного романтизировать, казалось бы, самое обыкновенное явление. Все было до банальности просто. Для того чтобы снять верхнюю одежду и просушить у костра, было необходимо первоначально ее размягчить, вот в чем была главная причина этого эпического стояния на огнепек таежного костра. Вернув верхнюю одежду в состояние податливой, пусть и достаточно влажной пластичности, сублиматор избавился от этих малосогревающих покровов, чтобы сменить свой гардероб на сухую одежду, скроенную и сшитую по последней таежной моде. Запас сменной одежды и обуви для зимних походов всегда ожидал своего часа в потаенных закромах рюкзака. Этот час наступал в тот момент, когда все мероприятия по благоустройству лагеря и места будущей ночевки завершались, и перед тем как отойти к заслуженному долгим ходовым днем сну, по заведенному многими поколениями путешественников непреклонному правилу, надлежало привести мокрую одежду и обувь в работоспособное состояние, то есть высушить и починить, если в этом есть необходимость. Завершив переодевание и повысив тем самым градусы настроения от ощущения сухости и комфорта, что дает телу сухая и теплая одежда, наш радетель традиции не забыл исполнить ежевечерний ритуал, имеющий такие глубокие практические корни. Одежда пока не требовала починки, поэтому все близлежащие кусты вскоре украси-

лись украшениями из раскинувшейся в летящем порыве куртки и изображающего глубокий продольный шпагат комбинезона. Горячие восходящие потоки воздуха от костра колыхали ветки ивняка, на вершину которых были нанизаны перчатки, и они, покачиваясь на них растопыренными пятернями, приветствовали кого-то или что-то, только им видимое в темноте зимней ночи. Лишь только горные ботинки, занимающие привилегированное положение и имеющие более высокий статус, судя по тому, что их хозяин для каждого надменного чобота приготовил персональный постамент из замороженных в снег березовых палок, с высоты своего положения высокомерно посматривали на своих собратьев по высушиванию. Истуканы острова Пасхи могли бы позавидовать их самоуверенной спеси и снисходительности, которую они несли в гордой посадке своих тупоносых голов на березовых шеях.

Предоставив жарко пылающему огню использовать свою пламенную энергию для просушки одежды, на периферии этого протуберанца наш изголодавшийся в самом прямом смысле слова путешественник споро и сноровисто приготовил себе несколько запоздавший, но такой долгожданный ужин. Рюкзак, совсем недавно исполняющий роль платяного шкафа, в мгновение ока преобразился в буфет, за закрытыми дверцами которого хранились запасы съестных припасов не бог весть какого ассортимента, но очень питательные и калорийные. Незамысловатая каша или жидкая похлебка, приготовленная без всяческих кулинарных изысков, обладала фантастической популярностью и имела широкий круг приверженцев и почитателей, правда, в достаточно узком кругу туристов и путешественников-экстремалов. Пик восторгов и восхваления данной кухни приходился именно на время экспедиций или походов, когда их участники вкушали эти яства. Приготовление подобной пищи в стерильных домашних усло-

виях было обречено на провал, так как воспроизведенный в результате слепого копирования рецепт таежной кухни разительно отличался от своего прототипа, и вкус не тот, и консистенция другая, и вообще все не то, не вкусно! Топленая снеговая вода или родниковая летом, настоянная на угляках, хвоинках, палочках, то есть на всем том, что оказалось в данный момент в бурунном кипятке походного котелка. И звериный аппетит, который почему-то сравнивают с волчьим, хотя и другие представители лесного сообщества могли бы поспорить за то, чтобы представитель их рода блистал в определении хорошей работы пищеварительного тракта. Это две основных составляющих рецепта приготовления божественно вкусной пищи на костре в лесной чашобе. И уже сами продукты, помещенные в котелок щедрой рукой повара, были всего лишь дополнением к той острой, пикантной и терпкий приправе, что родилась из смешения двух основных составляющих.

Незабываемые ощущения посиделок у костра с миской горячей таежной похлебки и кружкой ароматного чая не единожды посещали в сонных грезах нашего путешественника, тоскующего по вольным таежным ветрам. Ну а теперь наступил наконец тот благословенный момент, когда его потаенные сны и желания воплотились в явь. Энергично орудуя ложкой, с каждым взмахом ее приближая видения дна котелка, согретый изнутри и обласканный теплом костра, он был на вершине блаженства. Жизнь удалась!

Отблески огня как фотографические вспышки выхватывали из темноты белый сферический холм с зияющим темным провалом входа. Приближался момент истины. Таежный ужин был съеден с тем самым звериным аппетитом (не будем уж больше обижать какого-то уникального зверя, в лесу все горазды покушать!). Основная рабочая одежда путешественника просушена до хруста, сам испы-

туемый согрелся, и тело, получившее энергетическую подпитку в виде сытной пищи, расслабилось в этой атмосфере ничегонеделания, время которой наконец-то наступило, когда все запланированные на сегодня работы выполнены с заделом на утро следующего дня.

Как уже говорилось выше, атмосфера была расслабленной и убаюкивающей, и общий настрой вызывал ответную реакцию в организме. Человек начал поклевывать носом, хотя стрелки часов показывали еще не самые большие цифры, как говорилось в мире людей, время еще было детское. Ну что ж, если человек всегда считал, что он дитя природы, и в окружении стихии его Великой праматери на него распространялось родительское волеизъявление о необходимости смежать веки в это раннее время, то он как послушный сын не будет перечить ее воле. Обязательным условием для любящих родителей и их отпрысков была вечерняя сказка, рассказанная на сон грядущий. Человек не только услышал от своей матери-природы чудесную сказку, но и сам стал участником всех тех событий и явлений, что происходили в ней. Зимняя сказка, в которой принимало участие наше великовозрастное дитя природы, была безостановочна и многогранна, и пусть это были грани ледяных кристаллов, но волшебный калейдоскоп смешивал их в невообразимой красоте композиции. И хотя эта красота была холодной и недолговечной, воспоминания об увиденном никогда не канут в лету, и желание еще раз стать участником ледяной феерии приведет на снежные поляны нашего читателя Зимней сказки.

Ритуал подготовки к снежному ночлегу представлял из себя всего лишь переодевание в сухую одежду, выслушивание основной одежды и обуви, ну и естественно, сытный ужин. Все формальности были соблюдены, и уже ничего не удерживало усталого путника от желания наконец-

то опробовать на практике новый вид выживания в суровых условиях зимы.

Луч налобного фонаря мягко лег на утрамбованный снег тропинки, ведущей от костра к рукотворному жилищу. Снегостроитель сегодня не один раз впечатал свой ботинок в полотно будущей дороги к ранее неизведанным ощущениям, что ждали новосела, поэтому покрытие ее уплотнилось до состояния бетона и, прихваченное крепким морозцем, приглашало человека незамедлительно ступить на его твердый наст и пройти это небольшое расстояние на территорию неизведанного. Высохшие одежда и обувь, которые исправно согревали и укрывали путешественника весь сегодняшний день, — все эти незаменимые аксессуары путника находились сейчас в легком водоотталкивающем мешке, что почти невесомой ношей оттягивал левую руку снегоиспытателя. На правом плече уже основательным грузом горбился рюкзак — надежный друг и опостылевший истязатель уставшей плоти, в зависимости от той ситуации и времени, когда он исполнял свои функции. Либо он одаривал своего хозяина на стоянке богатствами своих недр, либо вгрызался невидимыми клыками лямок в уставшие плечи, становясь с каждым шагом все тяжелее и тяжелее, во все остальное время передвижения, предшествующее долгожданной стоянке. Хруст снега под ногами идущего разрывал ночную тишину безветренной зимней ночи...

Глава 5. Новоселье

Преодолев то невеликое расстояние до зияющего чернотой входного отверстия жилища, новосел без лишних церемоний вместо полагающейся в этой ситуации кошки — первообживательницы жилья, резким швырком, напоминающим подачу шара в боулинге, запустил мягким

мешком с одеждой в развернутый черный зев входа. Будь на его месте все-таки кошка, он бы не позволил себе такой бестактности по отношению к домашнему питомцу, но его мягкий метательный снаряд и не такое претерпевал в своей походной жизни, и небольшой полет ни в какой мере не повредил ему. Приглушенный шлепок, последующий за этим, указал мешкометателю, что его посыл достиг цели. А теперь наступила очередь самого хозяина снежных апартаментов. Само собой разумеется, его никто не бросал наподобие мешка-первопроходца, приходилось опираться только на свою сноровку и сообразительность (однако, какими необычными терминами были названы все четыре конечности, на которые сейчас нужно будет опираться, и кто из них сноровка, а кто сообразительность?). Рюкзак уже стоял возле входа в жилище, и коленопреклоненный новосел, пятясь задом в лучших традициях ракообразных, таких, например, как рак-отшельник, стал исчезать в глубинах своей снежной раковины. Сходство дополняло то, что и как природный прототип членистоногого, первый одной из своих клешней тянул за собой какой-либо предмет, который в дальнейшем будет играть роль преграды, закрывающей вход в жилище. Отличий было, конечно, больше, самое главное, что сноровистые руки человека не могли идти ни в какое сравнение с хитиновой клешней ракообразного, ну а так в принципе все было похоже. Человек тянул за собой рюкзак с той же целью — сделать из него дверь, преграду и далее по порядку по списку рака-отшельника. Кстати, коллега тоже предпочитал одиночество. Плотная пробка рюкзака расклинилась во входном отверстии. Щели между капроном и снежной стеной входа было вполне достаточно для того, чтобы свежий воздух снаружи беспрепятственно проникал внутрь жилища, а углекислый газ от дыхания ночлежника мог покинуть внутреннюю нишу. «Ну вот, дверь закрыта на щеколду и на задвижку», — улыбнулся своей шутке человек.

Единственный свет, который озарил внутреннее пространство снежной хижины, был холодный свет электрического фонаря. Озарял, потому что иного определения в небогатой в общем-то массе слов подобрать было трудно. Внутри сферической жилой камеры стояло зарево от множества раздробленных мелких ледяных кристаллов. Слабый свет маломощной электрической лампочки не мог осветить весь сферический небосвод потолка, подобно панорамным полотнам планетария, но там, где сияющий световой глаз останавливал свой взор, загорались мириады микрозвезд, сонмы неведомых созвездий самых причудливых очертаний и множество разнообразной космической неразберихи, приуменьшенной до состояния микромира, но от этого не ставшей ни на малую толику все такой же прекрасной. Конечно, это был всего лишь отраженный свет от направленного в скопище снежных кристаллов непредвзятого луча технического приспособления для освещения. Но эффект был фантастический! Микроспектральные сполохи гасли и уходили в небытие, лишь только сияющий луч изменял свое направление, и вспыхивали с новой силой в другом месте, стремясь превзойти своим блеском и роскошью всех предыдущих космических собратьев.

А что это за запах, такой на самом деле знакомый, но ощутимый человеком в далекие времена после буйства летней грозовой стихии? Да, именно! Это был он — озон! Особый вид кислорода, когда к большой букве О — символу кислорода по таблице химических элементов, в верхней правой ее части ставится цифра 3 вместо обычной 2. Рожденный в горниле грозовой вспышки молнии, ни с чем не сравнимый запах свежести, бодрости и счастья жизни. Последнее определение запаха как эмоционального состояния было определено человеком в те далекие времена, когда он был совсем маленьким ребенком и после прошедшей летней грозы вдохнул этот запах, обозначив его

для себя как «счастье жизни». Две первоначальные характеристики пришли в его словесный обиход уже в зрелом возрасте, очень долго в определении запаха озона он придерживался своей детской формулировки. Но оказывается, что и снег, правда, исключительно свежий и не очень слежавшийся, тоже пахнет озоном! Чудеса, да и только! Зима и гроза — вещи разнополярные, а вот поди ж ты! Умные яйцеголовые ученые, конечно, нашли бы ответ и на этот вопрос. Но ведь «счастье жизни» и его запах никуда не улечутся. Поэтому будем жить в счастье и вдыхать его запах, а не требовать объяснить этот феномен.

Мешок с одеждой валялся посередине жилища, разобранная постель ждала своего постояльца, а он сидел на полу собственноручно созданной комнаты чудес и, задрав голову вверх, гонял лучом фонарика своего электрического зайца, если сравнить по аналогии это явление с «солнечным зайцем». И ноздри его трепетали. Мягкая волна счастья иголочками озона покалывала расправившиеся в супервосприятии его легкие. Было хорошо и благостно...

Холода не ощущалось. Даже наоборот. Внутренний жар энергий, полученных от пищи и лучистой плазмы огня, разогнал и разогрел жизненный ток крови до такой степени, что даже было не то чтобы жарко, но очень тепло. Походный термометр с большой долей погрешности, но все же показывал предначертанную ему величину -5 градусов. Наружная же температура, определенная этим же измерительным прибором, было равна минус 25 градусов Цельсия, и это была лишь первая половина ночи, мы знаем, что под утро отрицательные величины упадут еще ниже. На перепаде разницы температур, которая в данном случае достигала 20 градусов, и достигался первоначальный эффект тепловой комфортности. Начало неплохое, будем наблюдать далее. Легкий морозный парок, срывающийся с губ человека при дыхании, указывал

все-таки на то, что атмосфера внутри его жилища, воздух которого он поглощал, все-таки имеет отрицательную температуру, пусть и небольшой величины, но со знаком минус. Сухие вещи, терпеливо ожидающие своей участи в герметичном мешке в скомканном состоянии, были извлечены оттуда решительной рукой, расправлены и препровождены на новое место их обитания на период сегодняшней ночи. Добавочная прослойка из сухой одежды, располагающаяся между теплоизоляционным ковриком, лежащим непосредственно на снежном ложе, и самим спальным мешком, усиливала эффект сохранения тепла, да и хоть немного, но смягчила жесткую конструкцию снежной кровати.

Можно было ложиться спать. Все обязательные условия для того, чтобы это ночевка состоялась, были соблюдены. Выполнены последние и самые последние действия по благоустройству спального места. Но сон как ветром сдуло. Сидя на кровати из прессованного снега поверх растеленного на ней спального мешка, человек застыл в неподвижной позе созерцателя. Все звуки, сопровождающие его действия по обустройству ночлега, исчезли. Ни скрип снега, ни шорох одежды не нарушали тишину звукового эфира, царящую внутри перевернутого снежного акустического колокола, в чьем фоническом поле пребывал наш очарованный слушатель безмолвия.

Внутри звукового колокола было действительно очень тихо, но это не было мертвой тишиной, вязкой и беспросветной. Ни один звук извне не проникал сквозь снежную мембрану стен.

Тишина была звенящая, с многогранным изменением уровня и тона звучания. Как будто микроскопические мягкие шарики с находящимися внутри их серебряными вибрирующими в восторге бытия колокольчиками сталкива-

лись в сутолке броуновского движения И сам момент этого столкновения прождал резкий всплеск снежно-хрустальных вибраций. Была ли это безмолвная бессловесная интерпретация своего собственного эмоционального состояния на тонком вибрационном уровне, или это были умиротворяющие такты космических симфоний, достигшие наконец-то слуха страждущего по ним человека в момент тотального молчания. Или это были колебательные дрожания атомных ядер в микрокристаллических решетках льда, смятых и разрушенных человеком в результате строительства снежной хижины. Человеку на самом деле это было неважно. Он это слышал, но это не было восприятие звука на уровне наружных органов слуха. Это было внутреннее слышание, проживание в этом состоянии и осознание сверхъестественности всего происходящего с ним. Потому что мягкий звон шел отовсюду, человек не ощущал себя обособленным фигурой, отдаленной от этого чуда границами плоти. Он растворился в этом серебре звуков, и все его клетки и атомы вибрировали и звенели в унисон божественной симфонии.

Глава 6. Человек

Чтобы не растратить и не потерять состояние ирреальности происходящего, человек очень медленно и осторожно поменял свою статичную прямосидящую позу на горизонтальное положение, более предрасположенное для отдыха, ведь это очень неплохо совмещать приятное с полезным. Потушен свет фонаря, и как будто хор цикад в темноте тропической ночи, которых свет сдерживал в своем рвении источать звуки, с удалением этого раздражающего фактора взрывался волной дифирамбов в адрес создателя, так и серебряные звоны в полной, без единого проблеска света темноте зазвучали с удесятерен-

ной силой. Звон не был болезненным для восприятия, увеличилась лишь его глубина и мощь.

Мягкий и теплый спальный мешок приятно облегал тело со всех сторон, не давая даже малейшей возможности холоду проникнуть внутрь своего изолирующего кокона. Было очень комфортно и тепло. Звоны сменили свой ритм и темп на более успокаивающий и усыпляющий лад. Они стали накатываться как прибойная волна с мягким шелестом по прибрежному песку. Запах озона в темноте как будто усилился. Человек поймал себя на том, что он улыбается. Это было воспоминание детства, когда он совсем маленьким человечком («ЛЮДИКОМ»), как очень точно и верно назвал этот возраст его сосед и друг, кстати, старше его всего лишь на год) смотрел заморожено снизу вверх на небо, полное громад молочно-серебристых кучевых облаков. И по-детски грезил, вознесясь силой мысли на эти блаженные мягкие покровы, как он шествует по ним, резвится и кувыркается. Ну что ж, время прошло, «ЛЮДИК» стал взрослым «ЛЮДЕМ», и детская мечта наконец осуществилась. С учетом возраста игровой вариант мечты был исключен из применения, а вот возлечь на облаке можно было с полным удовольствием. По крайней мере, состояние, царящее в небесных высях, было соблюдено и спроецировано в волшебной атмосфере снежной хижины. Ведь малышу, ребенку, до сих пор живущему в глубине души взрослого уже человека, должно быть в этом путешествие по облакам комфортно и тепло (выполнено!), он должен ощущать состояние счастья, но мы знаем, как наш малыш называл озон в детстве (выполнено!!)! И в этом сказочном мире должны звучать необычные и волшебные звуки, которые можно услышать только в этих возвышенных сферах. Пожалуй-ста, слушай и наслаждайся. Итак, три раза выполнено!!! Значит, мечта исполнилась! Ну а резвиться и кувыркаться можно в любом пушистом и обильно снежном сугробе,

если будет желание. Так что для полноценного исполнения желания нет никаких преград.

Мягкозвончатая волна обьяла своими мягкими покровами очарованного путника, убаюкала вкрадчивым ритмом, и с улыбкой на губах наш невольный творец всего этого волшебства уснул без сновидений. Дело в том, что, возводя для себя снежный дом, наш строитель даже не мог предполагать, что само нахождение внутри него будет подобно воплотившейся в жизнь сказке. Но все то, что происходило с ним, с его бесплотным духом, который где-то неусыпно путешествовал все это время, осталось для него за гранью восприятия. По крайней мере, он не мог вспомнить по прошествии той ночи хоть какую-то внятную и запоминающуюся грезу или видение.

Часть рукотворного облака, а именно лежанка, что приняла на свое ложе телесный груз расслабленного в дреме путешественника, первоначально мягкой кучевой периной, как и полагается в «горних высях», удерживала в горизонтальном состоянии походную постель со всем ее драгоценным содержимым, но под утро избыточным теплом, излучаемым даже во сне «горячим северным парнем», несмотря на все теплоизолирующие прослойки, немного подрастопило и уплотнило снежную твердь, спроецировав на ранее ровную поверхность неглубокий контур человеческого тела в полную величину. Спать было все так же тепло, но, увы, уже не так комфортно. Кстати, «горячий парень» так и не проснулся, но его тело самостоятельно начало ворочаться и переворачиваться, желая найти наиболее приемлемое для этой ситуации положение. Но что-то изменить кардинально уже было невозможно. Поэтому утром следующего дня наш экспериментатор проснулся в чудесном, бодром расположении духа, ощущая себя приятно и прекрасно отдохнувшим и выспавшимся, но в то же самое время с легкой болью в боках

и спине, вызванной разногласием своего физического тела и его жестким отпечатком на спальном ложе. Но эти небольшие бытовые неудобства совсем не смогли затмить ту радость пробуждения, что переполняло все его естество. За ночь искристый снежный свод потолка и стены изменили свое состояние, став более плотными и стеклянистыми на вид. Тонкая, но прочная ледяная корочка ровным слоем покрыла всю внутреннюю поверхность снежной хижины. «Горячий парень» и здесь постарался, своим жарким дыханием наведя льдистый глянец на снежные россыпи стен! Все это нововведение нисколько не повлияло на общую тепловую атмосферу, но, к сожалению, исчез очаровательной озоновый запах, лишь слабое напоминания о вчерашнем благоухании эфирной волной заставляло трепетать ноздри человека.

Ничего, человек, эта снежная хижина в твоей судьбе была первой, но не последней. И ты еще много построишь на своем веку облачных чертогов, и опять будешь дышать запахом счастья! Они будут разные, эти снежные хижины, о каждой можно будет рассказывать отдельно и подробно, как и обо всех одиночных зимних походах.

Будут обустроенные биваки с их минимальным, но таким греющим в прямом смысле комфортом. Будут отчаянные по своей задумке зимние марш-броски, когда как всегда рано наступившая ночь заставляла вносить коррективы в громадьё планов — достичь заранее намеченной точки будущей ночевки, и приходилось коротать время до утра у классического таежного костра «надьи». Не истлеют никогда самые теплые и даже горячие воспоминания об этих ночевках до ожогов на теле от углей из костра, трассирующими пулями впивающихся в тело путника. И много, много всего, чем богат зимний лес и чем он щедро делится с внимательным и благорасположенным к его жизни человеком настоящего и ЧЕЛОВЕКОМ будущего. ЛЕС ждет ЧЕ-

ЛОВЕКА днем и ночью, в летнюю жару и зимнюю стужу, чтобы опять стать с ним единым целым, и от этого факта божественного симбиоза обогатиться новыми силами и возможностями, открывающимися в результате этого сотрудничества, и, в свою очередь, ответно щедро возблагодарить его за это открытием своих сокровенных тайн. Но это должен быть не просто Человек с большой буквы, усовершенствованный и насыщенный самыми последними, пусть передовыми и гуманистическими знаниями об общем строении мира. ЛЕС, великий учитель и строгий экзаменатор, не примет такого индивидуума за равного себе и достойного как минимум к сотрудничеству. ЧЕЛОВЕК — существо, скорее всего, сущность, рожденная в результате непрекращающейся Всевышней эволюции, с совсем иным типом мышления, который является всего лишь беспрекословным исполнением чистой божественной воли, и когда представитель, достигший этих вершин эволюции, ступит в пределы ЛЕСА, только тогда он беспрекословно и с радостью положит к его ногам ключи от всех сияющих сокровищниц, полных сокровенных богатств, потому что он увидит и ощутит за высотой и изгибами каждой заглавной буквы сияющего слова силу, мощь и само присутствие Всевышнего.

Герой нашего рассказа был всего лишь винтиком, или зубчиком шестеренки механизма эволюции, который натужно пытается продвинуть человеческий вид на один шаг к сияющим высотам. Его завышенная самооценка своей миссии и места в этой космической игре толкали его на контакты с ЛЕСОМ с позиций равного с ним. Все дальнейшие события, происходящие с ним, указывали на то, что он еще внутренне не готов к полноценному сотрудничеству, и только покровительство высших сил, которое он постоянно ощущал, оберегало его от негативных и вполне возможно и трагических последствий этих контактов. Но маленький человек, «ЛЮДИК», упорствовал в своих по-

исках ИСТИНЫ, и он был не одинок в исканиях. Ему не очень часто, но все-таки встречались на его жизненном пути люди, близкие ему по духу, с неиссякаемой жаждой желая что-то изменить в этом «упорядоченном», но таком душном и невыносимо давящем для их мятущихся душ мире. Если есть такие люди, то шестеренки машины эволюции со скрипом, но будут проворачиваться, чтобы приблизить появление ЧЕЛОВЕКА, встречу с которым так жаждет ЛЕС.

Оглавление

Предисловие (от автора)	3
Вступление	7
Часть 1	11
Глава 1. Костер	11
Глава 2. Пламя стремления	17
Часть 2 Пустынь	20
Часть 3	34
Глава 1. Великий секрет	34
Глава 2. Весна	43
Часть 4 Я — лес?!!	51
Часть 5 Ангел	60
Часть 6 Моралист и реалист	69
Глава 1. ...Хохотал, реготал, ржал...	69
Глава 2. Нечто	75
Часть 7 Серпентарики	84
Глава 1. Скарапея	84
Глава 2. Маленький дракон и псевдогремучка	95
Глава 3. ...Не убий...	102
Часть 8 Мышиные тигры	111
Глава 1. Отбросить хвост и лапы сомнений!	111
Глава 2. Жуть	119
Часть 9 Бурьянные волки	123
Глава 1. Неразумный юнец, что с топтыжки удалец!	123
Глава 2. Пытка страхом	131
Часть 10 Извечный экзамен жизни	141
Часть 11 ...Зверьки, зверушки, зверины...	150
Глава 1. Белк — великий и ужасный!	150
Глава 2. Усатые, полосатые... бурундуки!	158
Глава 3. Медвежья, но учтивая услуга	167

Глава 4. Парнокопытики	172
Часть 12	182
Глава 1. Мыслезудения... я... я	182
Глава 2. Комариный рай	187
Глава 3. Сказка — ложь? Нет!..	193
Глава 4. ...Да в ней намек...	199
Глава 5. ...Добру молодцу урок?!	207
Глава 6. Добрый молодцу урок	217
Часть 13	224
Глава 1. ...Кострами грея холодное зимнее небо... ..	224
Глава 2. Белая пирамида	234
Глава 3. Все получилось!!!	240
Глава 4. Подготовка к новоселью	245
Глава 5. Новоселье	250
Глава 6. Человек	255

Сергей Полковников

Сказка? Быль!
Сказание-бывальщина

Иллюстратор Евгений Мельников
Корректор Екатерина Федорова

Полковников Сергей Николаевич родился 16 апреля 1960 года в Алтайском крае в селе Полковниково. Ему пришлось сменить много профессий в своей жизни. Восемь лет он покорял просторы Мирового океана – «бороздил моря». Сменив соленую ширь на зеленое море тайги тушил пять лет лесные пожары как инструктор парашютист-пожарный. Завершающим и закономерным аккордом трудовой деятельности в России стала работа спасателем МЧС в течении 15 лет. Автор последние годы проживает в Испании, на острове Майорка.

Отправимся вместе с автором и главным участником этих приключений в таинственную лесную чащу. ЛЕС – живое и мистическое существо приоткроет дверь в свою кладовую тайн. Удивительный тонкий мир, опасный и манящий, населенный сонмами враждебных и благожелательных существ через малую щель наполнит своим присутствием всю окружающую действительность. В пути нас ждут незабываемые встречи с его обитателями. Автор приглашает всех, в чьем сердце горит огонь странствий стать спутником этого повествования.